Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 97

КРАЕВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПУШКИНОГОРЬЯ

МАТЕРИАЛЫ XIII Круглого стола памяти М.Е. Васильева (7 апреля 2023 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2023

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)
М 341

Серия основана в 1996 году.

Краеведение, история и археология Пушкиногорья : Материалы XIII
М 341 Круглого стола памяти М.Е. Васильева (7 апреля 2023 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2023. — 224 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 97).

ISBN 978-5-94595-128-0

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы традиционного Круглого стола памяти М.Е. Васильева (1920–2003) — историка, педагога, музейщика, специалиста по охране памятников.

Тематика выпуска разнообразна — от архивных изысканий, посвященных землеустройству нескольковековой давности, до вполне современных, привязанных к 1990-м годам, процессов дооформления территории музея-заповедника; от древности, которой занимается археология, до совсем недавней по цивилизационным меркам героической истории Великой Отечественной войны. Ряд материалов посвящен людям, сыгравшим заметную роль в народном образовании Пушкиногорского района советского периода, стоявшим у истоков создания Велейского краеведческого музея, которому исполняется 60 лет. Стоит также отметить выделяющиеся в отдельный блок «мельничные» тексты — посвященные, собственно, мельницам, бывшим неотъемлемой частью «пушкинского» пейзажа, видимой мироколицы.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы и филологии, краеведения, музейного и библиотечного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-128-0
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2023

В настоящий сборник «Михайловской пушкинианы» включены материалы XIII Круглого стола «Краеведение, история и археология Пушкиногорья» памяти М.Е. Васильева (1920–2003) — историка, педагога, музейщика, специалиста по охране памятников.

На заседании Круглого стола обсуждались вопросы, связанные с изучением истории пушкинского края, сохранения историко-культурных территорий и объектов культурного наследия.

2023-й объявлен в России Годом наставника и педагога.

Об истории народного образования в районе, истории создания Велейского краеведческого музея, которому в этом году исполняется 60 лет, рассказывается в докладах двух участников.

Выступления касались и вопросов землепользования, сохранения историко-культурных территорий Пушкинского Заповедника с 1960-х годов по настоящее время. Они были приурочены к 40-летию решения Псковского облисполкома об утверждении проектов генерального плана Пушкинского государственного музея-заповедника (1983) и 10-летию появления объекта культурного наследия «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области».

Участники рассказали о ранее неизвестных фактах из прошлого Святогорского монастыря в XVI–XVII веках и истории благоустройства его территории в 1940–1960-х годах, из истории ветряных мельниц в окрестностях Михайловского и Тригорского, о реализации положений Крестьянской реформы 1861 года в деревнях Опочецкого уезда, принадлежавших А.А. и Г.А. Пушкиным, о событиях в годы Великой Отечественной войны на Пушкиногорской земле.

Специалистами Археологического центра Псковской области представлены результаты мониторинга памятников археологии в Пушкинском Заповеднике в 2022 году и даны рекомендации по их сохранению, благоустройству и популяризации.

Среди авторов — преподаватели и аспиранты вузов, представители органов государственной охраны объектов культурного наследия, сотрудники Псковского музея-заповедника и Археологического центра Псковской области, краеведы, сотрудники Пушкинского Заповедника.

Опубликованные в сборнике материалы предназначены для широкого круга читателей, интересующихся прошлым и настоящим пушкинского края.

Андрей Васильев,
хранитель Некрополя Ганнибалов — Пушкиных

МАТЕРИАЛЫ
XIII Круглого стола памяти М.Е. Васильева (7 апреля 2023 года)

Ирина Аракчеева, Кристина Косовец, Антон Романовский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА: МОНИТОРИНГ 2022 ГОДА, ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Пушкинский музей-заповедник является не только памятным местом, связанным с жизнью и творчеством великого поэта, природно-ландшафтным и усадебным комплексом, но и местом сосредоточения уникальных памятников археологии. На территории Пушкиногорского района на данный момент известно 115 памятников археологии от эпохи неолита до позднего средневековья, в том числе 42 на территории музея-заповедника. Археологические памятники по территории района распределены неравномерно. Наибольшая концентрация объектов археологического наследия наблюдается в нижнем течении реки Сороти и по берегам озера Кучане (район Пушкинского Заповедника), в районе озера Велье в западной части района, а также в нижнем течении реки Иссы (левый приток реки Великой).

Пушкиногорский район привлекал к себе внимание историков и краеведов уже в XIX веке (Н.И. Костомаров, Н.С. Ильинская, Е.А. Болховитинов, Л.И. Софийский, Д. Лазарев, К.Г. Евлентьев). Первые раскопки курганов на территории парка Михайловского проведены сыном поэта Г.А. Пушкиным и продолжены И.К. Линдеманом. В 1900 году В.Н. Глазовым проведены археологические обследования курганов Михайловского и пригорода Воронича[1]. В XX веке

[1] *Глазов В.Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 году в Опочецком и Новоржевском уездах // Записки Императорского Русского археологического общества. 1901. Т. XII. Вып. 1–2. С. 226.

на территории современного Пушкиногорского района проводились масштабные разведки и раскопки экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного Эрмитажа.

В августе 2022 года сотрудниками Археологического центра Псковской области проведен мониторинг 33 памятников археологии Пушкиногорского района, 30 из них находится на территории музея-заповедника. В результате мониторинга 30 объектов были локализованы, проведена фиксация их современного состояния, актуальная информация о памятниках передана в Комитет по охране объектов культурного наследия Псковской области. Три памятника обнаружить не удалось («Камень-следовик», вторая половина 1 тыс. н. э., деревня Луговка, в центре деревни; «Курган», вторая половина 1 тыс. н. э., музей-усадьба Михайловское, в 100 м к востоку от конюшни; «Курганная группа 4», вторая половина 1 тыс. н. э., музей-усадьба Михайловское, в 1,3 км к востоку от села).

Хочется отметить, что памятники археологии на территории музея находятся под особой охраной и за счет этого имеют лучшую сохранность (18 находятся в хорошем состоянии). Но, тем не менее, небольшая часть памятников находится в удовлетворительном и плохом состоянии. В основном это относится к селищам, подвергающимся хозяйственной деятельности (распашка, индивидуальное жилищное строительство) («Селище», XIV–XVI века, в деревне Луговка; «Селище», XIV–XVI века, в деревне Бугрово; «Укрепленное селище», вторая половина 1 тыс. н. э., у деревни Каменец), и жальничным могильникам, расположенным на территории действующих кладбищ (в деревне Воронич, деревне Крылово).

В результате проведенных работ для памятников, имеющих визуальные признаки на поверхности (городища, курганы, жальники, каменные кресты, идол), в 2023 году в рамках государственного задания запланировано определение границ территории 16 объектов культурного наследия и кадастровые работы для передачи информации в Роскадастр для присвоения этим территориям статуса особо охраняемых. Определение границ территории — это единственный способ защиты памятников археологии, т. к. в границах территории, в соответствии с требованиями современного законодательства, возможны только мероприятия, направленные на их сохранение. Под сохранением памятников археологии в отдельных случаях, когда невозможно сохранить их физически, подразумеваются спасательные археологические работы (раскопки, наблюдение).

Для памятников, не имеющих визуальных признаков (селища, грунтовые могильники), определение границ территории несколько сложнее: необходимо проведение локальных земляных работ для определения распространения культурного слоя. Только на территории музея-заповедника локализуется 22 селища, для которых необходима процедура определения границ территорий. Юридически эти работы называются «археологическая разведка с проведением локальных земляных работ». Для проведения работ необходимо получение Разрешения (Открытого листа) в Министерстве культуры РФ, по итогам работ написание научного отчета и передача его на рецензию в Институт археологии РАН, затем — в архив Института археологии. Очевидно, что проведение этих работ более длительное и более финансово затратное. В настоящее время в рамках ограниченного ежегодного бюджетного финансирования указанный вид работ проводится только на двух — трех памятниках на территории области. Полевые работы (раскопки) позволят существенно дополнить и получить новые данные об уже известных памятниках (зачастую обнаруженных и датированных только по сбору подомного материала на пашнях и огородах). При этом, как показала практика последних лет, площадь территории памятника археологии в ходе таких работ может быть уменьшена, что положительно для хозяйственной деятельности. Полученные в результате этих работ данные в дальнейшем можно будет использовать для пополнения информации об объектах музейного показа.

На сегодняшний день не вызывает больших организационных вопросов работа на незастроенных селищах («Селище 1» и «Селище 2», XIV–XVI века, у деревни Воронич; «Селище», XV–XVII века, у деревни Ромашки). Но на части средневековых селищ в настоящий момент расположены современные деревни (Луговка, Бугрово). Определение границ территорий этих селищ позволит определить границу распространения культурного слоя и вывести часть домовладений из охраняемой зоны объектов культурного наследия. Но организация работ на участках таких селищ зачастую встречает непонимание и даже активное сопротивление со стороны местных жителей.

Так как объекты культурного наследия на территории музея-заповедника находятся под постоянным надзором сотрудников музея, создаются благоприятные условия для популяризации археологии без угрозы дальнейшего разрушения этих объектов. По нашему мнению, сейчас памятники археологии, включенные в экскурсионные маршруты

и находящиеся на территории музейных объектов, нуждаются в дополнительном информационном освещении, учитывая большой поток туристов, самостоятельно посещающих музейные объекты. Для некоторых памятников уже установлены таблички с названием и датировкой, есть информация на сайте музея. В рамках современного информационного поля, может быть, существует возможность дополнить уже существующие таблички информационными стендами, содержащими более подробные данные о памятниках либо QR-коды (информация по которым содержится на сайте музея).

* * *

Подведем итог. Археологические памятники Пушкиногорского района с XIX века привлекали исследователей, но в последнее время постоянной археологической экспедиции, работающей на этой территории, нет.

Благодаря деятельности музея и заинтересованности его сотрудников памятники археологии на территории Заповедника находятся в хорошем состоянии. По результатам мониторинга 2022 года обследовано 27 объектов культурного наследия на территории музея-заповедника, запланировано определение границ территорий 14 памятников. Но, к сожалению, неудовлетворительным признано состояние четырех объектов культурного наследия. Два объекта, расположенные на территории усадьбы Михайловское, не были локализованы.

Для 22 селищ, расположенных на территории музея-заповедника, требуется определение границ распространения культурного слоя посредством проведения археологических разведок с выполнением локальных земляных работ (шурфов).

Яков Рабинович

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО НАСТОЯТЕЛИ В XVI—XVII ВЕКАХ

Ранняя история Святогорского монастыря, где покоится прах великого поэта А.С. Пушкина, изучена явно недостаточно. Исследователи обычно пересказывают церковное сказание о пастушке Тимофее, а далее начинают связный рассказ о монастыре лишь с конца XVII века, с эпохи Петра Великого. Получается, что о самом монастыре, его внутренней жизни, церковном строительстве, событиях, происходивших вокруг него, владениях монастыря, настоятелях после 1569 года и за последующие сто лет мы почти ничего не знаем. Особенно «не повезло» в этом отношении церковным иерархам монастыря. Большинство настоятелей, о которых говорили исследователи, либо вообще не были в монастыре, либо находились в нем в другое время, к тому же этих имен было обнаружено чрезвычайно мало (применительно к первому веку существования монастыря).

Митрополит Евгений Болховитинов в Истории княжества Псковского первым игуменом указал строителя старца Зосиму Завалишина, который в 1598 году участвовал в избрании Бориса Годунова на царство[1], а Павел Михайлович Строев в списках иерархов, говоря, что монастырь основан в 1569 году, указал первым настоятелем Исайю — только в 1633 году, а вслед за ним через 50 лет — Геннадия (1683)[2].

Игумен Иоанн Мазь после строителя Зосимы Завалишина привел следующего настоятеля Феоктиста, имя которого значится на толковом Евангелии, которое тот пожертвовал монастырю в 1603 году[3]. Далее игумен Иоанн со ссылкой на чудотворение со свечой (по одной из редакций монастырской летописи) указал в 1632 году игумена Вениамина.

Ранее в этой же своей книге игумен Иоанн, видимо, цитируя другую редакцию сказания, пишет: «В 1652 году сентября месяца в 1-й день, при

---

[1] *Евгений (Болховитинов), митрополит.* История княжества Псковского / сост. Н.Ф. Левин, Т.В. Круглова. Псков, 2009. С. 379.

[2] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 394.

[3] *Иоанн (Мазь), игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 95.

игумене этой обители Вениамине, пред чудотворною иконою Умиления Божией матери свеча, во время совершения божественной литургии, зажглась сама собою»[4]. Получается, что это чудо произошло на 20 лет позже, а не в 1632 году. Одним из первых еще до игумена Иоанна писал об этом чуде Иван Петрович Бутырский. Следует отметить, что Бутырский, как и игумен Иоанн и многие другие исследователи, ошибались в переводе дат событий, происходивших с сентября до декабря, на один год (на самом деле 1 сентября 7160 года — это 1 сентября 1651 года). Судя по тексту летописи, это чудо произошло именно 1 сентября 1651 года. В рукописной повести, которую цитировал Бутырский, говорится: «Бысть убо и ино чудо во обители на Святей Горе. Достойно убо мне и сие на среду извести и аве всем изглаголати, еже содеяся 7160 в первый день, при игумене тоя обители Вениамине в церкви, пред Чудотворным Образом Пресвятыя Богородицы Умилением загореся свеща сама о себе, никем не возжена!»[5]

Вслед за П.М. Строевым игумен Иоанн отметил в 1633 году в монастыре настоятелем игумена Исайю. Видимо, при этом игумене во время Смоленской войны на завершающем ее этапе в январе — феврале 1634 года поляки разорили окрестности монастыря и сожгли Вороноч, как об этом сообщается в Псковской летописи: «А Литва в то время Вороноч выжгли и высекли, и в Воронцове такоже, и под Островом посад выжгли и высекли, такоже много шкоты учиниша»[6].

Следующий игумен монастыря, Вениамин, упоминается в книге игумена Иоанна только в 1648 году, его имя указано в надписи на книге святого Иоанна Лествичника 7156 года. Далее настоятелем в книге игумена Иоанна записан игумен Геннадий (1662–1683), о котором писал еще П.М. Строев. Начальная дата (1662) указана в связи с тем, что в этот год при игумене Геннадии монастырь получил серебряное блюдо, о чем свидетельствует надпись на самом блюде, которое сохранилось в конце XIX века в Пскове, в кафедральном соборе, на что в свое время обратил внимание И.И. Василев: «Лета 7170 (1661/1662) году выменена сия миса в честь и славу в дом Пресвятыя Богородицы Святогорскаго

---

[4] *Иоанн (Мазь), игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. С. 34.

[5] *Бутырский И.П.* Опыт древней истории города Опочки. Псков, 1879. С. 131.

[6] Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1848. Т. IV. С. 335.

монастыря. Зовомей Синичей горе, исподаяния всего мира при игумене Генадии»[7].

Из всех упомянутых настоятелей только про игумена Исайю имеются конкретные письменные документы того времени. Леонид Иванович Софийский привел один источник, позволяющий уточнить сведения П.М. Строева о пребывании игумена Исайи в монастыре еще до августа 1631 года, а не с 1633 года, как об этом сообщал игумен Иоанн. В царской грамоте, отправленной воеводе Пскова князю Ф.А. Елецкому, от 16 августа 1631 года, говорится: «…сказывал де ему, архиепископу, с Опочки Синичьих гор игумен Исайя, что на Опочке Карп Ушаков пьет непрестанно»[8].

Учтем время на пересылку от Пскова до Москвы грамоты князя Ф.А. Елецкого с жалобой игумена Исайи на пьянство воеводы Опочки Карпа Ушакова (не менее недели). Сюда следует добавить какое-то время на получение этой информации самим Псковским и Изборским архиепископом Иоасафом от игумена Исайи, время на передачу этих сведений от архиепископа воеводе Пскова, на составление грамоты воеводы в Москву. Эта грамота была получена в Москве 14 августа 1631 года, а через день была отправлена царская грамота в Псков воеводе Елецкому. Так что игумен Исайя был в монастыре еще в июле 1631 года, а возможно, что и раньше.

К сожалению, пока не удалось выяснить, откуда Л.И. Софийский взял этот источник (царскую грамоту псковскому воеводе). Об этой грамоте известно из протокола заседания Археографической комиссии от 2 мая 1870 года, когда член Комиссии А.И. Тимофеев представил отчет о древних актах, принадлежавших А.Ф. Бычкову. Все они (свыше 600) касались Псковской истории периода 1623–1704 годов. Среди них — упомянутая «Царская грамота псковскому воеводе князю Федору Елецкому о смене из города Опочки Карпа Ушакова за его нерадение по службе, и о назначении вместо него Ивана Козодавлева»[9].

Про настоятеля монастыря Геннадия, которого игумен Иоанн в своей книге указал в Святогорском монастыре на протяжении 1662–

---

[7] *Василев И.И.* Историко-статистический указатель города Пскова. Издание Псковского губернского статистического комитета. Псков, 1889. С. 91.

[8] *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 2004. С. 92.

[9] Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК). За четыре года. Вып. 5. СПб., 1871. Вып. 5, отд. 4 (выписки из протоколов). С. 134.

1683 годов, можно сказать, что он осенью 1666 года находился в Москве. В Дворцовых разрядах записано, что 2 ноября 1666 года в Москве встречали вселенских патриархов (Паисия и Макария), которые прибыли в Россию по приглашению царя Алексея Михайловича в связи с «Делом патриарха Никона». При этом говорится, что среди встречающих на Лобном месте был «изо Пскова Святогорской архимандрит». Отметим, что, во-первых, указан не игумен, а архимандрит, а во-вторых — монастырь называется Святогорским, а не на Синичьих горах. К сожалению, имя этого архимандрита не указано (имена церковных деятелей среди встречающих в этом источнике не приводятся), но если принять во внимание дату пожалования серебряного блюда в 1662 году именно Геннадию, то это был он[10]. К тому же среди документов, обнаруженных Археографической комиссией, упоминается от 28 декабря 1683 года «Дело по челобитной Успенского Святогорского монастыря игумена Геннадия о грабеже и разбое в монастырской деревне»[11]. Видимо, поэтому приведены начальная и конечная даты пребывания Геннадия в монастыре: 1662–1683.

Трудно сказать, был ли игумен Геннадий в монастыре в тяжелые дни марта 1661 года, когда польские отряды полковника кавалера Юдитского, полковника князя Огинского и поручика гетмана Сапеги Косило совершили рейд к Опочке и Вороночу, «…гоняли де те литовские люди за твоими ратными людьми до Вороноча… Огинский князь Опоческий уезд воевал и села, и деревни, и под Опочкою посады, и Вороноч выжег, и от Опочки де пошел к полковнику кавалеру в сход в Заволочье»[12].

Видимо, Вороноч сильно пострадал в те мартовские дни 1661 года, а что касается Святогорского монастыря, то источники о нем ничего не сообщают. В марте 1661-го поляки были всего один — два дня возле монастыря, потом сразу отступили, узнав о приближении крупных русских сил во главе с ротмистром Иваном Зыбиным. А в следующий раз, ровно

---

[10] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. В 4 т. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 653.

[11] ЛЗАК. Вып. 5, отд. 4 (выписки из протоколов). С. 135.

[12] Отписка из Пскова князя Т.И. Щербатова, о приходе Юдицкого, Огинского и Косилы из-за Двины, по отходе Хованского из Полоцка, также об отрядах Сапеги, Паца, Журомского, Чернецкого, Полубенского и Кмитича. 1661, апреля 15 // Акты Московского государства, изданные Академией наук / под. ред. Д.Я. Самоквасова (АМГ). СПб., 1901. Т. 3. С. 355.

через три года, в конце марта 1664 года, когда в монастыре был игуменом Геннадий, поляки находились в его окрестностях более длительное время. Они тогда устроили себе лагерь в Вороноче. Один из бежавших в Опочку пленных от поляков «из обозу из Вороноча» рассказывал: «Был де он в полону у полковников у Чернавскаго и у Любика в обозе во псковском пригороде Вороноче, а полские де и литовские многие люди стоят ныне на Вороноче и Псковский и Опоческий и Пусторжевский уезды разоряют…»[13] Эти события 1661 и 1664 годов в районе Святогорского монастыря до настоящего времени еще малоизвестны.

Что касается строителя Зосимы Завалишина, о котором пишут многие исследователи, начиная с митрополита Евгения, как о первом настоятеле монастыря, то, к сожалению, он не имеет ничего общего со Святогорским монастырем. В тексте Утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова, впервые опубликованной еще Н.И. Новиковым, дважды подчеркнуто, что этот Зосима Завалишин был из Снетогорского монастыря: «Изо Пскова Снетные горы Строитель старец Зосима… Изо Пскова Снетогорского монастыря Строитель старец Изосима Завалишин руку приложил»[14].

Название «Святогорский монастырь» укрепилось за Успенским монастырем на Синичьих горах позже, только в середине XVII века, ранее он назывался в документах «с Опочки монастырь с Синичьих гор». С другой стороны, в источнике (Утвержденная грамота) прямо говорится о Снетогорском монастыре. Видимо, для первооткрывателя, митрополита Евгения, сыграло свою роль сходство в написании названия (Святогорский и Снетогорский).

При изучении начальной истории монастыря большую помощь в выяснении многих неизвестных фактов, связанных с этим монастырем, могут оказать писцовые книги Вороночского уезда, в которых можно найти сведения о первых настоятелях и о самых ранних земельных владениях монастыря.

В писцовой (платежной) книге Г.И. Мещанинова-Морозова и И.Г. Дровнина 1585–1587 годов имеются сведения о настоятеле

---

[13] Отписка князя Ф. Ромодановского из Пскова о посылке донских казаков в Опочку и о сборе рейтар к отсылке по вестям о польских людях. 1664, апреля 23 // АМГ. Т. 3. С. 562.

[14] Грамота избраная и утверженая первая на царство Царю Борису Федоровичу. 1598 году // Древняя Российская вивлиофика…, изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е. Ч. 7. М., 1788. С. 36–127; 115; 126.

монастыря игумене Иосифе. Это первый известный по источникам игумен данного монастыря, о котором ранее исследователи ничего не сообщали. Трудно сказать, был ли этот игумен Иосиф с самого основания монастыря, еще в 1570-е годы, первым игуменом, или прибыл сюда уже после ухода с Псковской земли в начале 1582 года польских войск Стефана Батория.

В те годы (1585–1587) монастырь уже владел в Егорьевской губе деревней Рытицей на реке Лугвице и пустошью Гришинской. На самом городище Вороноч «игумену Пречистенского монастыря Синичьих гор Иосифу с братией» дано пустое место под двор на приезд. Игумен Иосиф с братией взяли на оброк половину огорода местного пушкаря Кирилки Сидорова Ладилы размером 23 на 11 сажень. Этот огород находился на большой Опочецкой дороге.

Этот игумен Иосиф упоминается в писцовом описании еще несколько раз. Кроме указанной деревни (пустоши) Рытицы монастырские старцы во главе и игуменом Иосифом владели в 1585 году в Ильинской губе (к югу от Вороноча) пустошью Михалево, а в Богородицкой губе — пустошью Букрово[15]. В настоящее время это хорошо известная деревня Бугрово со своей знаменитой мельницей. Кроме того, монастырю принадлежали нетяглые пашни: «В Богородицкой губе. Успенья Пречистые Богородицы, что в Воронатцком уезде на Синичьих горах, да в Егорьевской губе пустошь Острецово, пустошь Олехново, пустошь Бардово, пустошь Пухово, пустошь Веригино, пустошь Печатниково, пашни перелогом 31 четь»[16]. По данным Н.С. Суворова, всего Святогорскому монастырю в это время принадлежали пять пустошей в Егорьевской, три пустоши в Ильинской и девять пустошей в Богородицкой губах, а также нетяглая пустошь в Богородицкой губе. В 1620-х годах к Успенскому монастырю был приписан вороночский Никольский монастырь[17].

---

[15] Псков и его пригороды. Кн. 1. Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина. 1585–1587 // Сборник Московского архива Министерства юстиции (Сб. МАМЮ). Т. 5. М., 1913. С. 332–355. (С. 351, 355).

[16] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 448.

[17] *Суворов Н.С.* Псковское церковное землевладение… // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. СПб., 1906. Ч. 2, апрель. С. 354. Ч. 3, май. С. 10–12.

Следующее описание Вороночского уезда происходило в начале 1614 года уже при правительстве Михаила Романова. Сохранилась дозорная книга Вороночского уезда, причем полностью (как об этом сообщает публикатор С.С. Ермолаев). К сожалению, дозор касался только поместных земель, упоминаются жившие в те годы в Вороночском уезде помещики, поэтому о владениях Святогорского монастыря сведений нет, и нигде этот монастырь не упоминается. Были описаны в основном южные губы Вороночского уезда — Теребенская, Полянская, Утрецкая, Заклинская (четыре губы), а также Спасская губа на севере уезда. Среди помещиков упоминаются Неклюдовы, Фофановы, Сумароцкие, Еремеев, Сиротин, Карповский, Аминев, Нащокин, Ломаков, Теряев, Рокотов[18].

Однако здесь приводится важное свидетельство об одном из служителей данного монастыря: «К сим дозорным книгам Вороначскаго уезда Успения Пречистой богородицы Синичьих гор черной поп Гурей руку приложил»[19]. Эта скрепа черного попа Гурия, как и подьячего Григория Ларионова, свидетельствует о подлинности данной дозорной книги. Кроме попа Гурия нам ничего неизвестно о служителях монастыря вплоть до 1631 года.

Важным источником о владениях монастыря в конце XVI века и о новых пожалованиях в XVII веке является челобитная игумена Святогорского монастыря, носящего такое же имя, как и первый известный игумен, — Иосиф. Датирована эта челобитная январем 1720 года, обращена она к царю Петру I. Опубликовал этот источник игумен Иоанн в одном из приложений к своему труду. Здесь говорится о получении монастырем из дворцовых земель в октябре 1584 года в Георгиевской губе деревни Рытицы и пустоши Гришинской, которыми позже, в начале XVIII века, завладел «насильно» дворцовый крестьянин Трофим Емельянов из деревни Черемново. При Михаиле Романове монастырь получил 31 сентября 1625 года по царскому указу сенные покосы — три оброчные пожни в Ильинской губе на реке Великой на долгих плесах и три пожни на Шести-реке (приводятся имена бывших владельцев этих пожней сенного покоса), которыми также завладели

[18] Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII века / публ. С.С. Ермолаева // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 140–163.

[19] Там же. С. 142.

в 1716 и 1717 годах дворцовые крестьяне. Следующее пожалование монастырь получил 4 января 1643 года по царскому указу Михаила Романова в Георгиевской губе — пустошь Савино «во владение из оброку», которая раньше принадлежала местной Георгиевской церкви. Монастырь получил также в 1620-е годы земли, принадлежавшие ранее упраздненному Николаевскому монастырю, который был приписан к Святогорскому монастырю (пустоши Щекино и Глусово-Кошкина). В более поздних документах говорится о приписной церкви Николая Чудотворца с Вороноча. Об этих и других владениях монастыря нам известно благодаря тому, что за них позже возникли споры монастырских старцев как с дворцовыми крестьянами, так и с церковными старостами Георгиевской и Воскресенской церкви с Вороноча[20].

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранилась писцовая книга Ивана Яковлевича Вельяминова Псковской земли 1624–1627 годов (в том числе несколько списков XVII и XVIII веков), в которой подробно описаны Вороночский и Опочецкий уезды, следовательно, в ней довольно часто упоминается Успенский монастырь на Синичьих горах (это было видно даже при беглом осмотре микрофильмов данной писцовой книги). К сожалению, к настоящему времени она еще не опубликована, и псковские исследователи к ней почти не обращались. Столичными светскими и церковными историками данная книга также практически не использовалась в широком объеме, в том числе специалистами РГАДА.

Будем надеяться, что после публикации этой книги будут раскрыты многие неизвестные страницы истории Святогорского монастыря периода первого десятилетия царствования Михаила Романова и выяснены имена новых настоятелей данного монастыря. Дальнейшим этапом в изучении истории монастыря могла бы стать публикация следующей писцовой книги Вороночского и Опочецкого уездов. Это описание проводил еще один представитель рода Вельяминовых — Лев Вельяминов в 1677–1678, 1680–1681 годах[21].

---

[20] *Иоанн (Мазь), игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. С. 88, 158–162.

[21] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (объединение фондов). Ч. 1. Подлинная архива. Ед. хр. 359, 360, 365, 808, 809, 824, 832, 929.

Настоятели Святогорского монастыря

1. Иосиф (ок. 1585)
2. Феоктист (ок. 1603)
   Черный поп Гурий (1614)
3. Исайя (16 августа 1631)
4. Вениамин (1648, 1 сентября 1651)
5. Геннадий (1661/1662, 26 декабря 1683)

Андрей Васильев

НЕКРОПОЛЬ ГАННИБАЛОВ — ПУШКИНЫХ В СВЯТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ. ИЗ ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА В КОНЦЕ 1940-Х — СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ

По материалам научного архива и музейного собрания Пушкинского Заповедника

В истории Пушкинского Заповедника первые послевоенные годы были периодом напряженного созидательного труда в весьма непростых условиях: разруха, голод, нерегулярное финансирование, трудности со строительными материалами, малый штат сотрудников. Несмотря на это постепенно музейные объекты восстанавливались. Завершение первого этапа работ было намечено на июнь 1949 года — к 150-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. В фокусе особого внимания АН СССР, областного и районного руководства, коллектива музея-заповедника находились исторические памятники бывшего Святогорского монастыря, Могила А.С. Пушкина, пострадавшие от рук немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны. Об этом рассказывается в книгах и статьях С.С. Гейченко, В.С. Бозырева, А.М. Савыгина, написано немало научных работ другими исследователями[1].

[1] *Рожнов Л.И.* Восстановление государственного Пушкинского Заповедника Академией наук СССР. 1946–1949 годы. СПб., 1995; *Хмелева Е.В.* Судьба могилы поэта // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. М., 1999; *Степанова Т.В.* Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период) // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999; Первые послевоенные годы (1944–1950) в истории Пушкинского Заповедника по документам его научного архива // Михайловская пушкиниана. Вып. 19. М., 2001; *Бутрина В.Ф.* «Весь монастырь… может быть восстановлен». О чем рассказали документы научного архива музея // Михайловская пушкиниана. Вып. 53. Сельцо Михайловское, 2012; *Герасимова В.В.* Реставрация надгробного памятника А.С. Пушкина в 1902 и 1953 годах // Михайловская пушкиниана. Вып. 61. Сельцо Михайловское, 2013; *Елисеева В.А.* П.Д. Барановский в Пушкинском Заповеднике (1945) // Михайловская пушкиниана. Вып. 61. Сельцо Михайловское, 2013; *Филимонов А.В.* «Мы глубоко признательны Вам за внимание к Пушкинскому Заповеднику…» Письма в Псковский обком ВКП(б) о Пушкинском Заповеднике. 1945 год // Михайловская пушкиниана. Вып. 89. Сельцо Михайловское, 2022; и др.

И вновь документы тех лет приоткрывают страницы из истории музея: в них мы находим дополнительные штрихи к биографиям коллег С.С. Гейченко — Н.И. Грановской, Е.Г. Звагольской, В.Я. Шпинева, В.Н. Мерцалова, А.Ф. Теплова и других работников.

В актах о проделанной текущей работе, в приказах дирекции, протоколах совещаний, в книгах впечатлений посетителей и газетных статьях предстает множество эпизодов из истории сохранения и благоустройства Некрополя Ганнибалов — Пушкиных в Святогорском монастыре.

Сотрудники музея-заповедника участвовали в восстановительных работах, занимались научно-исследовательской и просветительской деятельностью.

В ходе обсуждения производственного плана научного отдела на 1948 год, в частности, Н.И. Грановской было поручено: «Произвести: 1. Музейное описание надгробий А.С. Пушкина, Ганнибалов…»[2]

В преддверии 112-й годовщины со дня смерти А.С. Пушкина, в феврале 1949 года, была открыта экспозиция выставки «Дуэль, смерть и похороны А.С. Пушкина» в Святогорском монастыре (в южном приделе). Ответственными за подготовку выставки были Гейченко С.С., Грановская Н.И., Звагольская Е.Г.[3]

На совещании сотрудников научного отдела 27 октября 1949 года присутствовали: С.С. Гейченко, Н.И. Грановская, Е.Г. Звагольская, Л.Д. Сулейманова, В.Я. Шпинев, Н.И. Аксенов, Н.Г. Звагольская. Слушали: «…О перераспределении музейно-хранительских обязанностей в Пушкинском Заповеднике. Постановили: а) Хранение музейных объектов Святогорского монастыря-музея поручить т. Звагольской Е.Г.»[4]

Удалось обнаружить некоторые сведения о Е.Г. Звагольской:

«Звагольская Евдокия Герасимовна. 7 марта 1900 г. р. Место рождения: Краснодарский край, Кореновский район, станица Раздольная. Соц. происхождение: служащая. Нац.: русская. Образование: высшее. Ростовский педагогический институт, литфак в 1938 году. Основная специальность: преподаватель русского языка и литературы 8–10 кл. ср. шк. Последнее место работы: Великовская ср. школа, уволилась 15.08.1945 г. по семейным обстоятельствам и выходу на пенсию.

---

[2] Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 95. Н/а. Л. 22.

[3] Там же. Л. 49.

[4] Там же. Л. 82–83.

В Пушкинском Заповеднике с 1 ноября 1945 года. С 1.11.1945 г. — заведующая библиотекой (оклад 800 р.) С 1.05.1946 — мл. научный сотрудник (оклад 1200 р)..Дом. адрес: д. Савкино. Уволена в нач 1951 г?»[5]

Е.Г. Звагольская была в числе первых послевоенных работников, на плечи которых легла ответственность за восстановление Пушкинского Заповедника и подготовку к празднованию 150-летнего юбилея А.С. Пушкина.

Из книги отзывов посетителей Святогорского монастыря-музея: «Музей и могилу А.С. Пушкина посетили группа экскурсантов Невского Дома пионеров г. Ленинграда. Экскурсия произвела большое впечатление на детей. Умелый и очень содержательный рассказ экскурсовода Звагольской привлек общее внимание. Приносим свою благодарность работникам заповедника. Руководитель группы… 20.08.1950 г.»[6]

С 1951 года на должность младшего научного сотрудника в Пушкинский Заповедник был принят В.Н. Мерцалов:

«Мерцалов Владимир Николаевич 31 июля 1920 г. р. Место рождения: Краснодарский край, г. Краснодар. Соц. происхождение: рабочий. Нац.: русский. Член ВКП(б) с 1944 г. Окончил Гос. Педагогический институт в г. Краснодаре 1 июля 1950 г.; преподаватель русского языка и литературы. Знает английский (слабо).

В Пушкинском Заповеднике с 9 апреля 1951 г. Мл. научный сотрудник.

Военнообязанный. Сержант. Воевал в составе 2 Гвардейского Т[нрзб]инского танкового корпуса с 22.06.1941 по 9.05.1945 г. Награды: Орден Отечественной войны 2 ст. (За радиосвязь в бою), Медаль «За отвагу», Медаль «За оборону Сталинграда», Медаль «За победу над Германией», Медаль «За взятие Кенигсберга».

Жена: Лидия Н[нрзб] Мерцалова. Когда уволен: не указано. Дом адрес: с. Михайловское»[7].

В документах начала 1950-х годов — актах о проведенных работах по благоустройству, протоколах совещаний научных сотрудников — часто встречается его фамилия.

---

[5] АПЗ. Личные карточки рабочих и служащих Пушкинского Заповедника за 1945–1960 годы. Л. 34–34 об.

[6] АПЗ. Д. 168. Н/а. Л. 5.

[7] АПЗ. Личные карточки рабочих и служащих Пушкинского Заповедника за 1945–1960 годы. Л. 37–37 об.

На совещании научных сотрудников 14 июля 1951 года обсуждался план экскурсии по Святогорскому монастырю-музею и могиле А.С. Пушкина, разработанный младшим научным сотрудником В.Н. Мерцаловым. В пункте повестки под № 3 «Разное» слушали «заявление хранителя Святогорского монастыря-музея Мерцалова В.Н. о наличии орфографической ошибки в тексте ленты при венке, возложенном делегацией Украинской АН ССР на могилу Пушкина в день празднования 150-летия со дня рождения Пушкина (текст написан на украинском языке). Наличие ошибок было отмечено экскурсантами хорошо знающими украинский язык. Постановили: 1. Предложить хранителю музея т. Мерцалову снять ленту с венка. 2. Отправить ленту в Управление делами Украинской АН с просьбой изготовить другую на венок, находящийся в музее Заповедника»[8].

В акте, составленном 2 сентября 1951 года, сообщается, что «директором Гейченко С.С. и мл. научным сотрудником Мерцаловым В.Н. в присутствии лесовода Заповедника Колосова О.А. установлен на обелиске памятника Пушкину А.С. отвес для определения отклонения памятника от его нормальной оси. В момент установки отвеса на шкале, помещенной у основания обелиска, была отмечена точка «27,7 мм»[9]. В протоколе совещания сотрудников научно-музейного отдела от 14 сентября 1951 года отмечено, что «поручено т. Мерцалову организовать закрытие на зимний период специальными щитами: памятник[а] на могиле Пушкина[10], памятник[а] А.С. Пушкину в сквере… и балюстрады на могильном холме, закончив эту работу к 20 сентября 1951 года»[11].

На фотографии «Святогорский монастырь. Общий вид» (конец 1940-х — начало 1950-х годов), сделанной А.С. Шаровым, вероятно, в день памяти А.С. Пушкина, во время проведения митинга, хорошо заметно, что надгробный памятник накрыт деревянным футляром в форме усеченной пирамиды. Также укрыта и мраморная балюстрада некрополя 1902 года, причем не только ее верхняя часть, но и столбики-балясины[12].

---

[8] АПЗ. Д. 98. Н/а. Л. 18.

[9] АПЗ. Д. 47. Н/а. Л. 122.

[10] Есть свидетельства, что уже в дореволюционное время памятник на могиле А.С. Пушкина зимой укрывали защитным футляром. См.: *Хмелева Е.В.* Судьба могилы поэта. С. 86.

[11] АПЗ. Д. 98. Н/а. Л. 3–4.

[12] ПЗ-КП-13034.

Деревянные футляры приходилось часто ремонтировать, менять. В акте от 3 октября 1953 года отмечено: «…изготовлен деревянный футляр на памятник…»[13]

Из дальнейшей биографии В.Н. Мерцалова известно, что в 1959–1961 годах он был директором Пушкиногорской средней школы имени А.С. Пушкина. На одной из фотографий 1960–1961 годов можно видеть его среди педагогического коллектива[14].

Накануне празднования 153-й годовщины со дня рождения А.С. Пушкина, 28–29 мая 1952 года, как докладывал помощник директора по административно-хозяйственной части Д.В. Зиновьев, «…прошел буран… в Святогорском монастыре была частично сорвана крыша, но всё же работа по подготовке была закончена вовремя и хорошо выполнена»[15].

Из протокола заседания дирекции Пушкинского Заповедника АН СССР с сотрудниками научного отдела и дирекции Дома туриста 20 сентября 1952 года узнаем, что был поставлен вопрос «о воспрещении фотографирования посетителей на могиле Пушкина по итогам обследования книг впечатлений и пожеланий посетителей за 1952 год… Т. Зиновьев Д.В. предложил принять пожелания граждан о воспрещении фотографирования посетителей на могиле Пушкина. Гаврилов Л.А. (директор Дома туриста), Шпинев В.Я. и Смолина Л.И. возражали предыдущим товарищам в принятии предложенных мер… Т. Гейченко присоединился к мнению т. Гаврилова о невозможности запрещения фотографирования экскурсантов у могилы Пушкина. Т. Гейченко предложил поручить дежурному сотруднику в Святогорском монастыре-музее вести регистрацию фотографов и предупреждения их о правилах поведения у могилы поэта»[16].

А кто из числа рабочих, смотрителей, наряду с научными сотрудниками и экскурсоводами, сохранял и благоустраивал памятники некрополя?

Еще в годы войны был «сторож при могиле Пушкина И.Х. Харитонов». О нем упомянуто в Акте Государственной Чрезвычайной комис-

---

[13] *Герасимова В.В.* Реставрация надгробного памятника А.С. Пушкина в 1902 и 1953 годах. С. 224.

[14] Фото из личного собрания В.В. Васильева, жителя поселка Пушкинские Горы.

[15] АПЗ. Д. 106. Н/а. Л. 24–25.

[16] Там же. Л. 4–5.

сии, расследовавшей в июле 1944 года последствия разрушений, произведенных гитлеровцами в Пушкинском Заповеднике[17]. После войны пришли другие работники. Из воспоминаний Марии Федоровны Петровой, 1914 г. р., уроженки деревни Железово Зарецкого сельсовета: «…После освобождения поселка в 1944 году начала работать в Святогорском монастыре смотрителем. Работала одна. Убирала всё, ухаживала за цветами… В 1949 году начал организовываться музей. Работали сотрудники: Шпинев, Мерцалов. С 1945 по 1955 год я с семьей жила в монастырской сторожке. В 1956 году перешла работать в гостиницу Заповедника, где и проработала до пенсии»[18].

В августе 1953 года была проведена реставрация на Могиле А.С. Пушкина под руководством С.С. Гейченко, инженера М.В. Никифорова (Псков) и кандидата исторических наук П.Н. Шульца (Ленинград). Выполнили большой объем работ: от укрепления свода склепа и основания надгробного памятника до реставрации мрамора и благоустройства всей площадки некрополя. И далее продолжали следить за состоянием всего комплекса.

Во многих документах второй половины 1950-х — начала 1960-х годов постоянно встречаются фамилии Д.В. Зиновьева, А.Ф. Теплова, М.И. Лукина, Г.И. Сидорова, Е.А. Ананьева, П.В. Антипова, которые выполняли разные поручения по текущему ремонту и уходу за памятниками.

В акте от 20 мая 1955 года, составленном заместителем директора по научной части Д.Ш. Сот, помощником директора по административно-хозяйственной части Д.В. Зиновьевым, электротехником Г.И. Сидоровым, сообщается, что «изготовленная экспериментальной художественной мастерской доска с надписями к именам деда и бабки А.С. Пушкина была разрезана на 2 части. Мраморные доски были установлены к могилам О.А. и М.А. Ганнибал на фамильном кладбище Ганнибалов — Пушкиных в Святогорском монастыре-музее»[19].

В акте от 12 августа 1956 года, составленном начальником охраны Пушкинского Заповедника М.И. Лукиным, заместителем директора по научной части Д.Ш. Сот, сторожем Антиповым, читаем,

---

[17] *Степанова Т.В.* Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период) // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999. С. 60–62.

[18] Там же. С. 56–57.

[19] АПЗ. Д. 53. Н/а. Л. 34.

«что 12 августа сторожем Святогорского монастыря Антиповым был произведен текущий ремонт бетонных лотков на площадке у могилы А.С. Пушкина в Святогорском монастыре, разбитых ногами экскурсантов. Одновременно на площадке у северной стены Собора-музея была произведена заделка в опорной стене площадки промоины, образовавшейся во время недавних дождей. Работа выполнена удовлетворительно»[20].

Весной 1957 года силами сотрудников и под руководством С.С. Гейченко были проведены работы по гидрофобизации мрамора: покрытие памятника А.С. Пушкина, балюстрады около памятника и бюста Пушкина работы скульптора Гинцбурга гидрофобной жидкостью[21].

В очередном акте 7 июня 1957 года отмечено, что «в период подготовки к открытию монастыря-музея в нем были проведены следующие работы: …6. Ремонт каменной отмостки у алтарных абсид. 7. Окраска розеток решетки у могилы Пушкина. …9. Покрытие мраморных частей памятника и балюстрады гидрофобной жидкостью. …11. Ремонт каменных поребриков и лестниц /заделка цементом выпадения камня/. 12. Срезка сухих ветвей на деревьях и кустарниках. Подписи: зам. директора Пушкинского Заповедника Д.Ш. Сот, комендант М.А. Шпинева и мл. научный сотрудник А.Ф. Теплов»[22].

С конца 1930-х по начало 1980-х годов устраивали цветники у основания надгробного памятника на Могиле А.С. Пушкина. Таким же образом были оформлены могилы О.А. и М.А. Ганнибалов и край площадки некрополя с внутренней стороны, вдоль мраморной балюстрады. Этот элемент благоустройства был спланирован, вероятно, не только из эстетических соображений, но и в целях защиты памятников от прямого доступа к ним посетителей. При этом цветы на протяжении десятилетий возлагали также и непосредственно на гранитные ступени пьедестала и плиты предков поэта, выставляли цветочные композиции в керамических горшках и вазонах.

На фотографиях 1960-х годов видно, что полоску земли для цветов по периметру основания надгробного памятника на могиле А.С. Пушкина, у плит Ганнибалов и балюстрады окаймлял бетонный поребрик, а ранее поребрик был дощатый.

---

[20] АПЗ. Д. 54. Н/а. Л. 36.

[21] АПЗ. Д. 327. Н/а. Л. 2.

[22] Там же. Л. 9.

В акте от 25 октября 1959 года, составленном заместителем директора по научной части Д.Ш. Сот, младшим научным сотрудником А.Ф. Тепловым и заведующим хозяйством И.А. Алексеевым, сообщалось, что «по распоряжению директора рабочим Заповедника П. Антиповым был произведен ремонт развалившейся каменной отмостки у алтарных абсид Святогорского Успенского Собора. Для предупреждения вторичного разрушения камень уложен на бетонном растворе. Разрушение отмостки произошло вследствие того, что многие экскурсанты, фотографирующие памятник Пушкину, взбираются на вершину отмостки и выбивают ногами отдельные камни»[23].

19 октября 1960 года датирован протокол № 17 заседания дирекции Пушкинского Заповедника.

«Присутствовали: Гейченко С.С., заместитель директора Сот Д.Ш., помощник директора Зиновьев Д.В., секретарь парторганизации Иванова Ю.П., председатель МК Цибиногин Ю.Г., сторож Святогорского монастыря-музея Антипов П.В.

Повестка дня: 1. О состоянии сооружений Святогорского монастыря-музея, их охране и ремонте… т. Гейченко отметил исключительный рост посещаемости Заповедника в текущем году и замечания посетителей монастыря-музея, которые сводятся в основном к необходимости ремонта:

1. каменной отмостки у наружной стены алтарной абсиды собора,

2. площадки перед северным приделом собора,

3. замены деревянного футляра, которым укрывается на зиму мраморный обелиск — стеклянным…»

…Постановили:

…2. Провести в октябре месяце с/г ремонт опорной стены и лотков северного придела собора.

3. Произвести в октябре месяце с/г ремонт разрушенной части булыжной кладки отмостки у наружной стены алтаря собора. Весною 1961 г всю отмостку перебрать заново и утрамбовать.

4. Поручить тов. Антипову зашивку трещин в основании балюстрады у памятника Пушкина.

5. Поручить лесоводу Цибиногину в ближайшее время еще раз обследовать состояние отмершей липы у подошвы могильного холма, и буде что представится необходимым составить акт на ее списание и дерево удалить.

[23] АПЗ. Д. 355. Н/а. Л. 63.

6. Поручить тов. Антипову в ближайшие дни обстричь свисающие над диванами около могилы Пушкина разросшийся ветки кизильника.

…9. Предусмотреть в плане 1961 г ремонт бетонного покрытия площадки вокруг могилы Пушкина.

10. Разработать проект нового футляра к памятнику Пушкина для надевания его в зимний период. В проекте предусмотреть изготовление его не из досок, а искусственного стекла с металлическими нержавеющими креплениями. Форма щита должна повторять основной рисунок памятника. В проекте должно быть обращено особое внимание на устойчивость футляра. Футляр должен быть легко снимающимся и предупреждать возможность задержки снега в его основании. За изготовлением футляра обратиться в специальные мастерские Художественного фонда СССР»[24].

П.В. Антипов, как свидетельствуют документы, выполнял различные работы — от подметания площадки вокруг Успенского собора и некрополя до ремонтно-строительных и садовых работ, был инициативным, неравнодушным к порученному ему делу работником. Вот несколько строк из его биографии…

Петр Васильевич Антипов родился в 1922 году в деревне Гилево Пушкиногорского района. С первых дней войны был сапером, воевал на Карельском фронте. Дошел до Германии. Пять ранений, две контузии получены за годы войны. Награжден Орденом Красной Звезды, полный кавалер Ордена Славы (III, II, I степеней) После войны жил и работал в Пушкинских Горах. Умер 22 июня 1999 года[25]. Могила П.В. Антипова находится на центральном воинском захоронении, у стен Святогорского монастыря. Его фотопортрет помещен в Аллее Героев, на улице Пушкинской.

Составить представление о том, насколько проблемным на протяжении многих лет было состояние площадки у собора и некрополя, можно и по другим документам начала 1960-х годов.

В своем письме заместителю начальника Псковского областного управления культуры товарищу А.Е. Николаеву С.С. Гейченко осенью 1960 года сообщал: «…дирекция Заповедника просит Вас возложить на реставрационную мастерскую составление проекта благоустройства

[24] АПЗ. Д. 420. Н/а. Л. 62–68.

[25] *Антипов П.В.* Путь сапера тоже нелегкий // Пушкинский край. 22.02.1968; Вспоминая войну. Сельцо Михайловское, 2004. С. 76.

и ремонта площадки вокруг могилы великого поэта, так как состояние площадки нельзя считать вполне благоустроенной»[26].

В 1961–1962 годах была проведена реставрация и реконструкция бетонной площадки вокруг собора и перед главным входом в Успенский собор[27].

Работы вскоре коснулись отмостки собора. В октябре 1962 года С.С. Гейченко писал В.М. Звонцову: «Раскопал я каменную отмостку у алтарных апсид собора (напротив могилы Пушкина). Стало совершенно очевидным, что теперешняя безобразная куча земли и камня — дело совсем новое. Старая отмостка была на полтора метра ниже. Весною думаю навести здесь порядок. От этого собор станет выше, площадка у могилы стройнее и всё красивее и правильнее»[28].

В результате изучения документов, хранящихся в научном архиве и музейном собрании Пушкинского Заповедника, удалось более полно представить, какие работы выполнялись по текущему уходу и благоустройству памятников некрополя Ганнибалов — Пушкиных в период с конца 1940-х до середины 1960-х годов и кто из сотрудников Святогорского монастыря-музея занимался сохранением этих объектов.

---

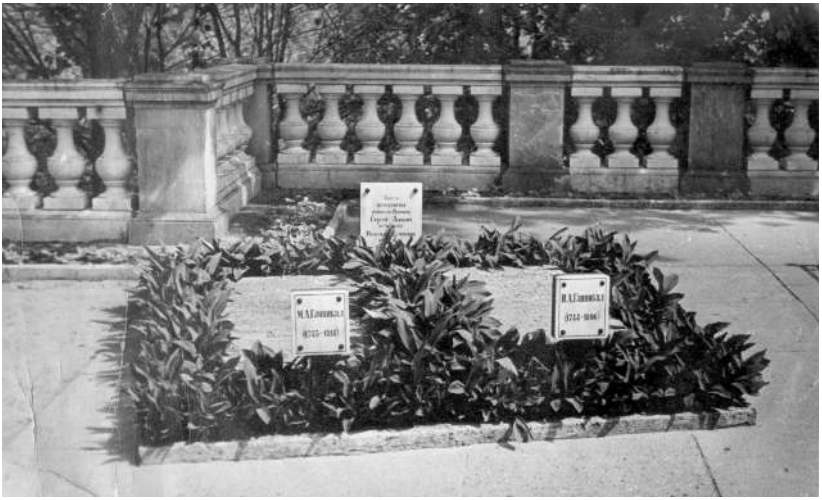
[26] АПЗ. Д. 410. Н/а. Л. 60.

[27] *Степанова Т.В.* Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период). С. 68.

[28] Цит. по: *Ашешова А.Н., Белецкий С.В.* Письма С.С. Гейченко В.М. Звонцову как источник по археологии Пушкиногорья // Михайловская пушкиниана. Вып. 20. М., 2001. С. 85.

Святогорский монастырь.
147-я годовщина со дня рождения А.С. Пушкина.
Митинг на могиле поэта. Выступление ученого секретаря
Института русской литературы Б.П. Городецкого. 9 июня 1946 года.
Фото А.Л. Валка. Из собрания Пушкинского Заповедника

Святогорский монастырь. Общий вид. Конец 1940-х — начало 1950-х годов. Фото А.С. Шарова. Из собрания Пушкинского Заповедника



Святогорский монастырь. Надгробные плиты Ганнибалов. 1950-е годы. Из личного собрания А. Васильева

Святогорский монастырь. Памятник на могиле Пушкина перед реставрацией 1953 года. Фото В.Е. Валдайцева. Из собрания Пушкинского Заповедника

Святогорский монастырь. Группа пионеров
у памятника Пушкину. 1950-е годы. Фото А.С. Шарова.
Из собрания Пушкинского Заповедника

Ремонт площадки вокруг Могилы А.С. Пушкина. Август 1961 года.
Фотогазета научной части Пушкинского Заповедника
«По пушкинским местам», № 3 (53), 20 августа 1961 года.
Из собрания Пушкинского Заповедника

Ремонт площадки у могилы А.С. Пушкина. Осень 1961 года.
Фото В.Я. Шпинева. Из собрания Пушкинского Заповедника

Святогорский монастырь. Могила А.С. Пушкина у Успенской церкви.
4 октября 1961 года. Фото Б.С. Скобельцына.
Из собрания Пушкинского Заповедника

Е.Г. Звагольская.
С группового фото «С.С. Гейченко и сотрудницы Заповедника…»
1948–1949 годы.
Фото Ф.И. Овсянникова (?).
Из личного собрания Т.С. Гейченко

П.В. Антипов. 1940-е годы.
Из книги «Вспоминая войну»
(сельцо Михайловское, 2004)

В.Н. Мерцалов (в центре) с педагогами
Пушкиногорской средней школы имени А.С. Пушкина. 1960–1961 годы.
Из личного собрания В.В. Васильева

Митинг трудящихся на могиле Пушкина 14 февраля 1953 года.
Выступает младший сотрудник Заповедника А.Ф. Теплов.
Фото Ф.И. Овсянникова. Из собрания Пушкинского Заповедника

Анна Банько

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ КОМПОЗИЦИИ МОГИЛЬНОГО ХОЛМА И СКВЕРА СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ В 40—50-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Формирование паркового ансамбля Святогорского монастыря в послевоенную эпоху пришлось на конец сороковых годов XX столетия. Документы, хранящиеся в научном архиве Пушкинского Заповедника, свидетельствуют о том, как постепенно и в то же время достаточно быстро восстанавливался внешний облик территории бывшей обители.

Уже в ноябре 1947 года в результате инженерно-геологической рекогносцировки и детальной топографической съемки могильного холма, произведенной инженером-гидрологом Ленакадемпроекта Л.Л. Воронец, было установлено следующее.

Толща холма сложена из пылеватых грунтов с пониженной водопроницаемостью, поэтому атмосферные воды, стекая по крутой и фильтрующей поверхности склонов, не проникают в толщу холма.

Геотехнические свойства тонких пылеватых песков, распространенных в толще холма, таковы, что в сухом состоянии они обладают высокими несущими свойствами и способностью держать очень крутые откосы. Во влажном состоянии эти пески теряют эти несущие свойства, а при насыщении до пределов полной капиллярной влагоемкости образуют плывуны и растекаются.

Таким образом, подтвердилась целесообразность высадки деревьев и кустарников и посев травы по склонам горы: корневые системы деревьев способствуют укреплению крутых откосов, напочвенный покров (травы) предотвращает возможность размыва склона при сильных ливневых осадках, тем самым удерживая склон от их воздействия и образования оврагов и оползней.

Следовательно, озеленение холма решало две задачи: практическую (укрепление его) и художественно-историческую (восстановление и сохранение облика холма, который в пушкинское время был залесен).

В Пояснительной записке к проекту благоустройства и озеленения Святогорского монастыря Пушкинского Заповедника АН СССР (1947) говорится:

«Территория монастыря очищается от всех позднейших (конца XIX века) построек, как то: здания Никольской церкви, школы, типографии, здания, ныне занимаемого конюшней строительства, и Райпотребсоюза. Образовавшаяся после разборки упомянутых зданий площадка выравнивается и на ней разбивается партерный сквер. Дорога, проходящая у подножия могильного холма от Пятницких ворот к монастырскому двору, где разбивается сквер, восстанавливается как липовая аллея, по натуре и согласно заданию дирекции Заповедника… Липы для посадки предусматриваются в возрасте 3–4 лет. Между посадками лип производится посадка декоративного кустарника шпалерами.

Сам сквер по пятну плана запроектирован в простых лаконичных формах. Основная ориентация дорожек сквера направлена от могильного холма к братскому корпусу, т. е. по направлению движения экскурсионного маршрута.

По внешнему периметру сквер обсаживается декоративным кустарником с наиболее выгодной кроной, далее постепенно переходя к внутреннему периметру, высаживаются кустарники с всё понижающейся кроной. Таким образом, поверхность кустарников сквера образует собой как бы чашу.

В пределах участков сквера кусты сажаются в произвольном порядке.

Надо всемерно избегать в натуре нарочитой геометричности посадок.

Обочина дороги к Анастасьевским воротам, приникающая к могильному холму, а также периметр склона от ограды на Новоржевское шоссе в границах примыкания его к проезжей дороге и парковой пешеходной дорожке, обсаживается декоративным кустарником.

По могильному холму, склону с восточной стороны сквера, а также по периметру ярмарочного монастырского двора производится подсадка молодых деревьев, преимущественно лип в возрасте 3–4 лет, взамен уничтоженных во время немецкой оккупации.

Земля на участках: по обочинам проезжих дорог, между кустарниками сквера, могильного холма, склона с восточной стороны… засеивается многолетней высокорастущей травой.

Могильный холм освобождается от пней, самосева, сушняка и пр. последствий немецкой оккупации»[1].

[1] Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 286. Н/а. Л. 1–2 об.

Согласно поставленным задачам были определены объемы работ и объемы посадочного материала:

«Площадь под газонами, подлежащими засевам многолетней травой — мт. кв. 3600.

Новая посадка декоративного кустарника, из расчета 4 куста на мт. кв. — 470 кустов.

Новая посадка деревьев в возрасте 3–4 лет — шт. 100 (преимущественно лип)»[2].

Все работы должны были быть выполнены к юбилейному 1949 году.

Акт приемки в эксплуатацию законченного восстановлением бывшего Святогорского монастыря, в том числе садово-парковых работ на территории монастыря, свидетельствует о посадке более 300 деревьев, более 470 кустарников; произведен также посев трав на газонах на площади около 4 000 м^2.

10 июня 1949 года комиссия, созданная для приемки, заключила: принять в эксплуатацию с 10 июня 1949 года.

Следует отметить, что до реставрационных работ на территории бывшей обители систематически проводился уход за имеющимися насаждениями, поддерживалось состояние деревьев, в том числе и старовозрастных, высаживались цветы у могилы А.С. Пушкина.

В сороковые годы была введена практика ведения дневников лесоочистительных работ в парках и лесах Пушкинского Заповедника, где практически ежедневно, от руки, фиксировались виды и объемы работ, выполняемых на больших территориях. Из этих тонких тетрадей складывается история восстановления, залечивания послевоенных ран заповедной земли.

В дневнике лесовода Пушкинского Заповедника Надежды Георгиевны Звагольской за 1946 год:

«12 мая. На могильном холме посадили цветы вокруг памятника.

27 мая. На могильном холме начали окопку приствольных кругов липок, молодых кленов, каштанов, ясеней и т. д.

29 мая. На могильном холме продолжили окопку приствольных кругов»[3].

К 1950 году зеленое оформление Святогорского холма можно считать полностью сформированным. Молодые древесно-кустарниковые

[2] АПЗ. Д. 286. Н/а. Л. 2 об.

[3] АПЗ. Д. 59. Н/а. Л. 23 об., 24 об.

посадки, ежегодно обновляемое цветочное разнообразие у некрополя Ганнибалов — Пушкиных сочетались с деревьями различных пород, в возрасте от сорока до ста восьмидесяти лет.

«Опись насаждений на могильном холме Святогорского монастыря (1948–1950)» включает в себя описание шестидесяти трех деревьев. Господствующей породой на то время являлась липа мелколистная — 38 единиц (от 40 до 180 лет), семь из них — старовозрастные и мемориальные (100, 110, 120, 130, 150 и 180 лет).

Дуб черешчатый — 16 единиц (от 40 до 110 лет). Четыре дерева старовозрастные — 100 и 110 лет.

Тополь — шесть единиц (от 80 до 90 лет).

Ясень — три единицы (50–80 лет).

Из дневника Звагольской явствует, что на холме имелись деревья и других пород: клен, каштан, но в опись они по какой-то причине не вошли, скорее всего, в силу своего возраста и состояния.

Многие деревья пострадали от артиллерийских обстрелов: обдир коры по всему стволу и артиллерийские осколки в древесине — результат боев за освобождение Пушкиногорской земли; сухие сучья (на высоте от 10 до 28 метров), дупла (локальные, до полутора метров, или по всему стволу), сухие вершины, вследствие возраста и отсутствия должного ухода на протяжении их жизни, а также обморожения в 1939 году (когда морозы достигали 35–40 градусов), слабое облиствление — всё это требовало наблюдения и соответствующих работ по восстановлению и поддержанию надлежащего состояния деревьев.

Спиливание сухих вершин, обрезка сучьев, зачистка повреждений от снарядов и осколков, закраска зачищенных мест начались уже в 1948 году.

30 августа 1951 года лесоводом и директором Заповедника был произведен осмотр насаждений могильного холма и во дворе Святогорского монастыря.

В результате осмотра было обнаружено несоответствие между планом, инвентарной ведомостью и расположением деревьев в натуре, отсутствие номеров на деревьях, вследствие чего возникает необходимость перенумерования деревьев и составления новой документации.

К сожалению, нам неизвестно, были ли выполнены эти работы.

В преддверии реставрации могилы А.С. Пушкина было произведено обследование могильного холма, определены виды предстоящих работ, в число которых входило окончание посадки кустарника, ремонт

и окраска диванов, установка железных бандажей на древних деревьях, находящихся около могилы.

В список рабочих выездной бригады Псковской научно-реставрационной мастерской по реставрации памятника А.С. Пушкина в Святогорском монастыре-музее и сотрудников Пушкинского Заповедника, принявших участие в реставрации, были включены лесовод М.С. Егоров, на которого возлагались обязанности по санитарной обработке деревьев, установке скреп бандажа и посадке деревьев, лесник М.И. Лукин, отвечающий за работу по очистке лотков и водосливов, В.В. Кондратьев и Н.Д. Шендель, выполняющие подрезку деревьев.

На этом основные изменения в зеленом оформлении холма и сквера Святогорского монастыря были завершены на довольно длительное время.

Но впереди было еще много событий: и ураган 1987 года, когда сломанное старое дерево едва не разрушило памятник на могиле А.С. Пушкина; и изменение статуса обители, после чего довольно скоро произошли и изменения в облике монастырского сквера; и работа арбористов со старовозрастными деревьями на могильном холме; и уборка деревьев на западном склоне холма.

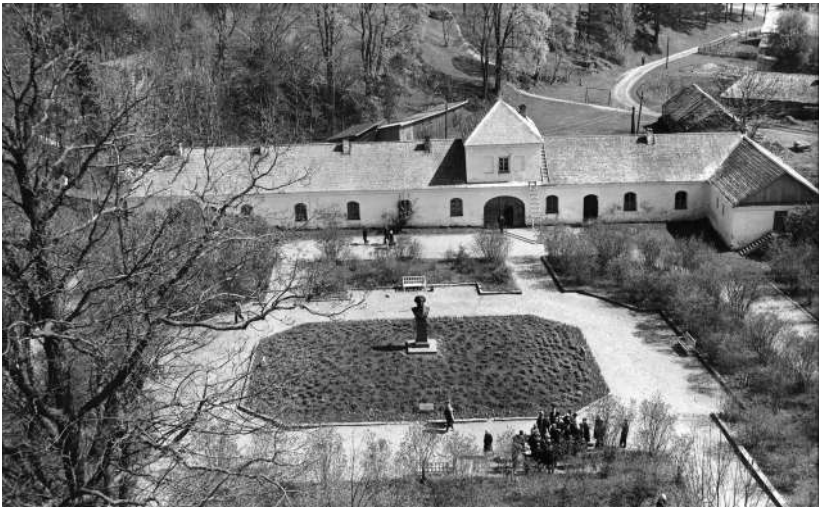
Но это уже темы дальнейших исследований.

Приложение

1944 год. Из архива Пушкинского Заповедника

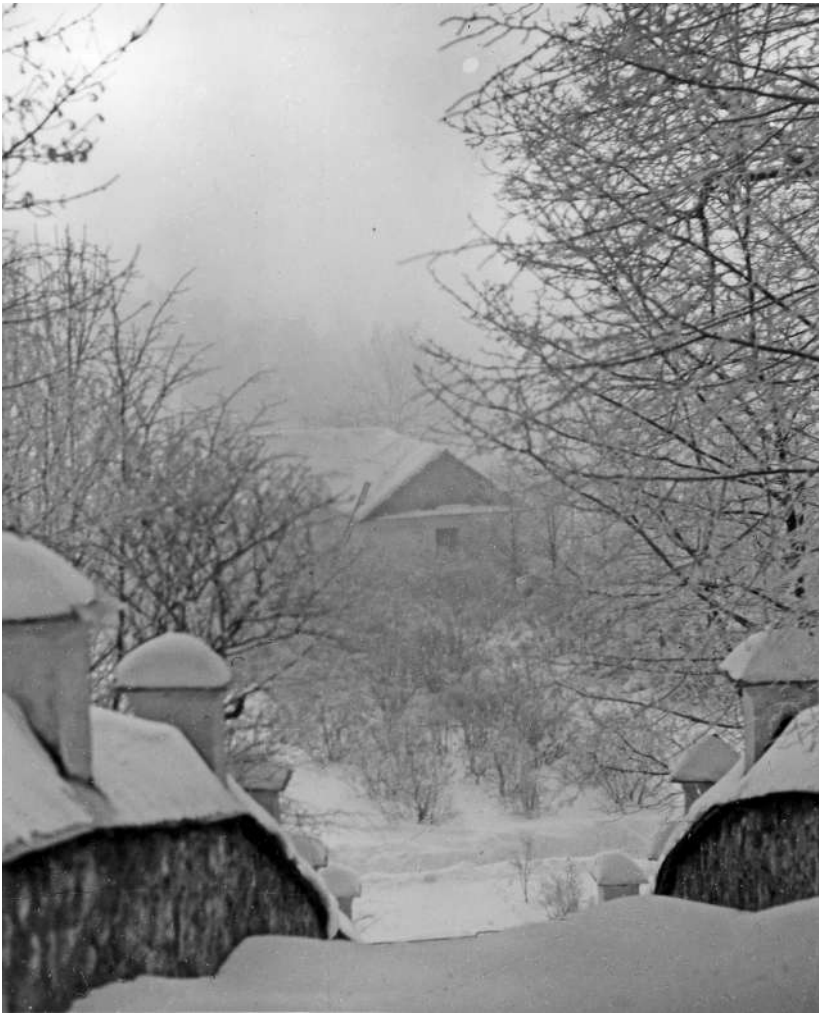
1948 год. Из архива Пушкинского Заповедника

Демонстрация трудящихся Пушкинского района Калининской области. 18 февраля 1937 года. Фото М.Н. Муравейского



Святогорский монастырь. Вид на Братский корпус с колокольни.
1960-е годы. Фото Б.С. Скобельцына. Из собрания Пушкинского Заповедника

Святогорский монастырь. Братский корпус. Бюст А.С. Пушкина.
1960-е годы. Фото Б.С. Скобельцына. Из собрания Пушкинского Заповедника



Святогорский монастырь. Вид на Братский корпус. 1960-е годы.
Фото Б.С. Скобельцына. Из собрания Пушкинского Заповедника

Дмитрий Григорьев

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ ДЕРЕВЕНЬ ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ ПУШКИНЫМ

К вопросу об отмене крепостного права в 1861 году

Михайловское неразрывно связано с именем Пушкина, с памятью о нем. История этих мест во всём многообразии взглядов и ракурсов неоднократно становилась предметом исследования. Однако существуют темы, которые остаются малоизученными. К их числу относится судьба Михайловского в переломную эпоху Великих реформ Александра II. Особый интерес представляет период проведения Крестьянской реформы 1861 года, коренным образом изменившей привычную жизнь помещиков и крестьянства.

Цель настоящей работы — представить часть документов, связанных с проведением реформы (прежде всего уставные грамоты), и осветить события, происходившие в Михайловском в 1861–1879 годах.

Обозначим хронологию событий, предшествовавших реформе 1861 года.

После смерти А.С. Пушкина его вдова предприняла шаги по выкупу владений Пушкиных в Опочецком уезде Псковской губернии в пользу детей поэта (на тот момент права на владение Михайловским имелись у С.Л. Пушкина, Л.С. Пушкина, О.С. Павлищевой и самой Н.Н. Пушкиной). Дело по выкупу начинается в 1838 году и завершается оформлением купчей крепости в 1844 году. Согласно купчей, «недвижимое имение… состоящее в Псковской губернии Опочецкого уезда село Михайловское, в коем писанных по 8 ревизии 80 душ мужеска пола…», становится собственностью детей Пушкина — Александра, Марии, Григория и Натальи[1]. Далее, из проекта раздела, датированного 1856 годом, известно, что дочери поэта отказались от прав на недвижимые имения (в том числе на Михайловское) в пользу своих братьев[2].

---

[1] *Гейченко Т.С., Шпинева Е.В.* О принадлежности села Михайловского в некоторых документах послепушкинской поры // Михайловская пушкиниана. Вып. 53. Сельцо Михайловское, 2012. С. 169.

[2] Летописи Государственного литературного музея. Кн. V. Архив опеки Пушкина. М., 1939. С. 325.

Таким образом, к 1861 году полноправными хозяевами сельца Михайловского и окружавших его деревень с крепостными душами становятся сыновья поэта — Александр Александрович и Григорий Александрович.

Необходимо отметить, что в дальнейшем братья заключили между собой раздельную запись. Согласно ей, с 1870 года коллежский советник Григорий Александрович Пушкин стал единоличным владельцем Михайловского, где он и поселился ранее — в 1866 году. Стремление Г.А. Пушкина покинуть военную службу и перебраться в Опочецкий уезд иллюстрируют воспоминания его племянника — Н.А. Пушкина: «Это была натура русского деревенского барина, хорошего сельского хозяина, больше всего на свете любившего свой край, окрестных мужиков и охоту»[3]. Но еще до указанных событий именно младший сын поэта разрешал вопросы, связанные с прекращением крепостного состояния крестьян, принадлежавших Пушкиным в Опочецком уезде. Из источников известно, что А.А. Пушкин участия в этом не принимал, и Григорий Александрович занимался составлением уставных грамот «по доверенности брата».

Любопытно, что старший брат Г.А. Пушкина в это время сам принимал непосредственное участие в реализации Крестьянской реформы в Московской губернии. В 1862 году Александр Александрович занял должность мирового посредника 3-го участка Бронницкого уезда Московской губернии и занимался проверкой и утверждением уставных грамот, разрешением споров между крестьянами и помещиками. Впоследствии он стал председателем уездного съезда мировых посредников. В 1868 году был назначен членом комиссии по крестьянским делам при виленском генерал-губернаторе. За эту работу А.А. Пушкин неоднократно был отмечен медалями «За успешное введение в действие положения 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в 1861–1863 годах», «За введение в действие положения 1863 года», «За поземельное устройство бывших государственных крестьян»[4].

Судя по уставным грамотам и «Докладной записке по делу о выкупе земли временнообязанными крестьянами у помещика Г.А. Пушкина»[5],

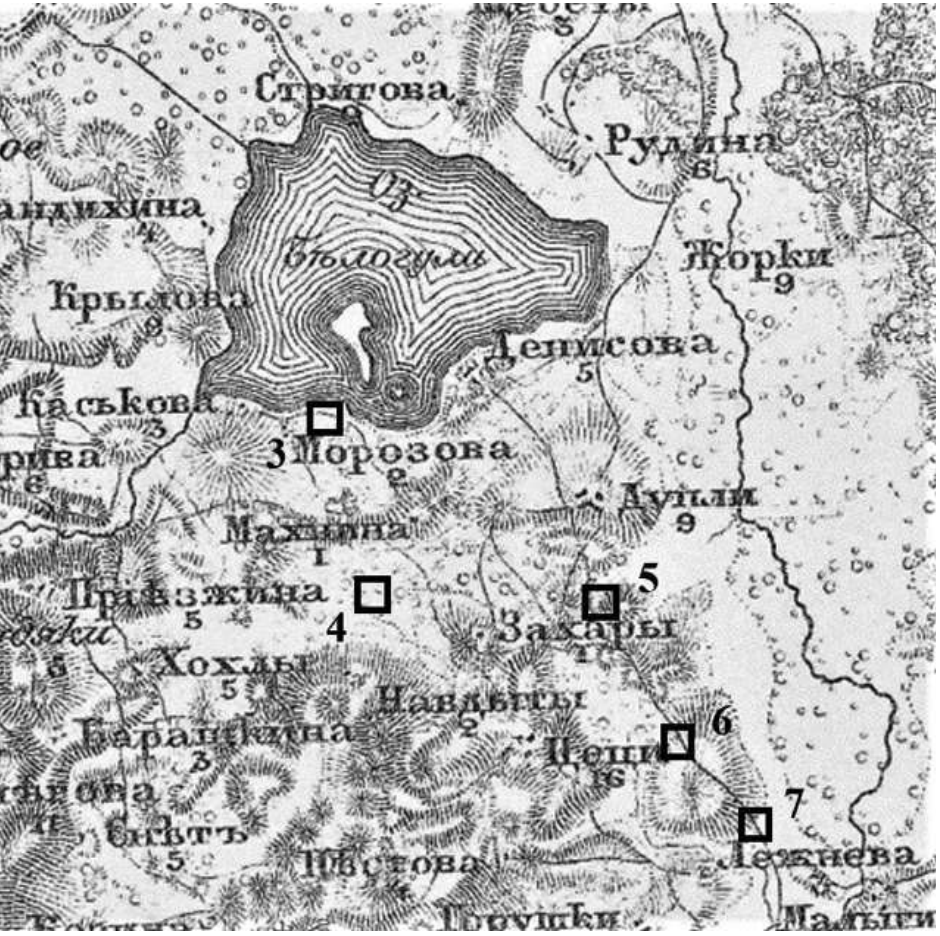
---

[3] *Галин Г.А.* Дети и внуки Пушкина. М., 2009. С. 140.

[4] Там же. С. 67–68.

[5] Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 260. Коп. док. (место хранения оригинала: Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 577. Оп. 31. Д. 778).

Военно-топографическая карта Российской империи 1846–1863 годов.
1 — Михайловское; 2 — Косохново; 3 — Морозово; 4 — Вороново;



Примерное расположение деревень, принадлежавших А.А. и Г.А. Пушкиным: 5 — Брюхово; 6 — Казино; 7 — Лежнево

к началу проведения реформы в собственности Пушкиных в Опочецком уезде, помимо Михайловского, оставались шесть деревень, относившихся к Цыбаловскому сельскому обществу: Лежнево, Вороново, Косохново, Брюхово, Морозово и Казино.

Уточнить их расположение возможно в «Списках населенных мест Российской империи» по Псковской губернии: «между правою стороною Святогорского тракта (от г. Новоржева), левым берегом р. Сороти и границею Новоржевского уезда»[6].

Пять селений располагались южнее озера Белогуль. Так, «при речке Карузе», в 50 верстах от уездного города, обозначены три деревни: Лежнево, Брюхово и Казино. Важно указать, что деревня Казино встречается в источниках под несколькими названиями. В 1861 году в уставных грамотах сельское общество именуется Цыбаловским, деревня обозначается как Казино[7]. В «Списках населенных мест» на 1870-е годы приведен ряд названий: Цыбоново, Цыблово и Казаны[8]. Уже в конце XIX века в источниках сельское общество названо Козановским, а деревня — Козаны-Цыбаново[9].

Северо-восточнее Казина, на берегу озера Белогуль, находилась деревня Морозово (встречается название Федькино). Немного южнее, «при колодце», обозначена деревня Вороново. На карте Опочецкого уезда 1838 года она именуется как Воронина, в многотомнике В.Г. Никифорова в том числе упоминается как Воронкова[10]. В «Статистическо-географическом словаре Опочецкого уезда», изданном в 1895 году, деревня называлась Вороново-Навдоши[11].

---

[6] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 34: Псковская губерния. СПб., 1885. С. 237.

[7] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 712.

[8] Списки населенных мест Российской империи… С. 238.

[9] Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. Вып. 3: Статистическо-географический словарь Опочецкого уезда Псковской губернии. Псков, 1895. С. 8.

[10] *Никифоров В.Г.* Деревни Пушкинского края: история, население, судьбы (конец XVIII — начало XX века). Т. 2. Псковская губерния, Опочецкий уезд. Деревни прихода Воскресенской церкви Воронича. СПб., 2015. С. 227.

[11] Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. С. 70.

Наконец, южнее озера Кучане располагались сельцо Михайловское и в 52 верстах от уездного города — деревня Косохново[12].

В ревизских сказках упоминается также принадлежавшая Пушкиным деревня Махново. Но там же указано, что на момент десятой переписи деревня Махново уже прекратила свое существование. Это было связано с тем, что ее последний житель, крестьянин Матвей Яковлев, был переведен в Брюхово[13].

По ревизским сказкам 1858 года в деревнях числилось 64 души мужского пола и 82 женского. В Михайловском же числились дворовые люди: три души м. п. и девять душ ж. п.[14]

Таблица 1

Деревни	Душ м. п.	Душ ж. п.
Михайловское*	3	9
Косохново	11	16
Вороново	7	11
Морозово	4	5
Лежнево	14	16
Казино (Цыблово)	14	21
Брюхово	14	13
Всего	67	91

* В Михайловском числились только дворовые

Источник: Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. Архив опеки Пушкина. М., 1939. С. 326–339.

Все вышеописанные деревни встречаются еще в раздельном акте 1781 года между наследниками А.П. Ганнибала. Согласно этому документу, прадеду Григория и Александра Пушкиных О.А. Ганнибалу в конце XVIII столетия достались: «…в Псковском Наместничестве в Опочецком уезде в Михайловской губе деревни: Устье, что ныне называется сельцо Михайловское с деревнями: Касохновой, Репщино, Вашково, Морозово, Локтево, Вороново, Лунцово, Лежнево, Цыблево, Гринево, Махнино, Брюхово и Прощюгово… с имеющимися в вышеописанных мызах и деревнях по минувшей 3-й ревизии и со вновь

[12] Списки населенных мест Российской империи… С. 239.

[13] Летописи. Кн. V. С. 332.

[14] Там же. С. 326–339.

рожденными мужска и женска пола душами,… с лесы и сенными покосы, с рыбными ловли и со всеми угодьи с хлебом стоячим и молоченным и в земле посеянном, со скотом мелким рогатом, что по дачам и писцовым книгам окажется…»[15]

Отметим, что согласно «Положению об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости», дворовые сельца Михайловского обретали права «личные, семейственные и по имуществу». Однако после обнародования Положения они должны были на протяжении еще двух лет оставаться в услужении или выплачивать оброк — и только после истечения этого срока «увольняются навсегда от всяких обязанностей к их владельцам»[16]. Но прав на получение земельного надела дворовые сельца Михайловского не имели и в уставных грамотах не фигурируют; их дальнейшая судьба заслуживает отдельного рассмотрения.

Наконец, обратимся к уставным грамотам[17]. Этот документ регламентировал поземельные отношения помещиков и крестьян, размер крестьянских повинностей, причитавшихся с них в пользу помещика. Он составлялся помещиком в соответствии с «Правилами о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Подготовленные Г.А. Пушкиным грамоты 1 мая 1862 года были представлены мировому посреднику 1-го Святогорского участка Опочецкого уезда В. Сокольскому. По результатам проверки документы были признаны «составленными правильно».

Первый и второй отделы уставных грамот дублируют цифры о количестве душ мужского пола по «10-й народной переписи» 1857–1859 годов. Также они дают сведения о количестве земли, находившейся в пользовании у крестьян каждой деревни до проведения реформы: Лежнево — 96 дес. 1 005 кв. саж., Морозово — 38 дес. 800 кв. саж., Брюхово — 150 дес. 983 кв. саж., Вороново — 78 дес. 300 кв. саж., Казино — 103 дес. 200 кв. саж., Косохново — 136 дес. 2 000 кв. саж. В общей сложности до реформы у крестьян в собственности состояли 603 дес. 488 кв. саж., из них под крестьянскими усадьбами — 5 дес. 2 192 кв. саж.

---

[15] *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. Псков ; М., 2012. С. 21.

[16] Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 83–84.

[17] ГАПО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 712–717.

Во втором отделе показаны высший и низший размеры душевого надела, полагавшегося крестьянам в Опочецком уезде по итогам реализации реформы. Согласно Местному положению, для местности, где располагались владения Пушкиных, высший и низший наделы составляли 5 десятин и 3 десятины 800 сажен соответственно. Согласно грамотам, домохозяева каждой деревни должны были получить для выкупа положенный высший размер надела из расчета пять десятин земли на душу м. п. Помимо этого, Г.А. Пушкин на безвозмездной основе предоставлял им в пользование некоторое количество неудобной земли. Часть же земель, принадлежавших крестьянам до реформы, отрезалась от надела и переходила в собственность помещика. После отрезки в собственности бывших крепостных Пушкиных осталось 351 дес. 1 088 кв. саж. удобной и неудобной земли. Сумма сведений из уставных грамот показывает, что в результате реформы крестьяне лишились немногим меньше половины угодий — 41,7%. Докладная записка свидетельствует, что «границы земли означены инструментально и с описанием земель на 3 копиях с геометрических специальных планов, составленных в 1861 году»[18].

Очевидно, что произведенная в результате реформы отрезка земельного надела лишала крестьян угодий, необходимых им для ведения сельского хозяйства. Как правило — сенокосных лугов, выгонов для скота и леса. По всей видимости, Г.А. Пушкин стремился насколько возможно учесть интересы своих бывших крепостных. В каждую уставную грамоту внесено примечание о том, что все отрезанные угодья остаются в пользовании крестьян, с этой целью домохозяева каждой деревни заключали с Григорием Александровичем условие. Согласно этим документам, приложенным к грамотам, крестьяне арендовали все отрезки на пять лет. За аренду одной десятины земельных угодий в год полагалось выплачивать один рубль.

Третий и четвертый отделы уставных грамот дают некоторые детали устройства хозяйственной жизни крестьян.

Так, согласно третьему отделу грамот при разверстке земельных угодий Г.А. Пушкин не планировал перенесения крестьянских усадеб. Водопой и выгоны при деревнях передавались крестьянам. Во всех шести уставных грамотах приводятся стандартные формулировки, касающиеся рыбных промыслов и торговли: «Торговых площадей и рыбной ловли при деревне не имеется…» В четвертом отделе также

[18] АПЗ. Д. 260. Коп. док. Л. 3.

указывалось, что деревни, принадлежавшие Пушкиным, не несли в себе каких-либо особенных выгод и сельскохозяйственного потенциала. Мирского капитала, принадлежавшего крестьянам указанных деревень, не имелось (тем более очевидным становится, что зажиточными они не были). В уставных грамотах указано, что имелся хлебозапасный магазин — хлеб на случай неурожайного года и голода хранился в мирском амбаре в селе Михайловском.

Наибольший же интерес в четвертом отделе грамот представляет информация о повинностях крестьян.

До реформы они находились на барщине, срок которой составлял «по три дня мужеских и по три дня женских в неделю с тягла». По обоюдному соглашению с Г.А. Пушкиным все крестьяне перешли на оброк с 1 января 1863 года. Была определена сумма оброка, причитавшаяся с каждой деревни за год: Лежнево — 112 руб., Морозово — 32 руб., Брюхово — 104 руб., Вороново — 64 руб., Казино — 112 руб., Косохново — 88 руб. В общей сложности со всех деревень в год причиталось 512 рублей. Из этой суммы и был вычислен размер выкупной ссуды, которую крестьяне должны были получить для выкупа земельного надела у Г.А. Пушкина, — 6 826 руб. 66 коп.

28 июня 1862 года составленные уставные грамоты были прочитаны домохозяевам. В протоколах мировым посредником отмечено, что по прочтении всех грамот никаких возражений они не предъявили. Известно, что зачастую бывшие крепостные отказывались подписывать уставные грамоты, даже не выдвигая каких-либо претензий к их содержанию. Например, Н.М. Дружинин в своей работе представляет данные, что из чуть более 95 тысяч уставных грамот, введенных в действие к 1 января 1863 года, крестьянами были подписаны лишь 42%[19]. По всей видимости, Г.А. Пушкин и домохозяева принадлежавших ему деревень смогли прийти к согласию. Все грамоты подписаны как «Гвардии Ротмистром Григорием Александровичем Пушкиным», так и «временнобязанными крестьянами» шести деревень. Присутствовавшие при проверке документов крестьяне не владели грамотой. Поэтому в уставных грамотах и условиях аренды земли за всех расписался избранный приговором сельского схода бывший дворовый сельца Михайловского, а на тот момент уже крестьянин деревни Морозово — Никита Петров.

[19] *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 годы. М., 1978. С. 49.

Сопоставление ревизских сказок 1858 года позволяет установить, что Никита Петров — сын бывшего кучера А.С. Пушкина в Михайловском, Петра Парфенова. В пушкинистике хорошо известны «Рассказы о Пушкине, записанные К.А. Тимофеевым»[20] со слов П. Парфенова летом 1859 года. К началу проведения реформы 1861 года Петру Парфенову было примерно 56 лет, а его сыну — 34 года. Когда А.С. Пушкин посетил Михайловское в последний раз, в апреле 1836 года, дворовому мальчику Никите Петрову было около девяти лет.

На основании постановления Опочецкого мирового съезда 12 июля 1862 года уставные грамоты всех шести деревень были утверждены окончательно. Однако к завершению выкупной операции Григорий Александрович вернулся лишь в конце 1870-х годов. Ее суть состояла в том, что государство выдавало крестьянам ссуду для выкупа у помещика земельного надела, определенного уставными грамотами. После выкупа надела крестьяне на протяжении 49 лет расплачивались с казной, помещик же получал всю сумму процентными бумагами, выкупными свидетельствами или же частично наличными деньгами.

15 июня 1877 года выкупное объявление Г.А. Пушкина было подано непременному члену Опочецкого уездного по крестьянским делам присутствия, а в ноябре того же года передано в губернское присутствие. К объявлению прилагался комплект документов: мирской приговор крестьян о согласии их выкупить весь отведенный им земельный надел, заявление владельца о способе получения выкупной ссуды, копия с раздельной записи 1870 года, шесть копий с уставных грамот и три плана на выкупаемые крестьянами земли. В постановлении губернского по крестьянским делам присутствия от 19 ноября 1877 года указано, что по итогам рассмотрения всех документов сделка признана правильной и «Обществу крестьян… Г. Пушкин предоставляет выкупить усадебную оседлость и полевые угодья в полном по уставным грамотам наделе, с получением ссуды от правительства и без всякого дополнительного платежа со стороны крестьян». Отмечено, что за владельцами числится 39 руб. 44 коп. частной дворянской повинности, которую предполагалось удержать с выкупной суммы[21]. Документам был дан дальнейший ход, и 13 декабря 1877 года все бумаги направляются в Санкт-Петербург, в Главное выкупное учреждение Министерства финансов.

---

[20] Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 428–432.

[21] АПЗ. Д. 259. Коп. док. Л. 3–4.

В феврале 1878 года выкупная сделка «Коллежского Советника Григория Александровича Пушкина» была рассмотрена. В документах был выявлен ряд недочетов, прежде всего связанных с оформлением планов деревень. На плане деревень Морозово и Вороново не был указан масштаб, неверно была представлена раскладка удобной земли по категориям угодий для деревни Морозово (в выводах указано 20 дес., но если суммировать показатели из раскладки, получалось лишь 19 дес. 2 103 кв. саж.). В описании планов деревень Брюхово, Казино, Лежнево и Косохново не означены названия дач, граничащие с выкупаемыми крестьянами сего имения землями. Отсутствовала подпись землемера, составившего планы. По итогам в Главном выкупном учреждении постановили выкупное дело Г.А. Пушкина «возвратить по неудовлетворительности плана и другим недостаткам». Помимо устранения недочетов, от Псковского губернского присутствия затребованы отзывы: «помещика о свободности сего имения от залога с государственных кредитных установлений; Старшего Нотариуса о долгах и запрещениях, могущих числиться на выкупаемом имении от имени прежнего владельца…»[22] 13 мая 1878 года выкупное дело Г.А. Пушкина было отправлено в Псков.

Исправление геометрических планов и получение дополнительных документов обусловило задержку в завершении выкупной операции. Лишь более чем через год, 4 августа 1879 года, Псковское губернское по крестьянским делам присутствие вновь доставляет сделку Г.А. Пушкина в Главное выкупное учреждение. Все недочеты были исправлены, в уведомлении присутствия отмечено, что «по отзыву Старшего Нотариуса Псковского окружного суда за № 2494 на выкупаемом имении ни на имя настоящего, ни на имя бывших владельцев не числится никаких запрещений и при производстве имеется подписка Г. Пушкина о свободности от залога его имения»[23]. Помимо этого, к выкупному делу были приложены дополнительные копии документов, подтверждающих принадлежность Михайловского Г.А. Пушкину: купчая от 8 ноября 1844 года, проект раздельного акта от 30 сентября 1856 года, уступочная запись от 20 ноября 1858 года. По итогам повторной проверки документы были признаны составленными правильно, и 21 августа 1879 года по заключению Главного выкупного учреждения

[22] АПЗ. Д. 261. Коп. док. Л. 2.

[23] Там же. Д. 262. Коп. док. Л. 1.

сделка «Опочецкого помещика Г.А. Пушкина с временнообязанными крестьянами» была разрешена. В соответствии с условиями выкупного объявления с 1 ноября 1879 года правительство предоставляло крестьянам ссуду в 6 826 руб. 66 коп.[24]

Так в 1879 году завершилось временнообязанное положение бывших крепостных Пушкиных. Крестьяне стали полными собственниками отведенных им земельных угодий, все их обязанности по отношению к бывшим владельцам прекращались.

[24] АПЗ. Д. 263. Коп. док. Л. 1.

Виктор Никифоров

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ПЛАН ДЕРЕВНИ ГОРОНЧАРОВОЙ. 1785 ГОД

«Геометрический Специальный План по решению Полоцкого Наместничества Межевой Конторы Споров Опочецкого Уезда деревни Горончаровой, с принадлежащей к оной деревней Гавриловой, владения Маиорши Анны Михайловой дочери, жены Есиповой, межевания учиненнаго в 1785 Году Сентября 13 дня землемером Артиллерии Штык Юнкером Ивановым. А внутри Того владения, обмежеваннаго от всех смежных владельцев одною окружною Межою, по нынешней меже и по исчислению состоит: пашенной земли восемьдесят пять десятин четыреста тридцать шесть квадратных сажень, сенного покосу четырнадцать десятин две тысячи двести сажень, лесу дровеного, по суходолу сто девяносто семь десятин четыреста сорок две сажени, по болоту дровяного лесу девять десятин, под поселением, огородами, гуменниками, и коноплянниками три десятины сто девять сажень, под проселочными дорогами одна десятина две тысячи семьдесят сажень, под озером три десятины, под речкой Кряковкой и полуоной одна десятина триста пятьдесят сажень. Всего, во всей окружной меже, триста пятнадцать десятин восемь сот восемь квадратных сажень. Во оных деревнях по последней поданной к ревизии сказкам состоит, а именно: в деревне Гаранчаровой по ревизии мужеска четырнадцать, женска десять, ныне налицо мужеска шестнадцать, женска двенадцать душ. В Гавриловой По ревизии мужеска семнадцать, женска Осьмнадцать душ, ныне налицо мужеска двадцать, женска тож число. Всего во оных деревнях по ревизии мужеска тридцать одна, женска двадцать восемь. Ныне налицо мужеска тридцать шесть, женска тридцать две души.

Описание Смежных Земель:

От **A** до **B** Земля деревни Шершавиной, общаго владения Секунд Маиора Николая Семенова сына Алексеева, Артилерии Маиорши Марии Григорьевой дочери, Жены Муравьевой.

От **B** до **C** Озеро Цепели, общаго владения вышеписаннаго Секунд Маиора Николая Семенова сына Алексеева, с протчими владельцами.

От **C** до **D** Земля деревни Морозовой, общего владения: Надворной Советницы Анны Ларионовой дочери, жены Ушаковой, да детей ее, Прапорщика Константина Аникеева сына Назимова.

От **D** до **E** Земля деревни Подсосонья, владения Надворного Советника Ивана Антонова сына Гребницкого.

От **E** до **F** Земля деревни Мутовозовой, владения Секунд Маиора Андрея Иванова сына Чихачева.

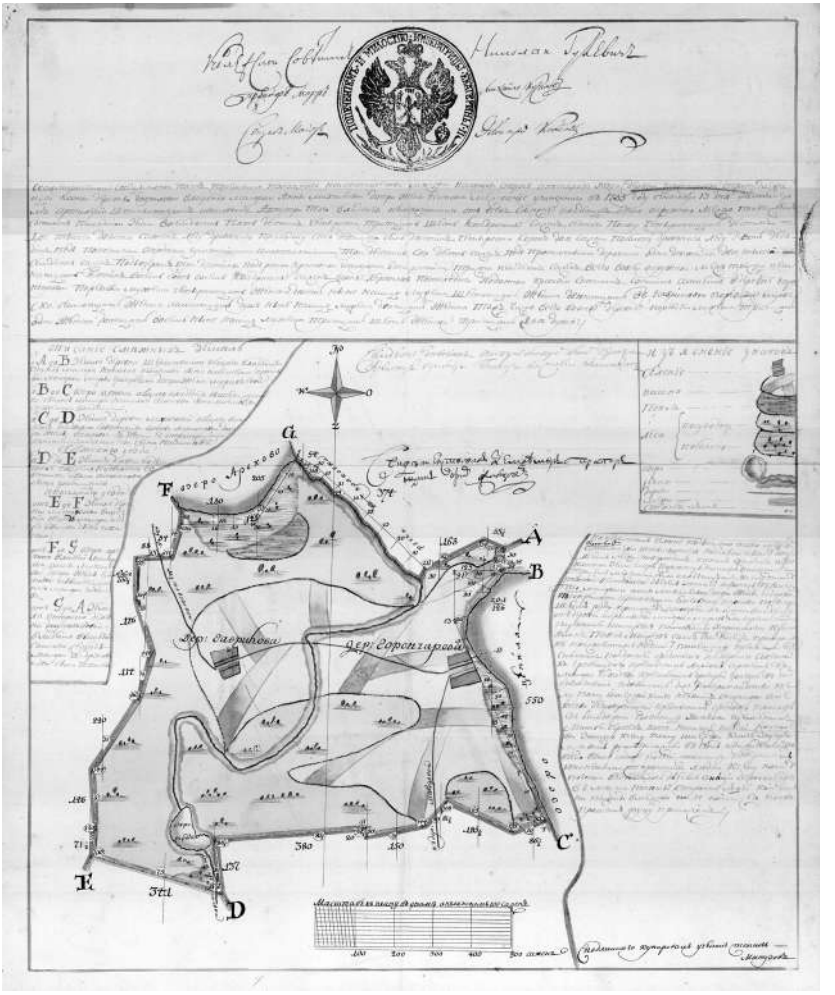
От **F** до **G** Озеро Арехово, владения Маиорши Анны Михайловой дочери, жены Есиповой и вышеписанного Маиора Чихачева.

От **G** до **A** Земля вторично деревни Мутовозовой, владения вышеписаннаго Секунд Маиора Андрея Иванова сына Чихачева.

На подлинном Плане подписано так: межевал Землемер Артиллерии Штык Юнкер Николай Иванов, а при нем межу утверждал и план сочинял Первоклассный Землемер Порутчик Никифор Напяснин. При сем межевании были и подписались: к сему плану Погоста Веснеболога дьячок Ананий Афонасьев вместо Маиорши Анны Михайловой дочери, жены Есиповой, по доверенности Крестьянина Емельяна Карпова, по его прошению, руку приложил, а поверенные и сами владелицы: от деревни Шершавиной Маиорши Муравьевой крестьянин Парфентий Макаров, Полковницы Харишковой крестьянин Павел Моисеев, сам владелец Прапорщик Константин Назимов, помещицы Крекшиной крестьянин Кондратий Федотов, Надворного Советника Гребницкаго крестьянин Ларион Артемьев, Маиора Чихачева крестьянин Григорий Григорьев по указным повесткам для рукоприкладства к сему плану и межевой книге не явились, а Маиора Алексеева без доверенности крестьянин Федот Прокофьев, Надворной Советницы Ушаковой крестьянин Матвей Сергеев хотя на меже и были на полевой, записи к сему плану имели свои, к книге, за упрямством своим, руки не приложили, в чем и засвидетельствовано, выше подписавшимися поверенными и понятыми, сторонними людьми. К сему плану Погоста Веснеболога дьячок Ананий Афонасьев вместо понятых, сторонних людей, коих имена писаны в межевой книге плана сего, по их прошению, руку приложил»[1].

Геометрический план красивый, хорошо сохранился. Он показывает, что деревенские земли неровным квадратом идут из северной стороны, постепенно расширяясь, в южную. Недалеко находилась живущая и ныне деревня Подкрестье, шумели озера, река Великая. Земли деревни Горончаровой были богаты лесами, пашнями, водами. Межевщики начинали границу с середины восточной части земель. Здесь за

[1] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 38. Оп. 1. Ед. хр. 2101.



маленькой границей лежали земли деревни Шершавиной помещиков Н.С. Алексеева и М.Г. Муравьевой. Вдоль всей юго-восточной границы плескалось озеро Цепиля, как читается надпись на нем. На его западном берегу, на середине земель, показана деревня Горончары, как называли свою деревню жители. Озером владел секунд-майор Н.С. Алексеев, другие владельцы не указаны. Но пойдем на юг по границе. Озеро идет к югу далее, а граница наших деревень круто поворачивает в западную сторону. За ней находились земли деревни Морозовой, которой владели надворная советница А.Л. Ушакова и прапорщик К.А. Назимов. Далее граница плана идет чуть на юг и круто поворачивает к северо-западу. За ней, в благотворных землях деревень, плескаясь в лесу, лежит озеро Веретье. В него, выходя из-за южной границы, впадает речка Крешевка. Из озера зигзагообразно течет в северо-западную сторону по всей земле, между пашен и деревень, по части северной границы «речка Кряковка». Так мы видим, что деревня Гаврилова лежит на западной стороне земель, Горончарова — на восточной. Эта речка впадает в «озеро Арехово». Само озеро находится на северной границе земель деревень. За его южным берегом — леса и болота. От западного берега озера граница земель круто и почти прямо спускается в южную сторону, соединяясь с южной границей. Вдоль нее — леса, леса. Обе деревни соединяются и между собою, и с соседними деревнями проселочными дорогами. Из деревни Горончаровой в западную сторону, по мостику через речку Кряковку, стремится проселок в деревню Гаврилову. А прямо за южную границу проселок идет в деревню Морозову. Из деревни Гавриловой за северо-западную границу уходит дорога в деревню Мутовозову. А из-за южной границы, из деревни Морозовой зигзагообразно, мимо пашен, лесов, полукругом за деревней Гавриловой, стремясь в восточную сторону, через мостик речки Кряковки идет деревенская дорога в деревню Шершавину.

К сожалению, до нашего времени деревни, о которых рассказывает Геометрический план, не сохранились.

Игорь Лагунин

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК ПСКОВА

В изобразительной пушкиниане Псковского края видное место занимает изданный сразу после кончины поэта альбом литографий «Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым»[1]. Тема пушкинского Пскова уже давно не дает покоя исследователям биографии поэта[2]. Она находит достойное отражение в альбоме, первые две литографии которого были посвящены главным пушкинским местам — домику поэта в Михайловском и месту его захоронения в Святогорском монастыре.

Сама идея увековечить в изображениях эти памятные места принадлежала известному музыкальному деятелю, члену опекунского совета графу Михаилу Виельгорскому. Его «по просьбе Натальи Николаевны» включили в состав опеки, учрежденной над имуществом и ее малолетними детьми. План одобрил председатель опекунского совета С.А. Строганов. Обращаясь от имени опекунов к псковскому губернатору Алексею Никитичу Пещурову по поводу составления описи имущества в имении Пушкиных, Михаил Юрьевич в письме от 31 марта 1837 года попросил: «Не найдется ли порядочного живописца в Псковской губернии, который бы взялся за условленную плату снять два вида: один — могилы Пушкина, находящейся в Святогорском монастыре, а другой — вид домика, находящегося в селе Михайловском, где живал покойный Александр Сергеевич»[3]. А.Н. Пещуров, предводитель опочецкого и псковского дворянства, а в год кончины Пушкина — псковский гражданский губернатор, опекавший поэта во время его михайловской ссылки, поручил подготовить соответствующие изображения псковско-

---

[1] Псков: Псковская литография (И. Иванова). 1838 год.

[2] *Василев И.И.* Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии / составил по неизданным документам И.И. Василев; издание Высочайше утвержденного Комитета по сбору денег на устройство в Пскове учебно-образовательных заведений в память поэта Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1899; *Гордин А.М.* Пушкин в Псковском крае. Л., 1970; Губерния Псковская // По пушкинским местам: альбом / сост. и автор текста А.М. Гордин. Л., 1971.

[3] *Левин Н.Ф.* Первый рисунок сельца Михайловского // Михайловская пушкиниана. Вып. 46. Сельцо Михайловское ; Псков, 2008.

му землемеру И.С. Иванову. Иванов был направлен в Михайловское и успешно справился с порученным заданием. Он выполнил два памятных изображения и был удостоен высокой награды.

Опыт мемориализации пушкинских мест рукой незаурядного псковского землемера и замечательного картографа был созвучен «высочайшему» интересу к российской старине в эпоху Николая I. В декабре 1826 года вышел циркуляр Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные», в декабре 1827 года — указ «О сохранении древних зданий по губерниям», а в январе 1832 года указ «О повсеместном подтверждении узаконений относительно доставления в Академию наук всех вообще достопримечательных произведений природы и искусства»[4]. В полном соответствии с последним постановлением 9 октября памятного 1837 года от имени министра внутренних дел Д.Н. Блудова были разосланы во все губернии предписания о доставке к нему точных и полных сведений о существующих древних зданиях: «…монастырях, церквах, замках, домах, водопроводах, мостах, развалинах стен, остатках древних дорог и других памятниках древности, замечательных по своим историческим событиям, с обозначением настоящего их положения, и, если возможно, то доставить рисунки таковых древностей и изложить вкратце историю существования оных или предания, кои на их счет сохранились»[5]. Губернатор переадресовал запрос Губернскому статистическому комитету, а тот нашел более удобным переправить задание губернскому землемеру Иванову, который уже представил листы своей «Галереи» с пространными описаниями псковских достопримечательностей высокому начальству. Однако он никак не предполагал, что ему придется отвечать за все псковские древности. Ему даже пришлось объясняться[6] и, по-видимому, терпеть неудовольствие от вышестоящих чиновников и, как это нередко бывает, расплачиваться за свои творческие успехи.

Автор изображений сельца Михайловского и могилы поэта в стенах Святогорского монастыря в своем альбоме рисунков, которые литографировал и подготовил для печати петербургский художник-литограф П.А. Александров, постарался дать представление о главных достопримечательностях пушкинского времени древнего Пскова и Псковской

[4] Свод законов Российской империи. СПб., 1842, 1857.

[5] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Д. 1223.

[6] *Левин Н.Ф.* Первый рисунок сельца Михайловского.

И. Иванов. Вид Мирожского монастыря и губернской гимназии. 1837 год

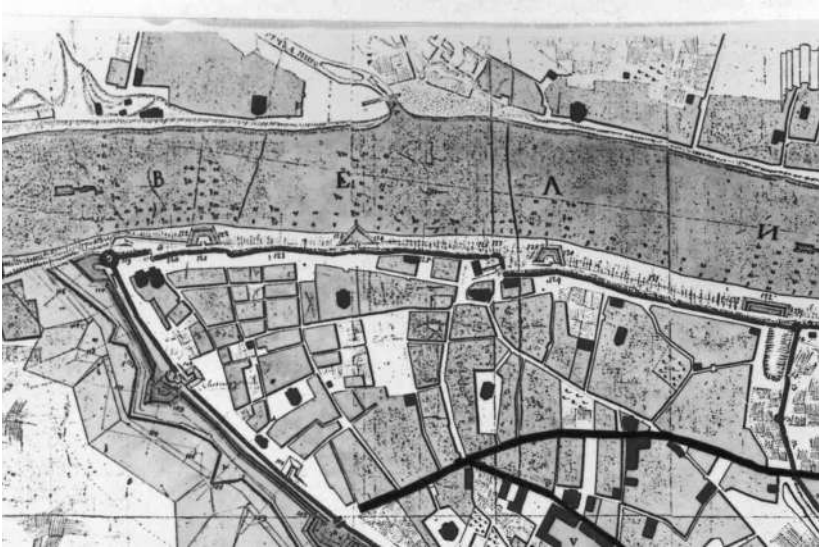
губернии в целом. Четыре листа он посвятил древнему Пскову. Это лист «Псков с юго-западной стороны с изображением крестного хода, возвращающегося в Печерский монастырь» (вид на город и Псковский кремль с Завеличья, а также на плавучий мост, по которому возвращается в Печоры главный крестный ход в память чудесного спасения Пскова от войск польского короля Стефана Батория в 1581 году). Лист «Пролом Короля Стефана Батория, сделанный в Псковской городовой стене, 1581 года», связан с чудесной обороной. Еще два листа — это два вида древнейших городских монастырей: Спасо-Мирожского и Рождества Богородицы Снетогорского. В последнем размещался загородный архиерейский дом архиепископа Евгения (Казанцева), которого поэт посетил и оставил об этом воспоминание. Удачный опыт двух первых памятных пушкинских изображений — дома и могилы поэта (листы были представлены председателем опекунского совета графом Григорием Александровичем Строгановым императору, вознаградившего художника за заслуги бриллиантовым перстнем), призыв Строганова довершить начатое дело изданием, а также значительные достижения И. Иванова в деле художественного картографирования Псковской губернии подвигли его на основание в Пскове собственной литографии. Он расширил список

видов Псковского края. «Галерея» памятных видов Пскова и Псковской губернии была издана в восьми листах (в двух тетрадях). Вторую тетрадь, о которой автор объявил 4 мая 1838 года в «Псковских губернских ведомостях», открывал лист «Мирожский монастырь и церковь Преображения, существующая с основания своего архиепископом Нифонтом в 1156 году, и Губернская гимназия»[7]. Этот вид, наряду с изображением Мирожского монастыря, о посещении которого поэтом сведений пока не найдено, отобразил настоящий пушкинский уголок Пскова, связанный с творческой биографией поэта.

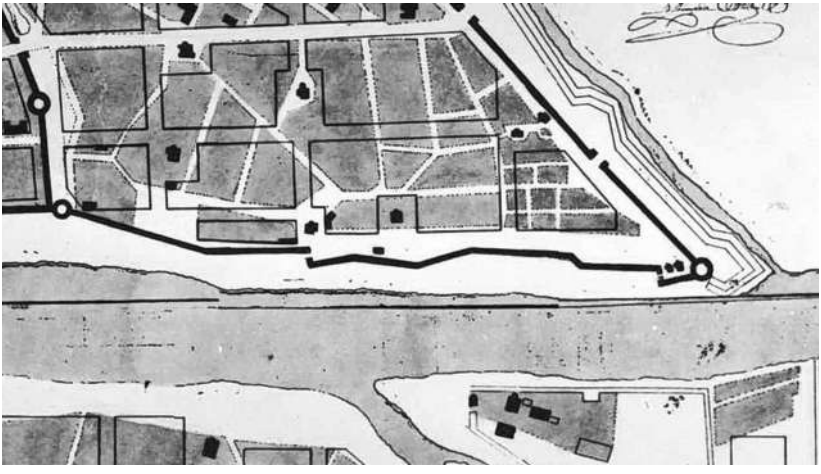
Мирожский монастырь, древнюю Георгиевскую церковь, крепостные сооружения и петровские батареи, руины каменных стен Окольного города и другие церкви, которыми был наполнен древний город и которые буквально окружали памятное место, изображенное на рисунке И. Иванова, Александр Сергеевич несомненно имел удовольствие созерцать, постепенно покоряясь псковской старине. Регулярная перепланировка губернского города по плану 1778 года еще не изменила окончательно вида древнего города — повсюду виднелись древние руины, старинные постройки, которые продолжали жить, перестраиваться, наполняя город ароматом старины. Древние каменные сооружения, отмеченные на плане Пскова 1740 года, сохранялись в измененном виде и во времена Пушкина. Наверное, в первый приезд в Псков он был занят другими мыслями и заботами, но взявшись за «Бориса Годунова», не мог не приглядываться к псковской старине, собирая материал для исторической драмы. Пример псковского юродивого Николки, выведенного в драме под тем же именем, уже стал нарицательным — как опыт погружения поэта в историю края своих предков.

При этом не будем забывать, что сам город поначалу едва ли производил положительное впечатление на опального, но широко известного поэта, избалованного вниманием и устремленного душой к блистательным дворцам столиц (скептическое отношение к Пскову находит отражение в его переписке и стихах). Псков для поэта был глубоко провинциальным административным центром ссыльного края. Для того были и другие, вполне объективные причины. Город всё еще не оправился от потрясений Петровской эпохи. Административные преобразования растянулись на длительный период, реальные результаты обновления городских застроек в значительной мере проявились только после кон-

[7] *Левин Н.Ф.* Первый рисунок сельца Михайловского.



Будущий «пушкинский уголок» на плане Пскова. 1740 год



Состояние застройки на 1778 год
и запланированная перепланировка территории

чины Пушкина. По меркам молодого человека город оставался глубоко провинциальным. Редкие крупные современные постройки не определяли его лицо. Регулярная перепланировка прослеживалась лишь пунктирно. Предписанные каменные строения по недостатку средств и возможностей нередко замещались деревянными. Старинные палаты ветшали и утратили внушительный вид, а большие новые частные дома (даже руководителей губернии или крупных вельможных лиц, что часто было одно и то же) редко выделялись в городской застройке. Здания административные, общественные или учебные всё еще были редки в губернском центре.

О псковских древностях и достопримечательностях поэт, к нашему сожалению, не оставил восторженных отзывов. Автор гравюры постарался восполнить этот пробел. Лист, посвященный Спасо-Мирожскому монастырю, достойно представляет обитель, но не на самом первом плане. Ладьи перевозчиков на Великой как будто приглашают посетить древнейший духовный центр, который на период частых посещений Пскова поэтом пребывал не в лучшем состоянии. Древнейший псковский монастырь с трудом сохранил свое назначение в ходе екатерининской секуляризации и попал в список обителей Российской империи лишь в третьем классе. Задуманное новое строительство его фасадного ансамбля надолго прервалось. Собор ветшал, даже его иконостас требовал замены. После всех бедствий реликвий сохранилось немного, старые строения ветшали и разрушались, новые стояли недостроенными. Сама обитель на Мироже длительное время существовала как исправительное заведение по духовной части (фактически — тюрьма). Нужно быть большим энтузиастом старины, каковым поначалу поэта едва ли можно было назвать, чтобы стремиться посетить такое заведение.

Романтичные древние крепостные сооружения также стремительно ветшали. Исторические Егорьевские ворота Псковской крепости, изображенные на гравюре, пребывали в руинированном состоянии. Они были частично скрыты насыпями петровских фортификаций, тоже оплывающих и утрачивающих свои героические профили. Несколько лучше в описываемом районе города дело обстояло с храмами. Знакомыми Пушкина Назимовыми (и Набоковыми?) заново выстроена церковь Успения с Полонища в модных формах «кулича и пасхи». Псковская церковная старина не пребывала здесь в забвении. Храм Георгия, изображенный в центре листа и грозивший разрушением, был

дважды перестроен в бытность А.С. Пушкина в Пскове. К первому приезду ссыльного поэта «…в 1825 году стены и крыши были возобновлены и на возобновления сделаны пожертвования… от дерптского купца Петра Минина Зундальцева 100 тесин для покрытия 60 саженей кровли новым тесом и на устройство 6 новых рам в куполе (для окон в барабане. — **Авт.**). В этом же году отломан был придел, находившийся в левой северной стороне храма. Отломанный придел, как говорят псковские старожилы, посвящен был имени Петра, митрополита Московского. В земле же, на месте бывшего придела, на 4 саженях от церкви, виден каменный бут. Штукатурку храма в этом году производил служитель архиерейского дома Петр Иванов, получивший за работу 140 руб.»[8] Мероприятия достаточно скромные, но они спасли древний храм. Поэт мог даже видеть производство восстановительных работ. Жаль, что мы не знаем, как он реагировал на эти древние красоты. Сама мысль обратиться к старине эпохи Бориса Годунова могла у него возникнуть не только на волне интереса к собственной генеалогии, но и под влиянием древностей Пскова и Псковского края.

В позднейшие приезды поэт мог видеть новые положительные изменения в судьбе древнего Георгиевского храма: «…В 1831 году указом консистории от 16 мая за № 1511 для лучшего вида храма было разрешено надворному советнику Николаю Набокову, по его о сём прошении, отломать с южной стороны храма притвор, перенести каменные столбы для колоколов на главный вход и сделать над столбами кровлю; при этом предложено Набокову исправить хотя бы по времени и иконостас сей церкви, находившийся тогда в ветхом положении. В 1833 году ветхости иконостаса исправлены…»[9]

Николай Александрович Набоков (1795–1873), знакомый А.С. Пушкина по Пскову, был женат на сестре декабриста М.А. Назимова и если не жил, то несомненно бывал в доме своего брата, изображенном на гравюре «Мирожский монастырь» рядом с Георгиевским храмом (об этом доме мы поговорим ниже). В домах Набоковых и Назимовых, которые располагались неподалеку, он мог слышать разговоры обо всех этих работах непосредственно от самих участников их строительства и обновления.

---

[8] *Березский А.* Историко-археологический очерк псково-градского Георгиевского со Взвоза храма. Псков, 1887. С. 7.

[9] Там же. С. 7–8.

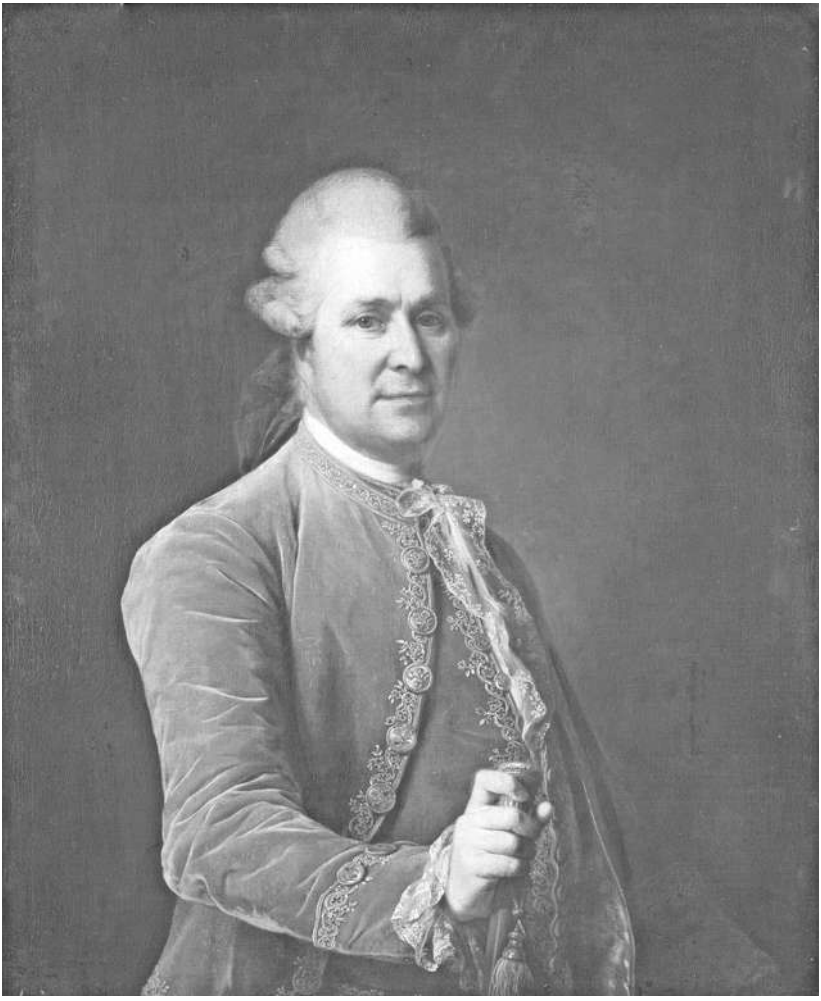
Церковь Святого Георгия. Современное фото

Становится понятным, почему «вид Мирожского монастыря и псковской Гимназии» с добавлением стаффажа, что невольно напоминает главный вид всей серии — вид сельца Михайловского, где на переднем плане также изображены все обитатели пушкинской усадьбы, — в большей мере посвящен изображению правого городского берега. На псковском листе фигура господина с детьми, указывающего на реку Великую, некоторыми исследователями не без основания определялась как портрет губернатора Пещурова с детьми. Это далеко не случайно: губернатор должен был согласовать или даже инициировать выбор памятных мест для альбома. Напрашивается даже предположение, что именно Пещуров повлиял на саму композицию мирожского листа. Собственный дом губернатора, двери которого и ранее были широко открыты для поэта, скрыт зданием Гимназии, но находится совсем близко. Гимназия, удостоенная высокими посещениями императора Николая I, небезразличного к судьбе поэта, также прежде была губернаторским домом. Пещуров не мог не знать, что и дом Набоковых, который выглядывает из-за Георгиевской церкви, был посещаем Пушкиным неоднократно.

У нас нет сведений о визитах Александра Сергеевича в гимназию, но не видеть ее и не знать об истории здания он никак не мог. В 1833–1838 годах первым почетным попечителем псковской гимназии был камергер, статский советник Николай Александрович Яхонтов (отец), в имении которого Камно Пушкин, благословивший сына владельца, будущего директора гимназии на поэтический путь, бывал определенно. Можно даже сказать, что с семейством Яхонтовых поэта связывала дружба. Таким образом, здание гимназии заслуживает внимания в нашем рассказе не только своей архитектурой, которая представляет несомненный интерес[10].

Главное здание первой гимназии после недавней реставрации включает и сохраняет меньший по площади памятник самобытного псковского зодчества — древний каменный подклет XVII века, сложенный

[10] Именно благодаря литографии И. Иванова автор обратил внимание на сохранившееся здание и ввел его в научный оборот как объект культурного наследия (по моей инициативе здание было включено в список выявленных объектов, мною был подготовлен первый вариант научного паспорта). См. также: *Левин Н.Ф.* Псковские корни Владимира Набокова // Псковская земля. История в лицах. В 3 кн.; «Дворяне все родня друг другу…» / ред.-сост. Т.В. Вересова. М., 2006. С. 158–165; Губерния Псковская // По пушкинским местам: альбом.



Д.Г. Левицкий. Портрет гр. Я.Е. Сиверса, псковского губернатора

из псковского известняка и вытянутый по продольной оси здания. Это каменное сооружение при Егорьевских вратах псковской крепости показано на плане города 1740 года И. Сляднева.

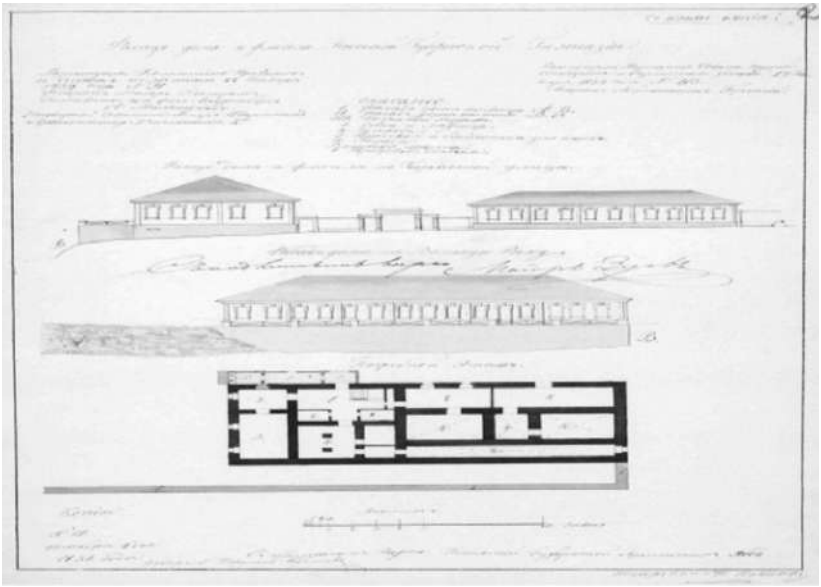
В истории дома был значительный губернаторский период. Первые сведения о владельцах усадьбы относятся к концу XVIII века[11]. В 1789 году несомненно перестроенный в регулярном стиле (классицизм?) деревянный, на каменном фундаменте дом, расположенный в третьем квартале первой части Пскова в приходе Воскресенской церкви[12], принадлежал действительному статскому советнику, генерал-губернатору Новгородского, Псковского и Тверского наместничеств Якову Ефимовичу Сиверсу (19.08.1731–23.07.1808). В должности псковского наместника он пребывал с 1777 по 1781 год. Усадьба на реке Великой служила псковской резиденцией генерал-губернатора до его отставки и отъезда в Лифляндию в 1781 году. После полной отставки в 1800 году дом в Пскове окончательно потерял всякое значение для этого высокого государственного деятеля. Еще ранее граф продал его гражданскому губернатору Псковской губернии Н.А. Беклешову.

Псковским губернатором Беклешов пробыл недолго, до назначения сенатором и отъезда в Санкт-Петербург. В 1812 году, с началом Отечественной войны, усадьба снова стала губернаторской. Князь П.И. Шаховской передал свой официальный губернаторский дом на площади под госпиталь и переехал на набережную в съемный особняк сенатора Н.А. Беклешова, не утративший представительского значения. По окончании войны, в 1815 году Шаховской освободил усадьбу — дом с садом и флигель по улице Георгиевской — для губернской гимназии. А через два года, в 1817 году, дом был окончательно приобретен у сенатора Беклешова в казну для учебного заведения за 5 700 рублей.

Галерея высоких лиц, связанных с этим зданием, расширялась и далее. Личными пожертвованиями для покупки дома оказались причастными к нему такие высокие лица из руководства Министерства просвещения, как князь А.Б. Куракин и граф А.К. Разумовский. В ноябре

[11] В сообщении частично использованы сведения, собранные в исторической записке к проекту реставрации здания, успешно завершенной в конце 2022 года: ООО «Августина». Усадьба Беклешова Н.А. Дом жилой, XVII век, XVIII век, конец XIX века (первое здание Псковской губернской гимназии). Автор Исторической записки Сапронова М.В. Псков, 2016.

[12] Древняя церковь находилась на месте дома Брылкиных — ныне дом № 33 по улице Советской, на углу Детской улицы. Позднее она был разобрана.



Фасад дома и флигеля Псковской губернской гимназии. 1831 год.
Автор — псковский губернский архитектор Ф. Ябс.
Российский государственный исторический архив (РГИА).
Ф. 1488. Оп. 3. Д. 776. Л. 2

1817 года Псковская гимназия переехала в ставшую знаменитой псковскую усадьбу, которую во времена Пушкина неоднократно посещал сам император Николай I. В 1827 году он обнаружил здесь всего 23-х гимназистов, причем ни одного из дворянского сословия, и приказал закрыть учебное заведение. 17 мая 1833 года, после нового открытия гимназии, император вновь приезжал в Псков и вновь навестил учебное заведение. Реконструкция всего комплекса, включая флигель и прилегающую к главному зданию территорию с верандой и садом, была произведена по проекту известного псковского архитектора Франца Ябса, с именем которого мы еще встретимся в пушкинских местах (проект подписан 18 июня 1831 года). Для нового открытия, чтобы занятия возобновились, пришлось организовать сбор средств для недостаточных дворян. Почетным попечителем возрожденной гимназии стал хороший знакомый А.С. Пушкина Н.А. Яхонтов. Бывая по соседству у друзей и псковского

Псковский губернский архитектор Ф. Ябс (ок. 1789–1839)

губернатора, Пушкин не мог не слышать истории об истории столь знаменитого дома.

На обновленную в 1820–1830-е годы церковь Святого Георгия XV века, изображенную на литографии из альбома Иванова, он также не мог не обратить внимания по названным уже причинам. Например, Николай I обратил свой взгляд не только на гимназию, но и на обновленную церковь, которую пожертвовал псковской гимназии. Это случилось после очередного (третьего!) визита императора 1 августа 1837 года. Об обновленном здании гимназии и здании храма Святого Георгия пушкинского времени (после 1831 года) мы можем судить по литографии Иванова, по архивным проектным материалам Ф. Ябса. Ныне оба здания отреставрированы. Здание гимназии — с сохранением более позднего южного крыла по улице Георгиевской. Перед нами типичный для позднего классицизма и в то же время характерный для Пскова деревянный дом на древних каменных подклетах, в ансамбле с древними крепостными сооружениями, выходивший главным фасадом на реку Великую. Его основной объем — прямоугольное в плане сооружение под вальмовой крышей (цвет кровли исторический — красный сурик) с треугольным фронтоном на симметричном главном фасаде (дощатые аттики главного фасада, которые видны на гравюре, не восстанавливались). Классическую композицию фасада подчеркивает ритм крупных окон[13]. Ритм световых окон в интерьерах созвучен анфиладе светлых комнат, обращенных на реку и на южный фасад (на Георгиевскую церковь). Бывший губернаторский дом в пушкинскую эпоху вполне отвечал новому предназначению — размещению в нем среднего учебного заведения губернского масштаба. Только масштабы псковского дворянства еще не совсем отвечали высокому замыслу[14].

«Высочайшее внимание» псковской гимназии уделялось и далее — в 1850 году ее посетили великие князья Михаил и Николай Николаевичи, 24 ноября 1851 года — великий князь, будущий император

[13] Позднейший выход на веранду перед домом, устроенный в поздний период, и сама веранда не вошли в состав проекта реставрации.

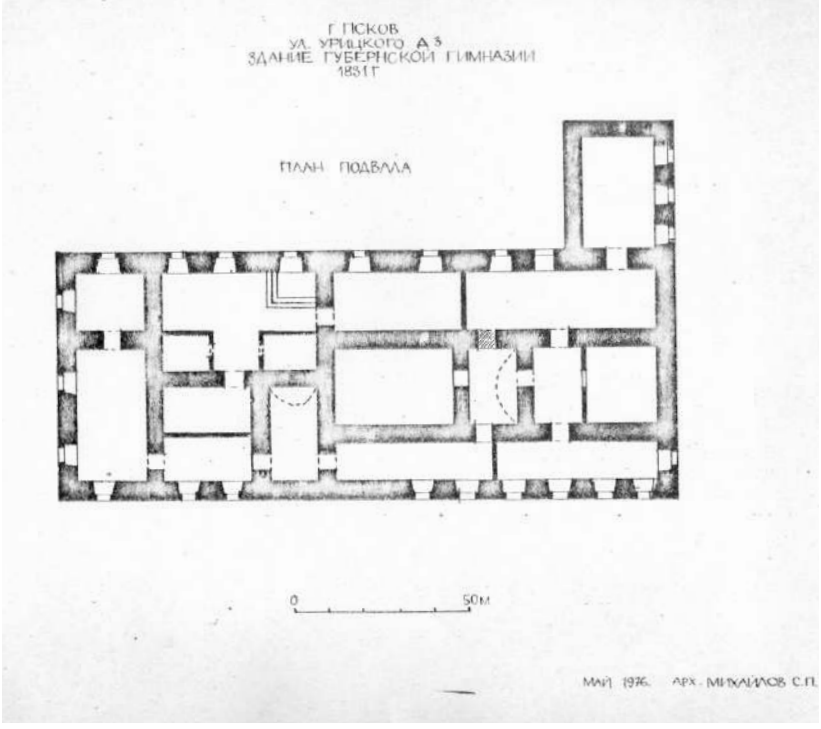
[14] Заметим, что история повторилась. Замысел строительства подобного учебного заведения для псковского дворянства в екатерининское время так и не состоялся. Здание было выстроено напротив, за рекой — на Завеличье (теперь это старейший двухэтажный корпус областной больницы), но так и не стало гимназией. Не удалось собрать необходимое число состоятельных дворянских недорослей. А ведь были еще и планы основания высшего учебного заведения!

«Пушкинский уголок» сегодня. Фото автора

России Александр Николаевич (будущий Александр II). Соответственно не оставляло его своим вниманием и высокое руководство Министерства просвещения: три министра народного просвещения — граф С.С. Уваров, князь П.А. Ширинский-Шихматов, действительный статский советник Е.П. Ковальский — посетили псковское учебное заведение. Описание незаурядной судьбы дома на набережной можно продолжать и далее. После строительства нового каменного здания гимназии на углу Георгиевской и Успенской улиц (современное здание первой псковской гимназии 1855 года) в старом доме разместили канцелярию и квартиры служащих. Здесь же проживал знакомый Пушкина, директор гимназии (1858–1867) А.Н. Яхонтов. А в 1858 году залу и одну из комнат приспособили под домашний гимназический театр.

Новый взлет в судьбе исторического дома произошел в августе 1915 года. В нем разместился Штаб Северной армии (6 августа

Здание псковской гимназии в середине XIX века. Панорама И.Ф. Годовикова



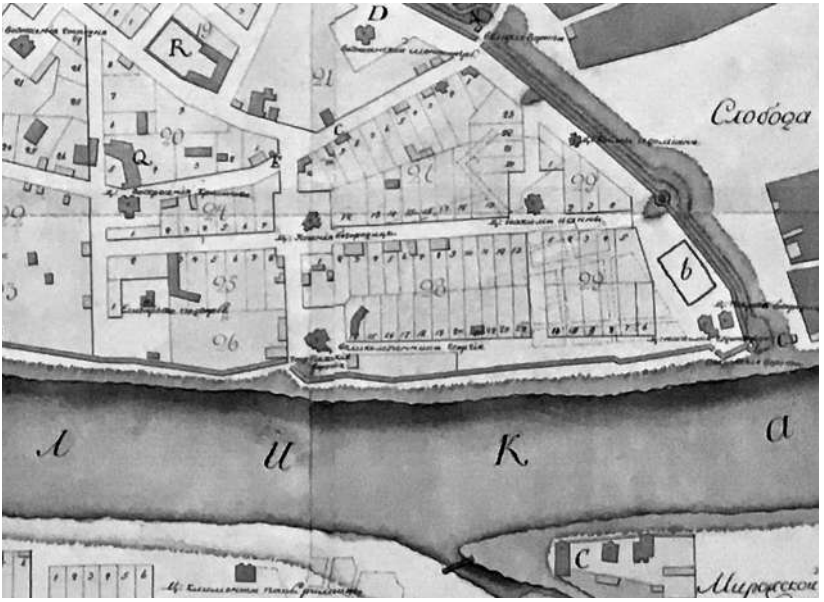
План цокольного этажа гимназии — б. дома Беклешова и Сиверса

Штаб Северного фронта периода Первой мировой войны (б. здание гимназии). С почтовой открытки

2015 года в память о событиях «Великой европейской войны» перед домом на набережной установлен памятник русскому солдату). Однако после революции и новой мировой войны славный дом превратился в простую коммуналку, в которой трудно было признать знаменитый памятник псковской истории и архитектуры. Только после реставрации, в конце 2022 года, специалистам реставрационной организации «Августина» удалось вернуть дому псковских губернаторов, первой псковской гимназии и штаба российских войск периода Первой мировой войны его архитектурное великолепие и высокое градостроительное значение.

Через улицу от старой гимназии располагалась еще одна усадьба, где Александр Сергеевич бывал неоднократно. Об этом доме он вспоминал с удовольствием и посетил его в Пскове в начале михайловской ссылки первым. Речь идет о бывшем доме Михаила Ивановича Бибикова (1762–1827), псковского губернского прокурора (1797), вице-губернатора (1800–1805). Дом после передачи в 1815 году гимназии снимался казною для губернатора Адеркаса у вдовы статского советника Маргариты Ивановны, которая жила здесь в конце XVIII века

Штаб Северной армии. Памятник землякам-солдатам Первой мировой войны. Фото автора



План территории в начале XIX века.
Участок дома Бибикова к востоку от храма Святого Георгия

с мужем, двумя сыновьями и четырьмя дочерьми[15]. В 1805 году псковским губернским архитектором Козьмой Ждановым разработан новый план Пскова с учетом сложившихся реалий для дальнейшего урегулирования застроек по генплану И. Лейма 1778 года. План реально учитывал все значительные постройки и древние каменные здания, которые хотя и не вписывались в линии новых улиц и площадей, но сохранялись для поддержания застройки. Малые ветхие и вновь строящиеся дома «не в линию» предполагались к сносу (широкий резонанс получил пример дома губернского секретаря Негоновского, выстроенный не в линию и предназначенный к сносу[16]).

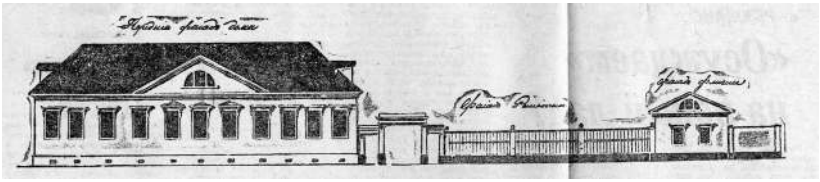
В судьбе дома губернатора Адеркаса попытался разобраться известный псковский краевед Н.Ф. Левин. Ситуация на пушкинское время изменялась, и его выводы, на наш взгляд, можно несколько уточнить и до-

[15] Сведения искусствоведа Н.Н. Новиковой.

[16] На месте б. дома Ивановой — ныне ул. Труда, 7.

Вице-губернатор М.И. Бибиков

полнить с учетом анализа названного генплана. Дому Бибикова на плане наиболее соответствует усадьба с большим домом и небольшим участком, которая примыкала к угловой обширной усадьбе, расположенной к востоку от церкви Святого Георгия, на месте существующего нового каменного здания гимназии середины XIX века (угол Успенской и Георгиевской улиц). Этот участок дома с двумя флигелями, примыкающий к церковной площади, очевидно, был также приобретен в казну. К нему



Дом губернатора Адеркаса. Проект реконструкции Ф. Ябса

по улице Успенской и примыкал участок с крупным деревянным домом. Оба домовладения не распространялись до Покровской улицы (Воеводы Шуйского), как на архивном плане, выявленном Н.Ф. Левиным. Поэтому можно предполагать, что владение Адеркаса после покупки дома Бибикова в 1815 году в казну было значительно расширено и доходило до Покровской улицы за домом Пещуровых (Набоковых)[17], о котором пойдет речь ниже. Обе усадьбы, связанные с посещениями А.С. Пушкиным, вместе составляли большую территорию, занимавшую едва ли не половину квартала. Дом Бибикова — Адеркаса по Успенской улице еще не имел того вида, который представлен на проекте Ф. Ябса (этот изображен на плане 1805 и 1857 годов). Действительный статский советник, барон Борис Антонович фон Адеркас, сменивший на этом посту князя Шаховского, принял усадьбу Бибикова для проживания на период, когда большой губернаторский дом на главной площади перестраивался. Позднее, в 1830-е годы, его преемник, губернатор А.Н. Пещуров, также проживавший в этом доме, называл его ветхим и старым, что было бы странным для дома, выстроенного или кардинально обновленного по проекту Ф. Ябса. Возможно, при покупке был произведен ремонт, а проект Ф. Ябса в части дома так и не был реализован. Была произведена кардинальная реконструкция всей усадьбы с большим садом, который протянулся до Покровской улицы на 60 сажен. Она занимала не один участок домовладений плана 1805 года. В таком случае это при Адеркасе был разбит обширный сад с затеями, который ранее, в 1820 году, посещала А.П. Керн, а в 1825–1826 годах — А.С. Пушкин. Губернатору Адеркасу, который вошел в историю благодаря знакомству с великим русским

[17] На плане К. Жданова почти на самом месте дома Пущиных изображена крупная старинная каменная постройка, которая соответствовала по своему плану старой планировке и, очевидно, была разобрана при строительстве деревянного дома с мезонином (молодоженов Набоковых?).

поэтом и покровительству молодому дарованию, мы обязаны галереей шаржированных портретов современников поэта. Недавно опубликован удивительный воронежский (!) альбом из фондов Государственного музея А.С. Пушкина, составленный, по мнению авторов издания, по заданию псковского губернатора, переехавшего в Воронеж, и содержащий портретные изображения псковских знакомых поэта периода михайловской ссылки. Воспользуемся ими для иллюстрации окружения поэта в «пушкинском уголке»[18]. Там есть портреты М.И. Бибикова, Ф. Ябса, И.А. Набокова, нет только портрета самого заказчика.

Об участии в судьбе Пушкина Б.А. Адеркаса, который первым встретил опального поэта в Пскове и отправил его в Москву в конце ссылки, написано немало. Большие градостроительные изменения, которые произошли на протяжении пушкинского времени (даже дедовский дом поэта в Михайловском в годы его юности был перестроен), несколько затрудняют анализ ситуации. Регулярное переустройство Пскова происходило неуклонно, и к тому времени, когда И. Иванов запечатлел пушкинский уголок Пскова, как видим, произошли существенные изменения. Об этом свидетельствуют планы города Пскова разных лет. Изменилась ситуация и в районе Георгиевской церкви. Судя по плану 1805 года К. Жданова, в этот период были сформированы две прямоугольные площади вокруг церквей Успения с Полонища (выстроена заново знакомыми Пушкина Назимовыми, располагавшимися поблизости), Георгия со Взвоза (перестроена тоже друзьями поэта — Набоковыми), сформированы прямые улицы Георгиевская, Успенская (Калинина), Покровская (Воеводы Шуйского). Усадьба Адеркаса протянулась от Успенской и Георгиевской до Покровской улицы. Но ее ждала новая реконструкция. Об этом свидетельствует дело «Об исправлении казенного губернаторского дома, о продаже онаго и о покупке нового, о починке и перестройке онаго», относящееся к 1829–1835 годам, выявленное Н.Ф. Левиным[19]. «Ситуационный план», составленный псковским губернским архитектором Францем Ябсом 18 июня 1831 года, показывает планировку земельного участка[20]. Усадьба включала регулярный и английский сады с пятью липовыми и одной березовой аллеями,

[18] Псковское общество в период михайловской ссылки А.С. Пушкина. Уникальный альбом из собрания Государственного музея А.С. Пушкина. М., 2021.

[19] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 896 а.

[20] Там же; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1488. Оп. 3. Д. 793.

обсаженный декоративными растениями каменный грот со сводами, над которым стояла деревянная галерея с шестнадцатью колоннами, цветник, три огорода с парниками на 16 рам. В январе 1830 года на пост псковского губернатора вступил новый пользователь усадьбы — бывший губернский предводитель дворянства Алексей Никитич Пещуров, также давний знакомый А.С. Пушкина по Опочецкому уезду и дядя его лицейского товарища князя А.М. Горчакова. Он был непосредственно причастен к созданию «Галереи видов…» И. Иванова. В рапортах столичному начальству он называл губернаторский дом (б. дом Бибикова?) совершенно ветхим, требующим значительных расходов на капитальный ремонт. Полтора года Пещуров добивался разрешения на его продажу с публичных торгов. 3 февраля 1833 года усадьбу приобрел псковский дворянин, будущий строитель и владелец знаменитых Окуневских бань на набережной Е.А. Окунев (1802–1882). Н.Ф. Левин утверждал, что дом простоял еще сто лет[21].

На гравюре с видом Мирожского монастыря есть изображение еще одного дома, который выглядывает из-за Георгиевского храма. Это дом генерала, героя Отечественной войны 1812 года Ивана Александровича Набокова (1787–1852), родного брата устроителя Георгиевского храма Н.А. Набокова. Он был переведен в Псков по службе и командовал в Пскове 3-й пехотной дивизией. Это в его доме младший брат Николай Александрович (1795–1873), морской офицер, потом генерал, тоже командовавший дивизией, переведенной в Псков, познакомился с А.С. Пушкиным, декабристами М.М. Пущиным и М.А. Назимовым. Здесь же он встретил свою будущую жену А.А. Назимову, родную сестру декабриста, с которой обвенчался в 1824 году. Генерал Н.А. Набоков — прадед (по отцовской линии) известного писателя Набокова[22]. Он тоже жил где-то поблизости, в том же «пушкинском уголке», очевидно, в одном из домовладений Назимовых, которые располагались близ храма Успения с Полонища. Здесь у них родились первые дети. Вторым из тринадцати стал будущий дед писателя Д.Н. Набоков, крещенный в той же церкви, построенной на средства

[21] *Левин Н.Ф.* Общественные сады и скверы дореволюционного Пскова // Псковиана: сайт [Электронный ресурс: http://pskoviana.ru/istoriya/istoriya-pskovskoj-oblasti/991-levin-n-f-obshchestvennye-sady-i-skvery-dorevolyutsionnogo-pskova].

[22] Владимир Владимирович Набоков (22.04.1899–2.07.1977) — русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед и энтомолог.

Генерал И.А. Набоков (1787–1852)

матери (А.А. Назимовой), которую стали называть еще Новым Успеньем. Хватило средств у семейства и на реконструкцию Георгиевского храма рядом с домом И.А. Набокова. В семействе Набоковых гостил в декабре 1825 года брат А.А. Набоковой, декабрист Михаил Александрович Назимов, капитан лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона. Восстание 14 декабря застало его на Псковщине. Таким образом, назимовские адреса города, дом предводителя дворянства Г.П. Назимова

на Романихе в приходе церкви Успения с Полонища, где неоднократно бывал поэт, близки к описанной пушкинской территории Пскова и описываемой панораме.

В свою очередь, старший брат генерала Иван Александрович Набоков был женат на Е.И. Пущиной (1791–1866), сестре лицейского друга Пушкина Ивана Ивановича и Михаила Ивановича Пущиных, известных декабристов. Дом с мезонином, крытый тесом, на каменном фундаменте с большим участком достался молодоженам в приданое. По просьбе жены генерал принимал участие в судьбе ее братьев в сибирской ссылке. Этому способствовало знакомство с бывшим псковским епископом Евгением (Казанцевым), знакомым Пушкина по псковской встрече на Снятной горе, переведенным в 1825 году в Тобольск[23]. В доме Набоковых поэт чувствовал дружеское тепло и участие. Его друг И.И. Пущин приезжал в этот дом и отсюда отправился, несмотря на известный риск, в Михайловское, чтобы посетить опального поэта: «…С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно посетить его. Собираясь на рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил съездить в Псков к сестре Набоковой; муж ее командовал тогда дивизией, которая там стояла, а оттуда уже рукой подать в Михайловское… Проведя праздник у отца в Петербурге, после крещения я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней и от нее вечером пустился из Пскова…»[24] Драгоценной встрече в период михайловской ссылки посвящено известное стихотворение 1826 года «И.И. Пущину»: «Мой первый друг, мой друг бесценный…» Дом Набоковых был особенно дорог Пушкину. В этом доме при очередном посещении друзей и единомышленников поэт оставил для передачи друзьям-декабристам свое поэтическое послание «Во глубине сибирских руд…»

Лист «Мирожский монастырь и Губернская гимназия» из альбома И. Иванова «Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым», запечатлел уголок Пскова, просто наполненный воспоминаниями о великом русском поэте. Надеюсь, что всё вышесказанное позволит взглянуть на него несколько в ином свете.

---

[23] Некоторые литературные сведения взяты из издания «Пушкинские места Пскова и окрестностей, знакомые и незнакомые». Путеводитель. Псков, 2022.

[24] *Пущин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1979. С. 71–72.

Наталья Виноградова

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ МИХАЙЛОВСКОГО И ТРИГОРСКОГО. XIX—XX ВЕКА

На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты…

А.С. Пушкин. Деревня. 1819 (II, 1; 89)

Современному человеку трудно вообразить, насколько пейзаж с ветряными мельницами на просторах псковских полей и лугов был привычен глазу современника Пушкина. На холмах в пойме реки Сороти мельницы были распространены повсеместно. Такое обилие их скорее всего объясняется особым географическим благоприятствованием — течение реки Сороти между грядами холмов обусловливало постоянное присутствие движения воздушных масс, так необходимого для работы ветряных мельниц. Однако определить их местоположение крайне сложно: учет ветряных мельниц практически не велся — обычно они работали для личных нужд, на их постройку не требовалось разрешения, они не облагались налогом, а поэтому не учитывались. В статистических данных XIX века приводится лишь их общее количество. «По отчету псковского губернатора за 1830 год видно, что в Вороничской волости Опочецкого уезда было тридцать ветряных да четыре водяных мельницы…»[1]

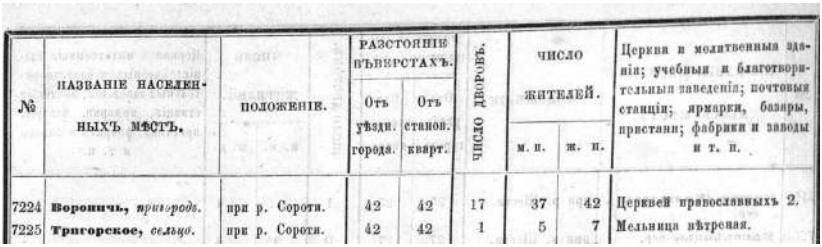
Еще больше усложнилась ситуация с учетом к концу XIX века, когда шла активная реорганизация промыслового налога, важнейшую часть которого составили пошлины на право торговли и промыслов. Государство пристально следило за сборами промыслового налога, ведя статистику предприятий и проводя ежегодные проверки. Промысловым налогом облагались и владельцы мельниц, но только если мельница производила муку и другие товары не для личного потребления, а для продажи. Практически все эти мельницы были водяные. Ветряки же остались в большинстве своем для обеспечения мукой только своей семьи. Зачастую такой мельницей владела одна семья, и на ней мололи зерно лишь для собственных нужд.

[1] *Гейченко С.С.* У Лукоморья. Записки хранителя Пушкинского Заповедника / рис. В. Звонцова. Л., 1971.

Это были простейшие мельницы, «столбовки» или «козловки», несложные и недорогие в постройке, небольшие по размеру и легкие в использовании. Устраивали их основу на столбах (на «козлах»), на клети, на раме. Отличительной особенностью их является то, что они подстраивались под изменение направления ветра, поворачиваясь всем корпусом конструкции. Поворот осуществляется на так называемых козлах, расположенных в нижней части основания корпуса. Механизм мельницы располагался с ветренной стороны, чем обеспечивалась устойчивость мельницы. К нижним балкам прикреплялся большой брус «дышель». С его помощью и поворачивалась ветряная мельница. Обычно «столбовки» были однопоставными и позволяли молоть зерно лишь в небольших объемах.

На смену «столбовкам» пришли мельницы шатрового типа, или, как их называли, голландские мельницы. Весь корпус мельницы стоял на месте, а по направлению ветра поворачивалась только верхняя часть («шатер») с основным валом. Вал приводил в движение пару жерновов. Дышель располагался с обратной стороны мельницы и поворачивал шапку ветряка по ветру, иногда он снабжался колесом, которое приводилось в движение ногами. Мельничные крылья обтягивались либо парусиной, либо тонкой плотно подогнанной доской. Шатровые мельницы были более производительными из-за большего размаха крыльев и большего количества жерновов, но и их возведение стоило дороже.

В Опочецком уезде были оба типа мельниц. В «Списках населенных мест Российской империи по Псковской губернии» в 1870-х годах в Опочецком уезде числилась только одна мельница — в селе Тригорском. Статистические сведения собирались только о мельницах, работающих на коммерческих началах. Поэтому, скорее всего, в Тригорском находилась большая мельница шатрового типа, в несколько поставов. Только такое устройство мельницы могло сделать мельницу быстроходной, производительной, способной молоть зерно не только для своих нужд, но и на заказ, приносить доход. А это уже промышленное предприятие, требующее учета и налогообложения. Именно поэтому она попала в списки мельниц. Возможно, она была построена взамен водяной мельницы Святогорского монастыря в Бугрове, арендаторами которой были хозяева Тригорского (до 1852 года) и которая, по свидетельству игумена Святогорского монастыря Иоанна, «просуществовала



№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	РАЗСТОЯНІЕ ВЪВЕРСТАХЪ.		ЧИСЛО ДВОРОВЪ.	ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ.		Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія; почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики и заводы и т. п.
			Отъ уѣзд. города.	Отъ станов. кварт.		м. п.	ж. п.	
7224	**Воронічь,** *приворов.*	при р. Соротѣ.	42	42	17	37	42	Церквей православныхъ 2.
7225	**Тригорское,** *сельцо.*	при р. Соротѣ.	42	42	1	5	7	Мельница вѣтряная.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXXIV. Псковская губерния. 1885 год

до 1876 года, в сём году окончательно уничтожена»[2]. Но это пока предположения. На данный момент установить дату и место постройки ветряной мельницы в Тригорском и время ее существования не представляется возможным. «Списки населенных мест Российской империи» на данный момент — единственное свидетельство ее существования.

Ветряные мельницы, не учтенные официальной статистикой, скромно обслуживающие крестьянские семьи и снабжавшие их мукой, благополучно перешагнули рубеж веков. Скорее всего, это случилось из-за их экономичности, которая пришлась кстати в беспокойные и голодные времена русских лихолетий. Ветряные мельницы еще долгое время были украшением пейзажа в окрестностях Михайловского и Тригорского, вплоть до середины XX века.

В конце 1924 — начале 1925 года Опочецким уездным исполнительным комитетом актуализировались сведения о количестве мельниц в Пушкинском волостном исполкоме. В списках значатся только 13 водяных мельниц с припиской: «В данных сведениях не указаны маленькие ветряные мельницы, которые обслуживаются владельцами для своего хозяйства»[3].

Такие малые мельницы-труженицы обильно покрывали карту территории Пушкиногорского района вплоть до Великой Отечественной

[2] Цит. по: *Козмин В.* К истории мельничного места в деревне Бугрово // «Хлебом царствуем!»: Материалы проекта Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Сельцо Михайловское, 2020. С. 59.

[3] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1284. Оп. 7. Д. 4. Списки владельцев мельниц (в деле имеется список сотрудников волостного исполкома).

Фрагмент карты 1931 года. Управление военных топографов

Фрагмент карты Генерального штаба РККА 1937 года

войны. На карте, вычерченной в Управлении военных топографов в 1931 году и составленной по сведениям съемок 1924–1927 годов и рекогносцировки 1928 года[4], в окрестностях Михайловского обозначены две ветряные мельницы рядом с деревней Дедовцы, две ветряные мельницы рядом с деревней Савкино, одна ветряная мельница у деревни Воронич (картографическое обозначение ветряных мельниц в виде вертикальной линии с крестиком в верхней части).

Скорее всего, ошибочно между деревнями Зимари и Еремино обозначены две водяные мельницы (обозначения в виде шестеренок). Их расположение показано на пригорке между этими деревнями, в стороне от реки и ручьев, что технически для организации водяной мельницы было невозможно. В этом месте, рядом с Зимарями, тоже находились ветряки. И их мы находим на более поздней карте 1937 года[5]. Вероятно к этому году ветряные мельницы в Дедовцах, Ворониче и Савкине уже прекратили свое существование и не обозначены на карте.

Дольше всех простояли ветряные мельницы в деревне Зимари, вплоть до сороковых годов XX века. Вот как пишет о Заповеднике один авторов того времени: «Вдалеке видна мельница, существовавшая еще при Пушкине. Она стоит возле гумна колхоза имени Чапаева в деревне Зимари. Колхозники ее отремонтировали, и она простоит еще многие годы…»[6]

Карандашный рисунок художницы Галины Федоровны Семизоровой с изображением мельниц в Зимарях хранится в фондах Пушкинского Заповедника. На оборотной стороне надпись: «Ветряные мельницы в д. Зимари, напротив с. Михайловского. Дар Заповеднику 10.05.1958». Когда была создана эта работа, пока неизвестно. О жизни художницы известно мало — родилась в 1899 году, с 1918 по 1924 год училась во Всероссийской Академии художеств, жила и работала в Ленинграде в 1920-х годах. На рисунке изображены типичные мельницы-«столбовки». По состоянию лопастей и корпуса видно, что они уже отжили свой век.

В 1935 году директором Пушкинского Заповедника Сергеем Александровичем Семеновым поднимался вопрос о передаче сохранив-

---

[4] Карта предоставлена для публикации В.Ю. Козминым.

[5] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 1966. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.

[6] *Скороходов М.* Михайловские рощи // Курортная газета. Сочи Азовско-Черноморского края. 26.12.1936. С. 126. Цит. по: *Тимошенко Д.А.* «…От судеб защиты нет». Михайловское в 1934–1941 годах. Псков, 2013.

Галина Семизорова. «Мельницы крылаты». Бумага, карандаш.
Из фондов Пушкинского Заповедника

шихся мельниц Заповеднику. Так, в докладе секретарю Великолукского окружкома ВКП(б) Калининской области товарищу Енову главный редактор газеты «Великолукская правда» товарищ Ярцев, который приезжал в Пушкинский Заповедник для оценки ситуации с подготовкой к юбилейным мероприятиям, посвященным 100-летию гибели А.С. Пушкина, пишет о возможной помощи великолукской партийной власти Заповеднику «по перевозке мельниц и кулацких построек, которые должны быть переданы Заповеднику по решению обкома и облисполкома». «Сюда также (в вопросы охраны Заповедника), по его мнению (Семенова), входит вопрос о передаче мельниц из Савкина, которые имеют примерно такую давность, как мельницы пушкинских времен, стоявшие на противоположном берегу реки Сороти»[7].

О ветряных мельницах в деревне Савкино сохранились воспоминания М.А. Шпиневой, уроженки и жительницы этой деревни, сотруд-

[7] Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 9975. Оп. 1. Д. 13. Л. 40–45.

ницы Пушкинского Заповедника: «Сразу за нашей деревней, вдоль дороги, ведущей в деревню Воронич, стояли три маленькие-маленькие, как игрушечные, ветряные мельницы. Они принадлежали Ефиму Петровичу, Александру Петровичу и Николаю Николаевичу. На этих мельницах хозяева мололи муку только для своих нужд… Где-то в самом конце двадцатых годов началось раскулачивание. Волковы, не дожидаясь, пока их раскулачат, скрылись, и правильно сделали: вскоре после их отъезда пришли к нам в деревню представители комитета крестьянской бедноты раскулачивать семьи владельцев ветряных мельниц Александра Петровича и Ефима Петровича. В это время внук Александра Петровича, шестилетний мальчик Вася, был болен, лежал с высокой температурой. Его отец с матерью спрятались, оставив Васю с бабушкой и дедушкой. Видно, думали, что власти сжалятся над больным ребенком да стариками, не погонят их из дома, но этого не произошло. По дороге на выселки мальчик умер. Мы всей деревней плакали по Васе. С тех пор на савкинских мельницах уже никто не молол зерно. В 1936 году, когда Савкино включили в состав Пушкинского Заповедника, эти мельницы были переданы Заповеднику, но со временем они всё равно обветшали и развалились…»[8]

На карте 1931 года обозначена и мельница в деревне Воронич. Располагалась она на западной окраине деревни, за околицей, на склоне холма. На более поздних военных картах 1937 года ее обозначения нет, видимо, она уже прекратила свое существование.

Судить о ее строении можно по фотографии, хранящейся в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге «Вороничи. Стада и стог сена»[9].

Описание к фотографии: «На переднем плане равнина, копны сена, пасущийся скот. Слева на холме строения и мельница деревни Воронич, правее — парк Тригорского. На обороте карандашом «Вороничи». Следы ретуши отдельных фрагментов фотографии». В левом верхнем углу фотографии на холме виднеется гумно и мельница-столбовка.

Неприхотливые и легкие в использовании мельницы-столбовки долгое время, вплоть до Великой Отечественной войны, украшали

[8] *Хмелева Е.В.* «Минувшее проходит предо мною…» Пушкиногорье и Пушкинский Заповедник в воспоминаниях М.А. Шпиневой // Псков. 2018. № 48. С. 230–231.

[9] Копия фотографии из архива Пушкинского Заповедника. Оригинал находится в фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина.

Вороничи. Стада и стог сена

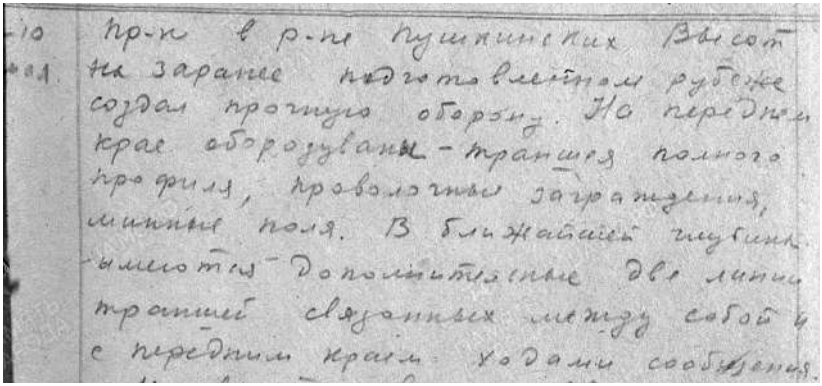
пейзаж пушкинских мест и служили иллюстрацией поэтических строк А.С. Пушкина:

…По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре…

(III, 1; 399–400)

Весной 1944 года по правой стороне реки Сороти прошла линия обороны советских войск, здесь находились артиллерийские расчеты 63-го гвардейского артиллерийского полка, а позднее 94-го гвардейского стрелкового полка.

На противоположных советским войскам «Пушкинских высотах» противник имел до четырех дивизионов артиллерии и отдельные



Фрагмент Журнала боевых действий
63-го гвардейского артиллерийского полка за 1–10 мая 1944 года.
Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО).
Ф. 10375. Оп. 0000001. Д. 0003

батареи крупного калибра, постоянно совершенствовал линию обороны и, конечно, наносил удары по советским позициям. В условиях интенсивного артиллерийского и минометного огня строения, стоящие на возвышенности, не могли уцелеть. А так называемые в Журнале боевых действий «Пушкинские высоты» — это усадьба «Михайловское», которую фашистские войска превратили в сильно укрепленный плацдарм с окопами, блиндажами, артиллерией.

После освобождения Пушкинского Заповедника и Пушкиногорского района от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 года начался долгий и кропотливый путь возрождения пушкинских мест. В 1947–1949 годах были воссозданы музей-усадьба «Михайловское» и Свято-Успенский Святогорский монастырь, в 1962 году — сельцо Тригорское, в 1977 году — имение Ганнибалов Петровское. Но возрождение пушкинских мест невозможно без воссоздания литературного ландшафта. А.С. Пушкин считал ветряную мельницу неотъемлемой частью пейзажа Михайловского, и без этой составляющей пушкинский пейзаж был неполным. С.С. Гейченко впоследствии в книге «У Лукоморья» написал: «Накладывая видимый глазом ландшафт на стихи Пушкина, мы ощущаем полное соответствие стихов пейзажу. В нем всё! предстает так, как было при Пушкине, предстает почти

Мельница в Михайловском.
Фотография сделана группой «Аэросъемка. Пушкинские Горы»

с фотографической точностью. Только всё ли? Нет, не всё! Не хватает в пейзаже «мельницы крылатой», которая стояла на пригорке, «насилу крылья ворочая при ветре»[10].

По этой причине в 1973 году начались поиски места для строительства ветряной мельницы и затем само строительство.

«Место, где во времена оны стояла михайловская мельница, сохранила лишь народная память. Жители окрестных деревень, в особенности рыбари, до сих пор называют Старой мельницей место на левом берегу Сороти. Это небольшое возвышение неподалеку от озера Маленец, у нижней дороги из Михайловского в Савкино. Здесь, на берегу, некогда проходила граница имения Ганнибалов и начинались земли другого владельца.

Изучая землемерный план Михайловского, составленный еще при жизни Осипа Абрамовича, я заметил, что на месте, которое в народе именуется Старая мельница, показано небольшое сооружение, квадратное в плане. Место это для мельницы весьма пригожее, находится на юру — со всех сторон обдувается ветрами, расположено в стороне от усадьбы. Свою догадку я решил проверить раскопкой. В раскопке приняли участие студенты-строители Московского университета, приехавшие в Заповедник для восстановления памятников. Нам удалось обнаружить камни фундамента, следы пожарища, фрагмент каменного жернова. Так определилось место восстановления.

[10] *Гейченко С.С.* У Лукоморья.

Разработку проекта безвозмездно взяла на себя московский архитектор О. Левина. В основу проекта были положены: рисунок Пушкина, изображающий ветряную мельницу, рисунок мельницы псковского помещика Сиверса, исполненный им в 1826 году, найденная мною фотография мельницы в имении друзей Пушкина Б.А. и Е.Н. Вревских в Голубове и многочисленные фотографии старинных псковских мельниц вообще»[11].

Мельницу было решено строить по голландскому типу, шатровую. Началось строительство 14 августа 1973 года, а закончилось глубокой осенью, в ноябре. На восстановлении работали студенты-строители, рабочие Заповедника и Псковской реставрационной мастерской.

«Пушкинская мельница встала на свое место, как встали многие другие детали материального мира пушкинской эпохи в Михайловском, Тригорском, Петровском»[12].

[11] *Гейченко С.С.* У Лукоморья.

[12] Там же.

Денис Виноградов

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ МЕЛЬНИЦЫ

Рассказы о мельницах и мельниках занимали большое место в народной мифологии, где мельник и мельница неразрывно связаны практически — заботой и радением мельник дает жизнь мельнице, а работающая мельница кормит мельника. Но здесь обнаруживается и мистическая, обратная связь. Их жизни связаны и зависят друг от друга. «Сердце мельницы — каменные жернова, сердце мельника — каменное», — одно из поверий Пушкиногорья[1]. Они не могут жить обособленно. Эта связь прослеживается и в строках А.С. Пушкина в драме «Русалка».

Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.

(VII, 205)

31 мая 1986 года в деревне Бугрово, стараниями легендарного директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко, открыт музейный комплекс — макет водяной мельницы, дом и двор мельника. 17 марта 2007 года, после проведенной реконструкции, водяная мельница была оборудована действующим механизмом. На мельнице были установлены жернова, привезенные из деревни Маслово Опочецкого района. Изготовлены они в XX веке и являются искусственными, «литыми». Такие жернова не могли быть на мельнице XIX века. Цемент, из которого они изготовлены (цемент Сореля), был изобретен во Франции в 1867 году. В России заявление на патентование искусственного двухслойного мельничного жернова была подано В.И. Паншиным 12 сентября 1921 года, а выдача патента была опубликована 30 апреля 1925 года сроком на 15 лет.

В XIX веке на водяных и ветряных мельницах Российской империи использовались цельнокаменные жернова. Подтверждение этому можно найти в источниках XIX века (например, «Руководство к устройству

[1] Цит. по: *Ведерникова Н.М.* Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12 (36) : Филология. С. 6–22.

БИБЛИОТЕКА
Государственный [illegible]
последующей [illegible]
изобретений
при Госплане [illegible]

~~Класс 50b~~
B24d 05/00
C04b 33/00

№ 217

ПАТЕНТ НА ИЗОБРЕТЕНИЕ

ОПИСАНИЕ

искусственного двухслойного мельничного жернова.

К патенту **В. И. Паншина,** заявленному 12 сентября 1921 года (заяв. свид. № 74984).

О выдаче патента опубликовано 30 апреля 1925 года. Действие патента распространяется на 15 лет от 15 сентября 1924 года.

Имея в виду, что при изготовлении искусственных мельничных жерновов цементирующим составом служит водный раствор хлористого магния и обожженный магнезит и что добыча магнезита и изготовление из него водного раствора хлористого магния представляет иногда значительные трудности, автор предлагает экономить эти ценные материалы, изготовляя из них не весь жернов, а только рабочий слой его, часть же жернова, служащую основанием для рабочего слоя, изготовлять из обыкновенного бетона, применяемого для строительных целей. По мнению автора, попытки, имевшие место в этом направлении, не давали благоприятных результатов вследствие того, что сцепление массы жернова, изготовленной из бетона, с рабочим слоем, изготовленным из магнезита и хлористого магния, было недостаточно и во время работы жернова, при размоле, эти части его отставали.

Предлагаемый способ имеет целью усиление сцепления рабочего слоя двухслойного жернова с остальной массой, если она изготовлена из бетона.

На фиг. 1 изображен вертикальный разрез жернова, причем с левой стороны часть жернова представлена в боковом виде с нагнанными на него обручами; на фиг. 2 — деталь, служащая для соединения рабочего и основного слоя жернова.

Способ состоит в том, что в изготовленную из бетона часть жернова A вделывают железные металлические втулки a, a_1, a_{II}, a_{III}. Во втулки вставлены деревянные пробки $б$, $б_1$, $б_{II}$, $б_{III}$, которые в части своей, входящей во втулку, имеют цилиндрическую форму, а в части противоположной форму усеченного конуса, обращенного основанием к верху. В цилиндрической части пробок сделаны надрезы и в них вставлены клинья $в$, $в_1$, $в_{II}$, $в_{III}$. При вбивании пробок в трубки, клинья упираются утолщенной частью в тело жернова A и, по мере дальнейшего забивания пробки, клин входит в тело ее, заклинивая пробку до отказа. Этим приемом пробка $б$ укрепляется во втулке a, которая, как было упомянуто выше, заделана в бетон, причем втулка, как изготовленная из железа, в

отношении прочности соединения с бетоном, должна удовлетворять условиям железо-бетонных конструкций.

В дальнейшем, на приготовленном таким образом основании жернова A укрепляется форма B, имеющая высоту равную, в части выступающей над основанием, толщине рабочего слоя жернова. По укреплении формы, все пространство, занятое ею, за исключением внутренней части жернова, занятой глазом $Г$, заполняется материалом, (цемент Сореля), составляющим рабочий слой жернова. По окончании процесса схватывания, форма отнимается, и на жернов нагоняются обручи.

Пробки $б$, $б_1$, $б_{II}$, $б_{III}$ с втулками $а$, $а_1$, $а_{II}$, $а_{III}$ располагаются на жернове в радиальном направлении и могут составлять на всей площади его несколько рядов, число которых будет зависеть от диаметра жернова.

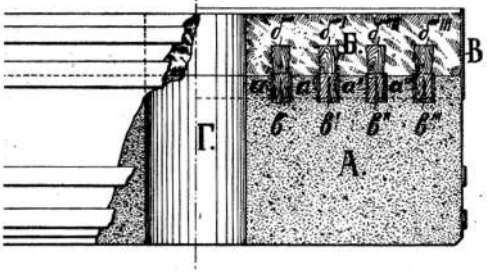
По мере срабатывания молового слоя жернова $Б$ срабатываются также деревянные пробки; когда потребуется возобновить рабочий слой, остатки пробок извлекаются из железных втулок, и новые пробки с клиньями загоняются во втулки. Начальный процесс этой работы показан на фиг. 2.

ПРЕДМЕТ ИЗОБРЕТЕНИЯ.

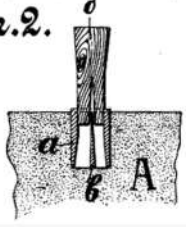
Искусственный двухслойный мельничный жернов, рабочий слой которого изготовлен из цемента Сореля с примесью соответственных материалов, а остальная часть жернова — из обыкновенного цементного бетона, — отличающийся тем, что для лучшей связи обоих слоев применены заделанные в бетон цилиндрические, внутрь конически расширяющиеся, железные втулки $а$, в которые вставлены деревянные пробки, внутренние концы которых расклинены клиньями $в_1$, выступающие же из втулок части пробок, находящиеся в рабочем слое жернова, конически расширены внаружу.

К патенту В.И.ПАНШИНА №217

Фиг.1.



Фиг.2.



разного рода мукомольных мельниц, составленное по превосходнейшим иностранным сочинениям, с дополнением множества сведений, собранных в отечестве нашем», составленное членом-корреспондентом Императорского Вольного Экономического общества, капитаном корпуса горных инженеров Виктором Соколовым, изданное в Санкт-Петербурге в 1851 году, а также «Мукомольное дело. Руководство к устройству мукомольных и крупяных мельниц при конных, ветряных, водяных и паровых двигателях и производство мучных продуктов», составленное инженером-технологом Карлом Вебером, изданное в Санкт-Петербурге в 1883 году). В этих же книгах приводится подробное описание пород, из которых наилучшим образом могут быть изготовлены жернова, указаны самые известные каменоломни России, перечисляются инструменты для обработки жерновов и даны подробные инструкции по их изготовлению.

Жернова являются главной действующей частью мельничного постава, исполняющей самую существенную работу при превращении зерна в муку или крупу. Далеко не каждый камень годится для жернова. Каменная порода должна быть достаточно вязка, не должна крошиться при работе; должна быть твердой, чтобы долго сохранять тот вид, какой ей придали насечкою; быть шероховатою, пористою, ноздреватой, без трещин и других пороков, могущих ослабить прочность жернова. Для производства жерновов лучше всего подходит порфир, гранит, камни кварцевой породы, а также камни вулканического происхождения.

При этом на российских мельницах довольно часто использовались французские, венгерские и немецкие жернова, но были в XIX веке и российские каменоломни, где добывали жерновой камень — в Московской, Оренбургской, Симбирской, Саратовской, Черниговской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Тифлисской губерниях. Из всех наибольшую известность приобрели московские каменоломни, которые добывали камень в пойме Москвы-реки. Жернова из такого камня оплачивались наравне с французскими, а иногда и дороже французских и употреблялись преимущественно для размола пшеницы.

Камни, лежащие на поверхности, считались низшими по качеству, доброкачественность их возрастала вместе с глубиной залегания. Качество камня проверяли на звук — ударяли по нему молотком: если он издавал ясный звук — камень хороший; глухой — камень ненадежный и будет рассыпаться при обработке. Разыскивали камень железными щупами, выламывали пешнями, клиньями и молотами около пуда

РУКОВОДСТВО

КЪ

УСТРОЙСТВУ РАЗНАГО РОДА

МУКОМОЛЬНЫХЪ

МЕЛЬНИЦЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ ПО ПРЕВОСХОДНѢЙШИМЪ ИНОСТРАННЫМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ, СЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ МНОЖЕСТВА СВѢДѢНІЙ, СОБРАННЫХЪ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ НАШЕМЪ.

СОСТАВИЛЪ

Членъ-Корреспондентъ И. В. Экономическаго Общества, Капитанъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ

Викторъ Соколовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

№ 317 206 М 231 123

МУКОМОЛЬНОЕ ДѢЛО.

РУКОВОДСТВО КЪ УСТРОЙСТВУ

МУКОМОЛЬНЫХЪ И КРУПЯНЫХЪ МЕЛЬНИЦЪ

ПРИ

КОННЫХЪ, ВѢТРЯНЫХЪ, ВОДЯНЫХЪ И ПАРОВЫХЪ

ДВИГАТЕЛЯХЪ

И

ПРОИЗВОДСТВО МУЧНЫХЪ ПРОДУКТОВЪ.

Составилъ Инженеръ-Технологъ

К. Веберъ.

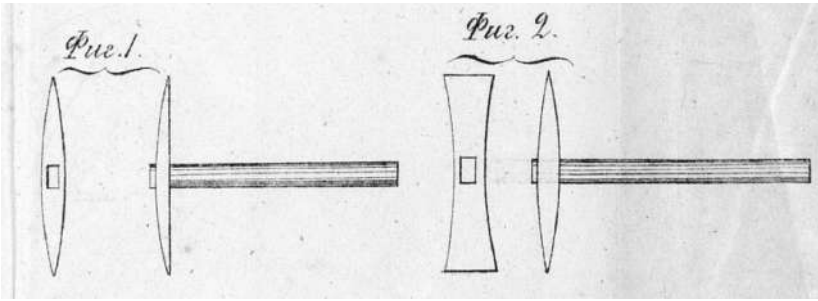
Съ атласомъ, состоящимъ изъ 67 таблицъ, и съ 34 рисунками въ текстѣ.

БИБЛІОТЕКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА 1850

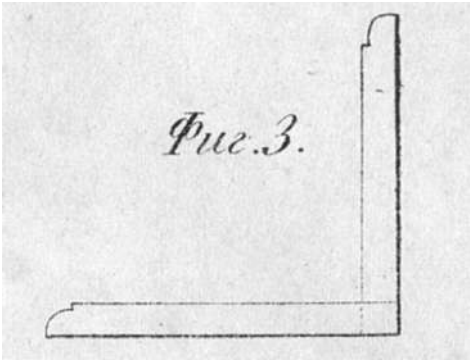
С. Петербургъ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

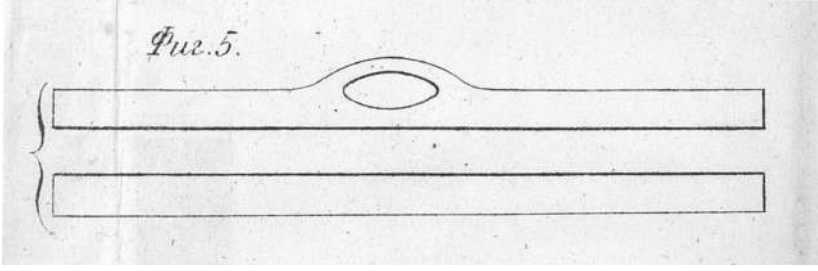
1883.



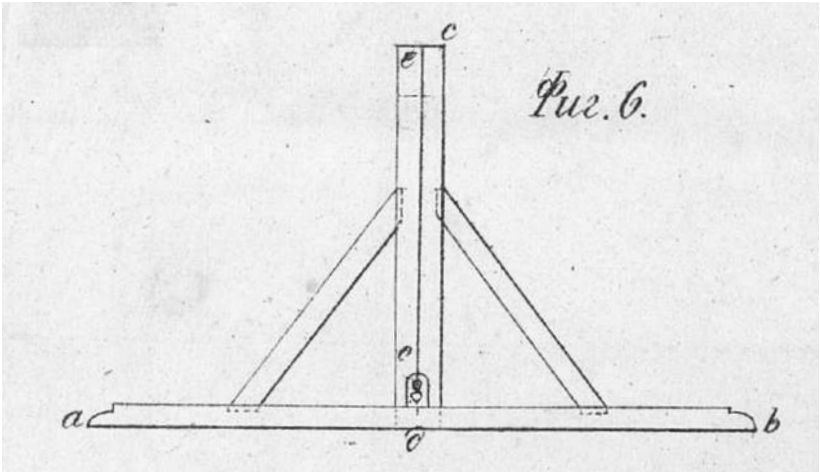
*Кирка имеет сходство с обыкновенной киркой,
используемой каменщиками для обтески камней.
Толщина в середине около одного вершка, длина около 1/2 аршина.
Инструменты эти так просты, что их может отковать каждый кузнец*



*Наугольник состоит
из двух брусков, соединенных
между собою
под прямым углом*



*Ватерпас — инструмент, служащий для приведения жернова
в горизонтальное положение*



Правило — деревянный брусок длиною больше диаметра жернова

весом, затем в нем пробивали бороздку, вколачивая в нее деревянные, а между ними железные клинья, и таким образом разламывали камень на три или четыре жернова и тут же на месте очищали их. Из ямы камни поднимали по бревнам от десяти до пятнадцати человек. Также применяли обработку камня огнем, облегчавшую работу, — но при этом снижалось качество камня: такие жернова долго не служили.

Из каменоломен камни скупали «прасолы», которые доставляли их на ярмарки или склады. Камни перевозили по суше на лошадях, по воде — на баржах. Расстояние перевозки измерялось иногда в сотнях верст.

В самих каменоломнях жернова приготовлялись в грубом виде, окончательная обработка производилась на месте строительства мельницы. Для обработки жерновов использовались специальные инструменты.

Грубую заготовку жернова укладывали на три деревянных обруба и при помощи ватерпаса устанавливали жернов горизонтально. Поверхность жернова расчерчивали на сектора и каждый сектор по отдельности начинали стесывать киркой, сначала остроконечной, а затем плоской. Для проверки правильности обработки плоскости жернова к ней прикладывали правило, нижняя сторона которого намазана краской. Если краска покроет равномерно всю плоскость, то работа проведена правильно. Такие действия повторяли с каждым сектором.

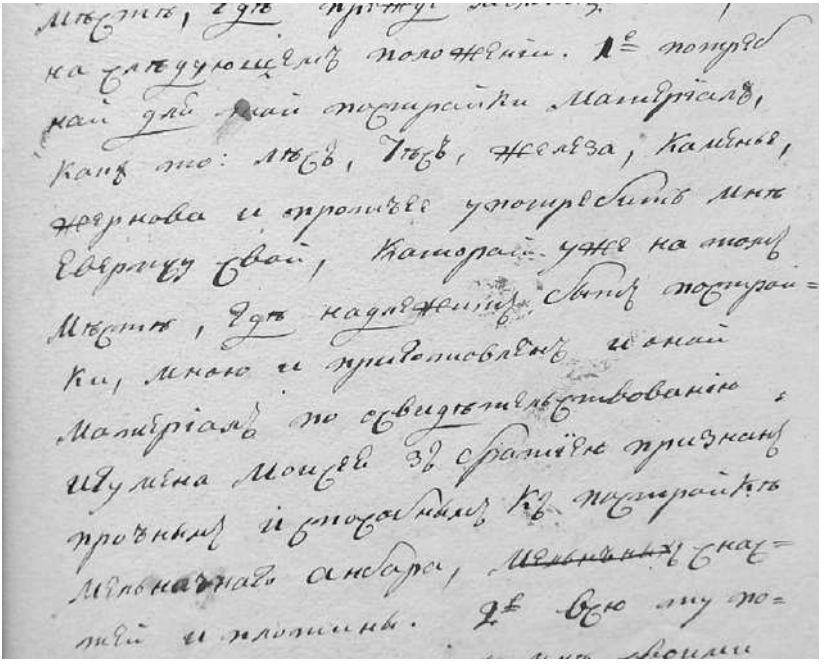
Когда вся плоскость жернова готова, приступали к определению ячейки (глаза жернова) — определяли центр и диаметр. По определенному и очерченному диаметру высекали ячейку до середины толщины камня, и в нее забивали деревянный чурбан. В деревянный чурбан устанавливали кругомер, благодаря которому можно обозначить правильную окружность жернова и приступить к обработке боков. После обработки боков жернова обрабатывали противоположную сторону камня в той же последовательности.

После завершения обработки жерновов устанавливали параплицу (стальной брусок, в лунку которого вставляется ось) и приступали к насечке жерновов — рабочая поверхность жернового камня насекалась бороздками, которые при наложении и вращении жерновов помогали зерну двигаться от центра к краю и измельчаться. Вид и расположение насечек могли быть различными, от частоты их нанесения зависела степень помола. У каждого мельника были свои правила. Количество и размер бороздок зависели от качества камня.

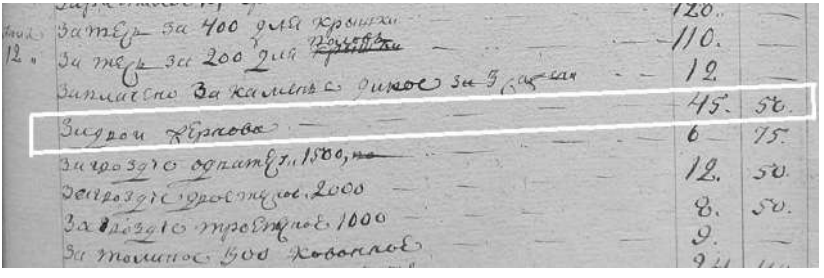
В 1802 году старанием игумена Святогорского монастыря Моисея была восстановлена мельница Святогорского монастыря на реке Луговке в Бугрове. Псковский третьей гильдии купец Иван Фадеев сын Евертс составил смету на строительство с подробной росписью необходимых для этого материалов, в том числе и камней для жерновов. В смете значится «жерновой камень, 2 пары, за работу, по 25 пара, 50 рублей»[2].

В мае 1802 года монастырь заключил два контракта на строительство: с псковичом Евертсом, как руководителем строительства, и крестьянами деревни Подгорье Кирьяном Филипповым и деревни Бугрово Терентием Васильевым — основными исполнителями. По контрактам мастера обязаны были «на отведенном монастырю мельничном месте, состоящем при деревне Букровой, на том самом месте, где прежде мельница была», построить новую мучную мельницу с двумя поставами и сделать к ней плотину. «…Потребный для оной постройки материал, как то лес, тес, железо, каменья, жернова и прочее употребить мне Евертсу свой, который уже на том месте, где надлежит быть постройке, мною и приготовлен и оный материал по свидетельствованию игумена

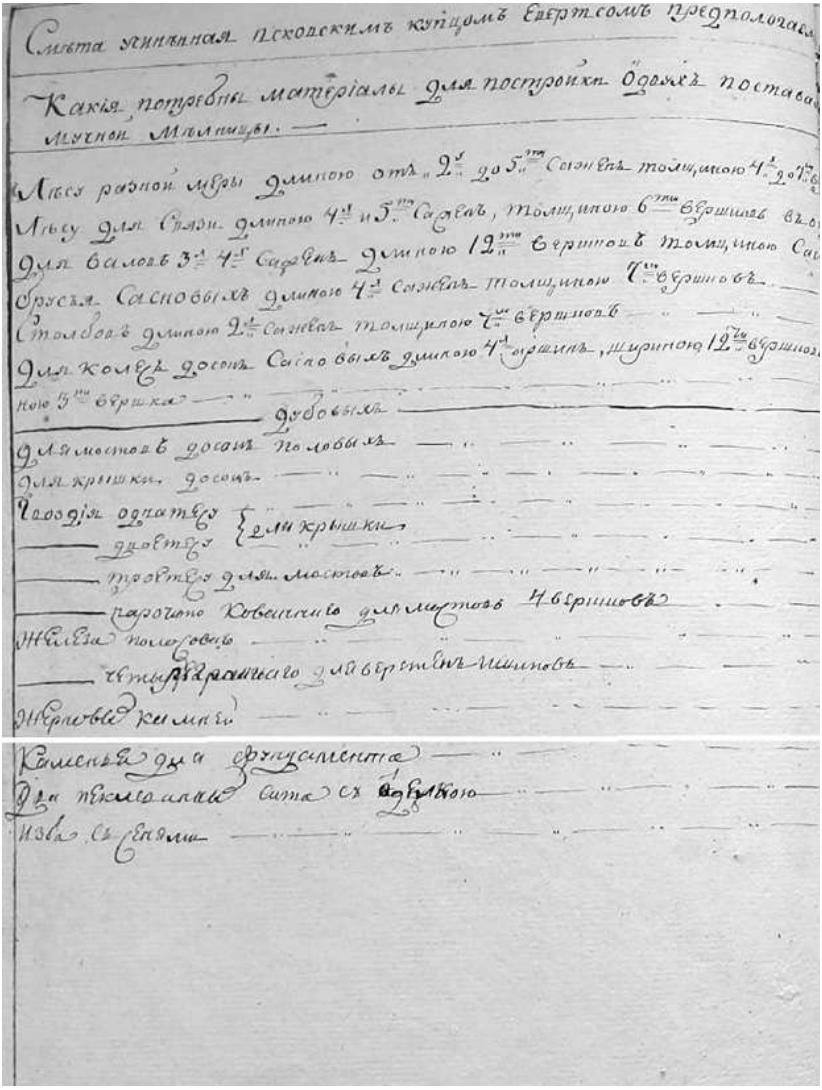
[2] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 329. Оп. 1. Д. 56. Л. 2. Смета, учиненная псковским купцом Евертсом, предполагаемого Святогорского монастыря строению мельницы марта 2 дня 1802 года.



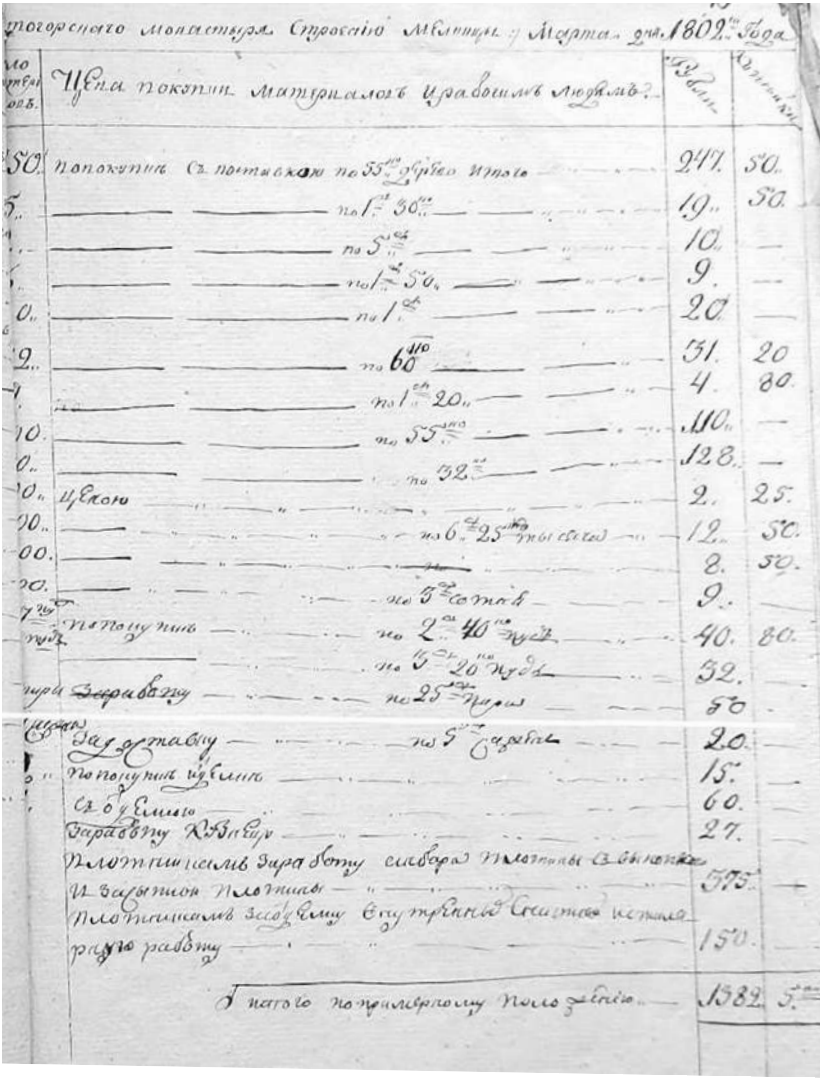
Фрагмент договора Евертса



Фрагмент Ведомости со строкой «за двои жернова»



Смета на строительство мельницы



Святогорского монастыря

Моисея с братиею признан прочным и способным к постройке мельничного анбара…»[3]

В Ведомости на выдачу денег на строительство мельницы среди прочего числятся траты «за двои жернова» — 45 рублей 50 копеек[4].

К осени 1802 года мельница для монастыря была построена. И как видно из документов, на ней были установлены цельнокаменные жернова. Специально для них были приобретены жерновые камни и предусмотрена оплата за их обработку.

Установленные в «Музее-мельнице в деревне Бугрово» жернова из Маслова уже практически полностью исчерпали свой ресурс. Встал вопрос об их замене. Перед сотрудниками музея была поставлена задача найти специалистов по изготовлению нового каменного сердца мельницы.

Одним из самых хороших материалов для изготовления жерновов Карл Вебер считал камни кварцевой породы. Мы остановили свой выбор на малиновом кварците как на самом качественном материале для жерновов. Он обладает рядом неоспоримых преимуществ.

Свойства	Преимущества
Повышенная плотность, прочность	Нет расходников, инструмент не требует ремонта
Высокая устойчивость к истираемости	Камень не истирается. Жернова прослужат долго
Мелкозернистая структура	Структура служит абразивом, образовавшаяся естественным путем пористая фактура обеспечивает бережный помол зерна
Пористая фактура	Работает вся поверхность бегуна и лежняка
Повышенная вязкость	Камень сохраняет целостную структуру, не крошится
Однородность, монолитность камня	Не имеет расслоений и инородных вкраплений

[3] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 16. Контракт на постройку мельницы для Святогорского монастыря.

[4] Там же. Д. 56. Ведомость, учиненная в Святогорском монастыре игуменом Моисеем, сколько именно выдано мельничному мастеру псковскому купцу Ильину Федору сыну Евертсу для постройки оного монастыря новой мучной мельницы в число а[с]сигнован[н]ой в контракте 1 500 руб. суммы за разные материалы и на рабочих людей, о чем явствует под сим: 1802 года.

Новый жернов

Такой материал сейчас добывают в Карелии, в Петрозаводске. Жерновые камни уже заготовлены, идет их обработка. Мы надеемся, что звук нового сердца водяной мельницы мы скоро услышим в Бугрове.

Юрий Конов

ПУШКИНОГОРЦЫ — КАВАЛЕРЫ СОВЕТСКИХ ПОЛКОВОДЧЕСКИХ НАГРАД

Штрихи к военной биографии

Мое короткое сообщение посвящено уроженцам Пушкиногорья в годы Великой Отечественной войны, награжденным «полководческими» орденами Невского, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Суворова. Основным источником по теме стали электронные ресурсы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации — «Подвиг народа», «Память народа» и «Дорога памяти». В них в открытом доступе выложены персональные сведения об участниках Великой Отечественной войны, в том числе о награждениях военного и послевоенного периода.

На прошлых заседаниях круглого стола я познакомил вас с биографиями 14 пушкиногорцев — офицеров Красной армии, награжденных орденом Александра Невского[1]. В ходе работы с вышеназванными ресурсами я нашел сведения еще о двух уроженцах Пушкиногорского края — кавалерах ордена Александра Невского. Таким образом, на сегодня мне известно о 16 советских военнослужащих — кавалерах ордена Александра Невского, связанных с Пушкиногорской землей, а также об одном кавалере ордена Богдана Хмельницкого и двух кавалерах ордена Суворова.

Орден Александра Невского

Николай Иванович Васильев родился 15 декабря 1922 года. Уроженец деревни Волхово (Волхво, Волково) Пушкинского района Калининской области. Перед Великой Отечественной войной проживал в городе Колпино Ленинградской области. Работал на Ижорском заводе. 10 июля 1941 года был направлен в Ленинградскую армию народного ополчения.

[1] См.: *Конов Ю.* Пушкиногорцы — кавалеры советского ордена Александра Невского // Михайловская пушкиниана. Вып. 85. Сельцо Михайловское, 2021. С. 267–273; *Конов Ю.* Пушкиногорцы — кавалеры советского ордена Александра Невского: штрихи к биографии // Михайловская пушкиниана. Вып. 90. Сельцо Михайловское, 2022. С. 91–100.

Участник Великой Отечественной войны на Ленинградском и Волховском фронтах с августа 1941 года. Дважды тяжело ранен в январе 1943 и сентябре 1943 года. Член ВКП(б) с 1943 года.

В годы войны проходил службу в следующих частях: 77-й стрелковый полк 80-й стрелковой дивизии, 6-й офицерский полк резерва офицерского состава Южного фронта. Демобилизован 17 июля 1946 года. Награжден орденом Красной Звезды (2.04.1944), медалью «За оборону Ленинграда».

А.О. Семенов — кавалер ордена Александра Невского

Орденом Александра Невского был награжден 29 апреля 1944 года. Первоначально лейтенант, командир роты стрелковой роты 77-го стрелкового полка 80-й Любанской стрелковой дивизии Васильев представлялся командованием к награждению орденом Кутузова третьей степени. Как отмечалось в приказе, его рота занимала оборону в районе хутора Литвакюла. В ночь на 21 марта 1944 противник силою до двух рот атаковал участок обороны, занимаемый подразделением лейтенанта Васильева. По наступающему врагу был открыт плотный пулеметно-автоматный огонь, затем рота перешла в контратаку. Васильев лично вел за собой роты, продвинулся на 100 метров и закрепился на занятом рубеже. Ротой было уничтожено до двадцати немецких солдат и офицеров, причем Васильев лично огнем автомата и гранатами истребил 12 немцев.

Алексей Осипович Семенов родился 3 марта 1921 года. Уроженец села Тригорское Пушкинского района Калининской области. В Красную армию был призван в сентябре 1939 года Пушкинским райвоенкоматом Калининской области. Участник Великой Отечественной войны с августа 1941 года. Воевал на Северо-Западном, Юго-Западном, Донском Сталинградском, 2-м Украинском фронтах. Был награжден

орденами Красной Звезды (май 1944), Отечественной войны второй степени (6 сентября 1944 года), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги». Алексей Осипович Семенов — участник советско-японской войны 1945 года. Награжден медалью «За победу над Японией». Член ВКП(б) с 1944 года.

На заключительном отрезке войны капитан Семенов занимал должность командира дивизиона 57-го гвардейского минометного Рымникского ордена Александра Невского полка.

Орденом Александра Невского был награжден 6 апреля 1945 года. Весной 1945 года в наступательных действиях на австрийской территории своевременно и четко огнем дивизиона обеспечивал успех в наступлении поддерживаемых частей. «Находясь в боевых порядках наступающих частей, своевременно вызывал огонь дивизиона и подавлял артиллерийские батареи и уничтожал живую силу, обеспечив выполнение поставленной задачи поддерживаемых частей». Например, 5 марта 1945 года в районе Марко, находясь на наблюдательном пункте под артиллерийским и минометным огнем противника, продолжал управлять огнем и личной корректировкой подавил батареи противника, обеспечив успешное наступление поддерживаемых подразделений.

Гвардии майор Семенов был демобилизован из рядов Вооруженных сил в мае 1947 года.

Орден Богдана Хмельницкого

Орденом Богдана Хмельницкого третьей степени был награжден Романов Максим Иванович. Этой награды офицер был удостоен «за смелую инициативу и решительность, проявленные командиром подразделения в боевой операции, обеспечившей нанесение врагу поражения и захват населенного пункта», а также «за личную инициативу, мужество и упорство, проявленные при выполнении боевого задания».

Максим Иванович Романов родился 1 августа 1916 года. Уроженец деревни Зехново Велейского сельсовета Пушкинского района Калининской области. В РККА призван в ноябре 1937 года Красногвардейским ГВК города Ленинграда. Участник Советско-финской войны 1939–1940 годов. Участник Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года в составе 118-й стрелковой дивизии. Лейтенант, командир взвода роты автоматчиков. Член ВКП(б) с 1944 года. С 1942 по сентябрь

1944 года 20 раз ходил в тыл врага, где неоднократно участвовал в боях. За успешное ведение разведки, уничтожение живой силы противника, за мужество и отвагу, проявленную в боях, 26 октября 1944 года награжден орденом Красной Звезды.

Орденом Богдана Хмельницкого третьей степени награжден 16 июня 1945 года. Командир роты автоматчиков старший лейтенант Романов отличился в январских боях в Восточной Пруссии.

М.И. Романов — кавалер ордена Богдана Хмельницкого III степени

21 января 1945 года при прорыве обороны противника юго-западнее города Гольдап его рота первая выбила немцев с занимаемых позиций и при преследовании отходящего противника захватила два 75-миллиметровых орудия. На следующий день нацисты пять раз контратаковали позиции, занятые ротой Романова. Все атаки были отражены. Противник потерял до 30 солдат и офицеров. 28 января 1945 года, действуя смело и решительно, Романов атаковал противника, выбил его с занимаемых позиций и захватил два 76-миллиметровых орудия.

После войны М.И. Романов служил в подвижной железнодорожной автобронетанковой ремонтной мастерской Московского военного округа. Демобилизован 28 мая 1946 года.

Орден Суворова

Орденом Суворова третьей степени был награжден Михаил Тимофеевич Тимофеев.

Михаил Тимофеевич Тимофеев родился 6 ноября 1901 года. Уроженец деревни Быково Пушкиногорского района Калининской области.

М.Т. Тимофеев — кавалер ордена Суворова III степени

В Красной армии с 1920 года. Призван Опочецким РВК. Член ВКП(б) с 1932 года. За годы войны награжден двумя орденами Красного Знамени (31 июня 1943 и 15 января 1944), орденом Отечественной войны первой степени (18 мая 1944), медалями «За оборону Сталинграда» (2 декабря 1942), «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги». В ноябре 1944 года награжден третьим орденом Красного Знамени, 6 ноября 1945 года — орденом Ленина. Трижды ранен.

Кратко остановлюсь на основных фактах биографии Михаила Тимофеева.

В Красной армии с июня 1920 года. С июля 1921 года проходил службу в 6-м батальоне частей особого назначения в городе Пскове. В 1925–1941 годах в органах ОГПУ — НКВД. В 1933 году окончил курсы усовершенствования зенитной артиллерии в Севастополе и в Евпатории (1938). С началом Великой Отечественной войны майор Тимофеев занимал должность начальника ПВО 6-й Армии Юго-Западного фронта. С 7 августа 1941 года по 20 октября 1941 года находился в немецком плену под Уманью, бежал. После проверки органами НКВД назначен начальником артиллерии Саратово-Балашовского дивизионного района ПВО. Затем командир 254-го зенитно-артиллерийского полка Воронежского фронта. В составе Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО полк стоял под Воронежем и выполнял задачи ПВО войск и объектов в границах района.

В действующей армии с апреля 1943 года. Командир 1257-го армейского зенитно-артиллерийского полка. Впоследствии в составе зенитных полков принимает участие в Донбасско-Запорожской, Никопольско-Криворожской, Крымской, Яссо-Кишиневской, Венской, Будапештской,

Пражской наступательных операциях.

Орденом Суворова третьей степени полковник Тимофеев, командир 459-го армейского зенитного артиллерийского полка, был награжден 31 октября 1944 года. Процитирую фрагмент наградного листа: «За время наступательной операции от Ясс до Фокшан на протяжении 300 км руководил боевыми действиями полка. Полк проявил высокую маневренность и подвижность, не имея отставания от передовых частей пехоты и артиллерии 35-го гвардейского стрелкового корпуса». В 1945 году полк успешно действовал при освобождении Плоешти, Клужа, в Будапештской наступательной операции. За успешное выполнение заданий командования полку было присвоено наименование «Клужский», и он был награжден орденами Кутузова II степени и Александра Невского. Михаил Тимофеевич Тимофеев был уволен в запас в июне 1947 года.

Ф.И. Иванов — кавалер ордена Суворова II степени

Орденом Суворова второй степени был награжден Фома Иванович Иванов.

Фома Иванович Иванов родился в 1902 году в деревне Каменец Пушкинского района Калининской области. В Красной армии с 1923 года. Член ВКП(б) с 1926 года. Участник Великой Отечественной войны с июня 1942 года. Награды: орден Красного Знамени (3 ноября 1944), за выполнение специальных заданий на территории Китайской народной республики награжден орденом Ленина (1949).

В годы Великой Отечественной войны полковник Иванов исполнял должность начальника штаба 347-й Мелитопольской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

«За проявленную смелость и решительность, храбрость и правильное руководство штабами и организацию взаимодействия частей и подразделений в ходе прорыва сильно укрепленной обороны противника в районе Турецкого Вала Крымской АССР в апреле 1944 года был награжден орденом Суворова второй степени», — приказ от 5 мая 1944 года.

Приведу подробности боевой работы Фомы Ивановича Иванова, отложившиеся в наградных документах. «В 17.00 8 апреля 1944 года противник подтянул резервы, начал контратаковать наши подразделения. Тов. Иванов, оценив обстановку, своевременно подтянув резервы, руководил ими, проявляя при этом личную храбрость и решительность и разумную инициативу. В результате контратаки немцев были отбиты, и дивизия выполнила свою задачу по прорыву укрепленной обороны противника и овладела сильно укрепленными узлами сопротивления западнее Турецкого Вала и города Армянска».

Вячеслав Терентьев

УКРАИНСКИЕ КАРАТЕЛИ НА ПУШКИНОГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из истории партизанского движения 1943 года

В настоящее время хорошо известно о преступных действиях прибалтийских коллаборационистов на Псковской земле в годы Второй мировой войны[1]. Значительно меньше известны «подвиги» славянских приспешников гитлеровцев на Северо-Западе России. Однако политико-идеологические процессы, продолжающиеся на Украине, в ходе которых пересмотр роли коллаборационистов шагнул даже за пределы прибалтийских оценок, заставляет обратиться к объективным историческим фактам служения части украинцев нацистскому оккупационному режиму и преступным действиям против мирного населения. В современной исторической литературе по вопросу украинских формирований вследствие ангажированности, политизации и обобщенности исследований нередки упрощения, искажения, недомолвки, ошибки и откровенные фальсификации[2].

Украинский коллаборационизм, восхваляемый и героизируемый ныне на Украине, являлся одним из самых массовых и ожесточенных. Общее число украинцев, служивших Гитлеру, приближается к отметке в 250 тысяч человек[3]. Необходимо отметить, что не все они являлись

---

[1] *Литвинов М.Ю., Седунов А.В.* Шпионы и диверсанты. Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. Псков, 2005; *Дюков А.Р.* «Русский должен умереть!» От чего спасла нас Красная армия. М., 2011; Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы международной научной конференции (Псков, 10–11 декабря 2009 года). М., 2010.

[2] Например: *Ермолов И.Г.* Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941–1944 годах. М., 2013. С. 349; *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003. С. 218, 224; *Махно В.* Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. Севастополь, 2009.

[3] *Абдуллаев Н.А.* К вопросу об этническом коллаборационизме в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная война 1941–1945 годов в судьбах народов и регионов. Казань, 2015. С. 150–158.

«идейными борцами с коммунизмом», а представляли собой чаще всего преступников, конформистов и приспособленцев. Многие сознательно шли на службу в коллаборационистские части для последующего перехода на сторону Красной армии и советской власти.

Германские руководители полагали, что украинцами можно легко манипулировать, и, подавая призрачные надежды на самостоятельность, использовать их в интересах Третьего рейха. Многие граждане Украины сейчас идут сражаться с «москалями» за «украинскую идею», «украинские территории», «украинское самосознание», не понимая, что эти идеи сформированы еще гитлеровскими идеологами и позволяют современным руководителям коллективного Запада активно использовать украинцев в качестве «пушечного мяса», а Украину — как арену новой мировой войны.

22 января 1942 года обер-лейтенант Гатцке, выполняя распоряжение командования группы армий «Север», сформировал команду из 86 добровольцев-военнопленных, ранее отобранных и содержавшихся в Dulag100 и Dulag150. На основе отобранного «человеческого материала» была сформирована конная сотня 281-й охранной дивизии, впоследствии развернутая в 281-й украинский конный ост-батальон (Ost-Reiter-Abteilung 281 (Ukrainische)).

Свою первую боевую задачу «украинские казаки» выполняли 11 марта 1942 года, когда из состава роты было выделено 25 человек под командованием обер-лейтенанта Гатцке на охрану моста через реку Иссу на шоссе Остров — Опочка в Пушкинском (далее Пушкиногорском) районе. В 19.30 они приступили к выполнению задачи, а на следующий день были сняты[4].

С 9 апреля 1942 года 281-я конная сотня именуется 281-м конным батальоном, начинает усиление и переформирование по месту своей дислокации в городе Опочке[5].

Коллаборационистские формирования немецкое командование применяло в основном против партизан и мирного населения, ибо боевая ценность таких частей и подразделений была близка к нулю. 281-й батальон действовал в Себежском, Идрицком, Пустошкинском, Красногородском, Опочецком, Кудеверском, Новоржевском и Славковичском районе. Однако в связи с расширением партизанского движения в 1943 году его действия затронули и Пушкиногорский район.

[4] NARA. T-315. R-1872. F. 688.

[5] Ibid. R-1871. F. 1065.

В это время 281-й конный ост-батальон (украинский) состоял из четырех эскадронов, общими силами свыше 600 человек. В каждом эскадроне имелось по три 50-мм миномета, шесть легких, два тяжелых пулемета. 1-й и 2-й эскадроны, сформированные и неоднократно проверенные гитлеровцами, состояли большей частью из националистов и уголовников, ненавидевших советскую власть. 3-й и 4-й в основном были укомплектованы приспособленцами и бывшими красноармейцами, ищущими возможность вернуться к своим. При этом формирование и пополнение 4-го эскадрона шло крайне медленно.

* * *

В апреле 1943 года в Пушкиногорском районе активизировалась калининская партизанская бригада «Баяниста» (Давыдкина). 22–27 апреля ею были проведены несколько ощутимых акций, заставивших развернуть часть карательных сил на Полянский регион, где в основном базировалась бригада «Баяниста». С 26 апреля 1943 года 2-й эскадрон 281-го батальона был выделен и принял участие в антипартизанской операции «Бекас» в районе Пушкинских Гор против бригады «Баяниста». Карательная группа под командованием генерал-майора Хофманна состояла из трех немецких, двух эстонских батальонов, украинского эскадрона, армянской роты, группы GFP и трех танков. Общие силы составили около трех тысяч человек с пушками и минометами. 28 апреля 281-й батальон прибыл в Болгатово и был придан 40-му эстонскому Schuma-батальону. Конечным пунктом наступления через Наумовский лес была деревня Молчаново (2 км юго-западнее Полян)[6]. В этот день партизаны уже знали о начале карательной операции и с боями вышли из района Богданово — Красково в Поляне, Котово, Пашки. К 1 мая они ушли в район Велья, оторвавшись от преследователей, а крупные карательные силы после прочесывания Наумовского леса вышли в Пушкинские Горы без результата[7].

[6] NARA. T-315. R-1872. F. 69-75; R-1875. F. 694.

[7] Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 479. Оп. 1. Д. 587. Л. 28–29; Оп. 3. Д. 942. Л. 25–26; NARA. T-315. R-1872. F. 75; R-1875. F. 692.

* * *

Через полтора месяца, с 10 по 21 июня под воздействием крупной карательной операции 3-я Ленинградская партизанская бригада А.В. Германа совершала рейд по Новоржевскому, Опочецкому и Пушкиногорскому районам. Бригада вырвалась из очередного карательного кольца, была ослаблена, один из полков остался в Славковичском районе.

В ночь с 16 на 17 июня 3-я бригада совершила 27-километровый переход из деревни Смешово Опочецкого района к хуторам Наумовские Пушкиногорского района (6 км юго-западнее Полян). 17 июня бригада находилась на отдыхе в Наумовском лесу. Вечером в направлении реки Великой были высланы несколько разведывательных групп. Разведка 17-го отряда выбила из Утреток местный отряд полицаев, а бригадная разведка заняла Бурцево. В ночь на 18 июня вся бригада перешла в Приезжево (4 км северо-восточнее Захина). Вперед был выдвинут 3-й полк Д.В. Худякова. Его отряды заняли Бурцево и Смердюгино. 15-й отряд Журавлева выдвинулся на Пашки для обеспечения фланга. Вслед за 3-м вышел 4-й полк Г.И. Ефимова, недавно сформированный из местных жителей, включая пушкиногорцев. 35-й отряд П.А. Горячева из 40 вооруженных партизан расположился в Глухове, а более 100 человек без оружия ушли в Подколенки. 2-й полк Г.А. Ярославцева со штабом бригады занял район дислокации Приезжево — Якушево[8].

Рано утром 18 июня на уничтожение 3-й бригады немецким командованием был направлен отряд из эйнзац-команды SD и 705-й группы GFP (более 450 человек с артиллерией из состава 640-го полевого запасного полка) с тремя приданными танками из Опочки. Утром каратели атаковали Утретки, где находилось боевое охранение (разведка) партизан. Немцы развернули артиллерию и открыли огонь по Утреткам, Токареву и Голубятне. Разведчики покинули деревню, но немцы продолжали обстрел. Загорелась церковь и несколько домов в Токареве и Голубятне. 281-й украинский конный ост-батальон (около 300 человек с минометами), следовавший по следам 3-й бригады, по требованию немецкого командира при поддержке минометов атаковал разведку партизан на станции Вощагино. Украинскими минометами были подожжены

[8] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-116 (л). Оп. 1–2. Д. 1591. Л. 87 об.; Д. 1662. Л. 54–56.

деревянные пакгаузы. Разведчики отошли в Якушево. Коллаборационисты попытались преследовать их, но попали под огонь 19-го отряда Я.П. Сухомлина (около 100 чел.). Несмотря на численное преимущество, украинцы отступили за железнодорожную насыпь у станции.

В это время из Опочки в Утретки прибыли основные силы карателей. С севера, из Пушкинских Гор, на Пашки и Вощагино выдвинулась усиленная сводная рота 107-го охранного полка. На помощь украинскому батальону из-под Кудевери был направлен батальон 344-го гренадерского полка из состава отдыхающей 223-й пехотной дивизии. В 12.00 в деревнях Бурцево и Смердюгино 3-й партизанский полк (около 160 человек) был атакован немецким моторизованным отрядом SD и GFP при поддержке танка. У деревни Глухово вместе с 3-м полком вступил бой отряд новобранцев Горячева. В ходе трехчасового боя каратели были разбиты, потеряли (по сведениям партизан) около 85 человек и отошли. Потери партизан составили: один контужен, двое дезертировали. Оставив небольшой заслон из полицаев и жандармов, ударный отряд карателей выдвинулся на помощь украинцам. В 22.00 3-й и 4-й полки снялись с позиций и ушли за главными силами бригады[9].

В 15.00 у деревни Котово, на железной дороге, при проведении разведки 15-м партизанским отрядом Журавлева был обнаружен и взят в плен украинский пост из четырех человек. Разведчики также захватили трофеи — четыре винтовки и пять дисков к ручному пулемету[10]. Уничтожение поста и активность партизанской разведки в Пашках задержали сводную роту немецкого охранного полка, выдвигавшуюся из Пушкинских Гор. Пленные сообщили партизанскому командованию о дислокации и планах карателей, в результате чего 3-й и 4-й полки смогли беспрепятственно пройти между карательными подразделениями через Старыгино и Бакино и ночью соединиться с главными силами бригады в Араповском лесу.

С началом карательной операции 2-й партизанский полк занял оборону в районе дислокации. В 13.00 в районе Якушево — Приезжево немецкая мотопехота и украинцы, общими силами до 350 человек, атаковали 2-й партизанский полк Ярославцева. После артиллерийского и минометного обстрела конница и мотопехота карателей вступили в бой с 19-м отрядом Я.П. Сухомлина (около 90 человек) и в ходе

[9] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116(л). Оп. 1–1. Д. 506. Л. 85 об., 86 об.

[10] Там же. Л. 83 об.

трехчасового боя заняли деревню Якушево. Около полудня в деревне Приезжево в бой с прорвавшимися карателями вступил штабной отряд бригады под командованием Гудкова. В этот момент 25-й отряд Г.В. Быкова (около 80 человек) контратаковал Якушево из деревни Жуково и отбросил немцев и украинцев к Минькову. В ходе контратаки были подбиты и брошены один миномет и два станковых пулемета украинского батальона[11]. Немецкое командование на помощь разбитым украинцам вызвало основной отряд SD и GFP. Он около 15.00 атаковал деревню Шиботово, которую оборонял 17-й отряд Т.Н. Овсянникова (около 90 человек). Германская артиллерия и минометы открыли огонь по Якушеву и Приезжеву. Часть домов загорелась[12]. Партизаны вместе с местными жителями тушили дома. 17-й отряд в ходе трехчасового боя отразил нападение карателей, заставив их отступить в Зубакино и Утретки. В бою за Шиботово погиб молодой пушкиногорский партизан Василий Иванович Иванов 1923 г. р. из деревни Поповня (сейчас Михново). До 22.00 немцы обстреливали деревни. В ходе сражения потери врага, по данным партизан, составили более 250 человек, два станковых и три ручных пулемета, один миномет, свои потери — семеро убитых, 22 раненых[13]. В немецких сводках собственные потери отсутствуют, указано, что они будут представлены позже, отдельным донесением. Сообщается только о сильной «банде», перед полномасштабной атакой которой оккупационные части вынуждены были отступать за железнодорожную насыпь, чтобы там ждать подкрепления[14]. Разбитый партизанами 281-й конный ост-батальон (украинский) получил приказ фельд-коменданта Опочки генерал-майора Скултетуса остановить партизан и на рассвете атаковать Якушево и Шиботово с юга, от Минькова. Но ночью партизаны 3-й бригады ушли в Араповский бор и Федосеевский лес (Извоз — Позолотино — Милавино — Синицыно).

На следующее утро, когда прибыли дополнительные силы — гренадерский батальон, гитлеровцы вошли в полусожженные деревни. Отвлекающая партизанская группа демонстративно прорвалась из кольца через посты карателей на север, на Старыгино и Котово (18 км южнее Пушкинских Гор). Утром украинские каратели дожгли деревни Якушево и Жуково вместе с оставшимися в них жителями и двинулись за пар-

[11] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 (л). Оп. 1–2. Д. 1605. Л. 69–70.

[12] Там же. Д. 1665. Л. 44–47.

[13] Там же. Оп. 1–1. Д. 506. Л. 84–86 об.

[14] NARA. T-315. R-1875. F. 626.

тизанами на север. По воспоминаниям старожилов, деревни Приезжево и Шиботово, куда вошли части немецкого учебного полка, остались нетронутыми, в отличии от Якушева и Жукова, где орудовали украинцы. Навстречу 281-му батальону из Пашков выдвинулась сводная рота 107-го полка. Но отвлекающий партизанский отряд скрытно, по болотам и полевым дорогам ушел через Величково и соединился с главными силами бригады. 281-й батальон по распоряжению Скултетуса в течение дня искал 3-ю партизанскую бригаду, которая в это время спокойно отдыхала, восстанавливала силы и получала боеприпасы. Вечером украинцы обнаружили расположение бригады в Араповском бору у деревни Плотниково по советским бомбардировщикам, сбрасывающим оружие и боеприпасы партизанам. К вечеру 281-й батальон расположился в 2 км от Позолотино — в деревне Острие[15]. Расположение партизан было дополнительно подтверждено германской авиаразведкой.

В ночь на 20 июня украинцы прибыли в деревню Позолотино, где предполагали встать на ночлег, но в 2.00 были атакованы партизанской группой Андреева из 3-го полка, которая находилась здесь в боевом охранении. В ходе боя, по данным партизан, было уничтожено 38 коллаборационистов, захвачены станковые пулеметы MG34 и Škoda M/13, чехословацкий ручной пулемет MG26(t), 10 винтовок и более двух тысяч патронов. На рассвете украинских карателей из деревни Марково атаковал еще и 21-й отряд Пупышева, уничтожив, по его сведениям, до 40 врагов. Украинцы ушли в Острие, где заняли оборону и в течение дня партизан не тревожили. Лишь вечером, около 19.00 район дислокации бригады обстрелял немецкий самолет-разведчик[16].

По немецкому донесению, украинцы попытались напасть на партизан, но наткнулись на мощное огневое сопротивление, после чего отошли в Позолотино, где заняли оборону и ограничились наблюдением за партизанским лагерем. Своим донесением украинцы жестоко подставили сводную учебно-запасную роту 107-го полка, которая из Пушкинских Гор выдвинулась на помощь 281-му батальону. Немцы, полагая по донесению, что Позолотино занято украинцами, по дороге из Пустыньки на Позолотино попали в засаду ленинградских партизан. В ходе боя каратели потеряли четверых убитыми и семерых ранеными. В это же время эйнзатцкоманда SD попыталась обойти 3-ю бригаду

[15] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 (л). Оп. 1–2. Д. 1591. Л. 88; NARA. T-315. R-1875. F. 625.

[16] Там же. Оп. 1–1. Д. 506. Л. 86; Оп. 1–2. Д. 1591. Л. 88; Там же.

по шоссе Опочка — Новоржев и зайти на Извоз с тыла. Наткнувшись в районе Жуковского кладбища на партизанский разъезд, каратели расстреляли двух партизан, захватив одного пленного и четырех лошадей. Эти происшествия заставили немецкое командование снять отдыхающий в Новоржеве батальон 425-го гренадерского полка и использовать его в антипартизанской операции против 3-й Ленинградской бригады. Батальон встал ротными гарнизонами по шоссе Новоржев — Опочка: Дубровы, Пришвино, Жадрицы, Щербово[17].

В ночь на 21 июня партизаны А.В. Германа ушли из Федосеевского бора на север, в район Дорохово — Пальчихино, где в 3.00 с помощью местного населения форсировали реку Сороть. Украинские кавалеристы (около 250 человек с минометами) в 5.00 выдвинулись на Араповский бор. Но у деревни Милавино они были обстреляны из засады прикрывающим 19-м отрядом Сухомлина (около 80 человек). Экспедиция гитлеровцев была сорвана, что позволило 3-й партизанской бригаде оторваться от противника и без преследования уйти за реку Сороть, в район Крюково — Усадище. В ходе двухчасового боя, по данным партизан, было уничтожено 25 карателей, свои потери составили троих легкораненых[18]. Задержав преследователей, отряд Сухомлина скрытно снялся с позиций и убыл за главными силами бригады. Сильно потрепанный в боях 281-й украинский батальон после безуспешных поисков был возвращен в Кудеверь.

* * *

В начале августа оккупанты ввели систему расстановки блок-постов. На основании этого расписания 4-й эскадрон 281-го батальона был направлен в Захино, для поддержки немецкого гарнизона в деревне Белки по охране шоссейного моста через реку Великую[19]. До октября украинский эскадрон дислоцировался в Захине, на турбинном заводе (МТС). Утретская церковь была частично отремонтирована и использовалась гитлеровцами как наблюдательный пост.

С 16 августа 1943 года 281-й украинский батальон принял участие в антипартизанской операции «Taunus» по уничтожению 3-й и 4-й Ленинградских партизанских бригад. Опергруппа Вальдт-

[17] NARA. T-315. R-1875. F. 623-624.

[18] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 (л). Оп. 1–1. Д. 506. Л. 84 об.

[19] NARA. T-315. R-1874. F. 75.

хаузена (командир 281-го батальона) была переброшена в Алтун, откуда развернулась для блокирования района по южному берегу Сороти от Селиванова до Песечка. На этот раз в боевых действиях украинцы группы Вальдтхаузена не участвовали: это был самый спокойный участок — партизаны ушли на север.

Известно, что после этой операции большинство деревень в Зарецком крае были сожжены карателями. Сожженная деревня Деванисова лежала в секторе ответственности украинского батальона.

23 августа тремя советскими диверсантами из 4-й партизанской бригады у деревни Круплеватка в 4 км западнее Вече был захвачен командирский автомобиль 281-го украинского батальона. Командир батальона риттмейстер фон Вальдтхаузен и его водитель были ранены, но сумели спастись[20].

* * *

1–2 сентября группа Вальдтхаузена вновь привлекалась для операции против 3-й бригады А.В. Германа. Она располагалась в районе Крюково — Усадище. Генерал-майор Стокхаузен лично разработал и 1 сентября ввел в действие антипартизанскую операцию, которая осталась без названия. Для операции, особенностью которой стало применение радиопеленгаторов, было привлечено свыше 10 тысяч человек. Опергруппа Войцелла в составе пяти батальонов, артиллерийского дивизиона и множества мелких подразделений развернулась в Пушкинских Горах и Вреве. Крупные отряды находились в районе Креневка — Батово и Выбор — Соболицы. На этот раз 281-й батальон участвовал в операции в составе штаба, 1-го и 2-го эскадронов, и был подчинен командиру 3-го самокатного полка оберсту Войцелла. С началом операции группа Вальдтхаузена была вновь сосредоточена в Алтуне для развертывания по Сороти от Дьякова до Песечка[21].

В ночь на 1 сентября 3-я Ленинградская бригада внезапно перешла в район Тучи — Хернева Гора. 2-й полк Г.А. Ярославцева был выдвинут вперед, на участок Никулино — Кашино. Здесь немцами была запеленгована радиостанция 2-го полка. Гитлеровское

[20] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 (л). Оп. 1–1. Д. 531. Л. 7 об.; NARA. T-315. R-1874. F. 328.

[21] NARA. T-315. R-1874. F. 65, 81–84, 90, 315.

командование решило, что в деревне Никулино находится штаб всей бригады, и утром 2 сентября бросило сюда батальон 368-го гренадерского полка. Одновременно разведка 281-го украинского батальона попыталась форсировать Сороть у деревни Кашино. Украинцы были накрыты пулеметным огнем боевого охранения полка Ярославцева и бежали в Петровский бор. Вдоль Сороти на Кашино выдвинулась рота 368-го полка, а артиллерийский дивизион 207-го артполка (12 105-мм гаубиц) открыл огонь по деревне. Партизаны отошли, а деревни Кашино и Рябы были уничтожены зажигательными снарядами. В это время гитлеровцы атаковали деревню Никулино. Партизаны до 19 часов сдерживали противника, пока остальные отряды бригады собирались в Херневой Горе, чтобы отходить на север, в Славковичский район. Потери, которые понес украинский батальон, штаб группы Войцелла не считал, только «арийцев». Когда основные силы карателей двинулись на Херневу Гору, украинцы были брошены на «зачистку» остатков Кашина. По немецкому донесению, в деревне обнаружено и расстреляно до десятка партизан. С учетом отхода партизан и отсутствия у них потерь это были репрессии против мирных жителей.

* * *

27 сентября 1943 года в Захине в 4-м эскадроне 281-го украинского ост-батальона приводилось к присяге 240 человек — бывших военнопленных украинцев. 60 человек отказались принимать присягу. 47 из них были разоружены и арестованы, а 13 украинцев с оружием сбежали и пополнили ряды советских партизан[22]. 3 октября, после очередного бегства из армянского батальона, пришел приказ группы армий «Север» — вывести армянский и украинский батальоны из состава дивизии и развернуть на другом театре военных действий[23]. Сразу после этого приказа, 4 октября, в Захине вновь произошел мятеж. 50 украинцев 4-го эскадрона были разоружены, арестованы и доставлены в лагерь заключенных в Опочку[24].

9 октября 1943 года на основании распоряжения Главного командования сухопутных сил вермахта 281-й конный ост-батальон (украинский) был направлен в распоряжение главного командующего

[22] Генерал Власов… С. 595.

[23] NARA. T-315. R-1874. F. 277.

[24] Ibid. F. 276.

«Запад». Батальон 11 октября был погружен в Острове в эшелон и направлен в Бретань[25].

При взвешенном исследовательском подходе можно видеть иную картину, нежели представлена в одиозных советской или современной ревизионистской литературе. В начале своего существования 281-й украинский батальон оправдал надежды гитлеровцев и активно участвовал в антипартизанских акциях. Однако с расширением «добровольческого» набора он стал использоваться пленными красноармейцами как способ перейти к партизанам, на сторону советской власти. На протяжении 1942–1943 годов украинский батальон действовал на территории современной Псковской области и показал себя в двух диаметрально противоположных ипостасях. С одной стороны, украинские националисты, люто ненавидящие советскую власть и всё русское, вымещали свою классовую и национальную злость на псковских обывателях, выжигая мирные деревни с жителями под предлогом борьбы с партизанами. Основное антисоветское ядро составляли около 280 человек первых наборов. Как показывает их французская «командировка», это были военные преступники, убийцы, садисты, равнодушно уничтожавшие мирное население, независимо от этнического происхождения[26]. С другой стороны — батальон трижды сменил состав своих подразделений из-за удачных и неудачных попыток перехода коллаборационистов на сторону партизан. Около двух сотен украинцев пополнили ряды Ленинградских и Калининских партизанских бригад, еще больше оказались расстреляны своими соратниками или возвращены в лагеря. К осени 1943 года батальон оказался настолько ненадежен, что применять его по назначению стало небезопасным. Для сохранения части германское командование перебросило его на Западный фронт — во Францию.

Украинские каратели, которых сейчас героизируют нацисты на Украине, оставили кровавый след во всех районах центральной Псковщины. Они уничтожили около 30 деревень, более 150 домов, до 200 мирных жителей, включая деревни Якушево, Жуково, Старыгино, Деванисово, станцию Вощагино.

---

[25] NARA. T-315. R-1874. F. 60, 265.

[26] *Терентьев В.О.* Украинские коллаборационисты на защите интересов нацистской Германии (на примере деятельности 281-го кавалерийского батальона во Франции в 1943–1945 годах) // Великая Отечественная. XX век. Люди и судьбы: Слепухинские чтения — 2020: труды Международной научной конференции. СПб., 2022. С. 202–220.

Анатолий Филимонов

ОТ ШКОЛЫ В МОНАСТЫРЕ — К СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Из истории школьного образования в Пушкинских Горах в 1920– 1930-е годы

Развитие школьного образования в довоенные годы распадается на два больших этапа. Первый период (1918 — начало 1930-х годов) связан с коренной ломкой прежних форм организации обучения и воспитания учащихся и созданием новых на основе «Положения о единой трудовой школе» (1918). Во второй период, начавшийся принятием серии постановлений Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о школе в начале 1930-х годов, после нескольких лет «революционной романтики» в значительной степени произошел возврат к прежней структуре школьного образования.

На первом этапе система образования была представлена школами I ступени (для детей 8–13 лет) и II ступени (повышенного типа) — 14–18 лет, с одновременным упразднением привычных для школы понятий: урок, класс, учитель, директор (вместо них применялись названия «занятие», «группа», «школьный работник», «заведующий»). Поскольку «Положение…» 1918 года предусматривало не просто создание новой советской школы, но к тому же еще и «трудовой», где обучение должно тесно увязываться с общественно-полезным трудом, то наряду с обычными школами I и II ступени стали появляться школы рабочей или крестьянской молодежи (ШРМ и ШКМ).

Целью настоящего сообщения является показ основных проблем и процессов, происходивших в школьном образовании на этих этапах, на примере поселка Пушкинские Горы. Построено оно на немногочисленных архивных документах и сообщениях периодической печати. Обращение к теме в значительной степени мотивировано состоявшимся в январе 2022 года празднованием 95-летия Пушкиногорской средней школы, которая, если верить этому «юбилею», ведет свою историю с 1927 года.

Указанная дата, однако, сразу же вызвала сомнение. Во-первых, многие школы после 1917 года создавались на базе дореволюционных путем реорганизации последних, хотя функции их оставались

прежними, и не секрет, что ряд нынешних школ ведут отсчет своей истории от старых земских, министерских школ, гимназий и пр. Так вот, в Святых Горах уже с 1875 года действовало двухклассное министерское училище, а в 1885 году в дополнение к нему открылась и церковно-приходская школа[1]. Судьба почти всех церковно-приходских школ после революции оказывалась, как правило, одинаковой: они закрывались, хотя здания их могли использоваться для вновь создаваемых школ. А вот Святогорское министерское училище вполне могло явиться базой для организации школы I, а затем и II ступени, но это предположение нуждается в документальном подтверждении, которое пока что обнаружить не удалось. Тут же появляется второй момент, заставляющий усомниться в дате открытия школы в Пушкинских Горах в 1927 году: неужели волостной центр в течение десяти послереволюционных лет вообще не имел школы?! Ведь в то время они открывались в массовом порядке, и не только в крупных селениях, но и в небольших деревнях, и Пушкинские Горы не могли остаться в стороне от этого процесса. Обращение же к архивным документам позволяет и уточнить время открытия школы, и выявить некоторые подробности ее функционирования.

Не исключено, повторимся, что школа I ступени могла начать свою работу вскоре после революции, а затем она была реорганизована во II ступень, и произошло это никак не позже 1923 года. Подтверждением тому является следующий факт: уже 8 января 1924 года отдел народного образования Опочецкого уезда запрашивал оперпункт ОГПУ о возможности «оказать ему содействие в получении помещения Святогорского монастыря для школы второй ступени, т. к. таковое в ближайшие годы предполагается расширить»[2]. Значит, к тому времени школа уже существовала! Псковский губисполком на основании представленных из уезда ходатайств 9 апреля 1924 года принял решение закрыть монастырь и обратился во ВЦИК с просьбой санкционировать его. Последний эту просьбу отклонил[3], но, как оказалось, ненадолго: в сентябре того же, 1924, года монастырь был закрыт. В том же месяце прошли торжества в память 100-летия ссылки А.С. Пушкина

[1] *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд и прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 2004. С. 138, 142.

[2] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 86. Л. 522.

[3] Там же. Д. 152. Л. 15–17.

в Михайловское и 125-летия со дня рождения поэта, после чего был поставлен вопрос о преобразовании действующей в помещениях монастыря школы II ступени в ШКМ.

На время празднования занятия в школе были прерваны, а уже 15 сентября бюро Пушкинского волисполкома решило «ходатайствовать перед Центром о возобновлении занятий в старых помещениях школы II ступени — для увековечения памяти А.С. Пушкина». Выступавшие на заседании высказали предложение, что «лучше вместо той школы, где учится большинство нетрудового элемента, открыть доступную беднейшему крестьянству ШКМ». Вскоре после этого Опочецкий уисполком принял постановление: «ШКМ открыть в Пушкинских Горах к началу нового учебного года на месте существующей школы II ступени им. Пушкина, в случае отказа Наркомпроса взять на свое содержание школу II ступени. Все нужные для ШКМ постройки бывшего монастыря (жилые, хозяйственные, надворные) и подворье передать в распоряжение ОНО. Хозяйство при школе организовать с таким расчетом, чтобы оно служило агрономическим, показательным пунктом для населения»[4].

Преобразование школы II ступени в ШКМ произошло в том же 1924 году[5]. Довольно целостное представление о ней дает ее обследование, проведенное в 1926 году. Школа, как и предполагалось, работала в помещениях бывшего Святогорского монастыря, где помимо нее размещались и другие учреждения. Поэтому, как отмечалось в акте обследования, помещение школы «очень тесное и требует капитального ремонта. Было отпущено на ремонт 1 тыс. руб., но они куда-то делись — сняты с бюджета», и Пушкинский волисполком в целях расширения школы постановил к 1 мая 1926 года «постройки монастыря, занятые торговыми организациями, передать школе». В этом случае и при условии проведения ремонта помещений школе хватало.

В школе в то время обучались 66 человек (49 мальчиков и 17 девочек) в возрасте от 13 до 20 лет, в основном дети крестьян. Они были разделены на две группы (36 и 30 человек), в 1926/27 учебном году предполагалось открыть третью группу и довести в результате число обучающихся до 105 человек. В течение учебного года восемь

[4] Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 5713. Оп. 1. Д. 326. Л. 178; Д. 344. Л. 111.

[5] Псковский набат. 21.05.1927.

учеников выбыли — главным образом по причине материальной необеспеченности.

Вместе с заведующим в школе работали четыре преподавателя. Заведующий школой Александр Андреевич Двинский, кандидат в члены ВКП(б), человек с достаточно низким образованием (сам еще не окончил школу II ступени) и работавший здесь с момента организации школы (педагогический стаж три года), он же преподаватель обществоведения, вел и канцелярию; другими преподавателями-предметниками были учителя русского языка, математики и естествознания. В штате школы имелся агроном, который одновременно являлся и завхозом, а единственным техническим работником была кухарка. Все хозяйственные работы выполнялись учащимися. Школа находилась на уездном бюджете и финансировалась далеко недостаточно. Так, на питание учащихся отпускалось средств из расчета 4 рубля на ученика в месяц (всего 3 168 руб.), что было явно мало; на обмундирование выделено 815 рублей, на которые можно было одеть лишь 17 человек, не получавших никакой одежды в течение двух лет. Школе отпустили шесть кубометров дров, что для отопления 20 печей, бани, подогрева воды для стирки и ежедневной выпечки трех пудов хлеба тоже недоставало. Большим подспорьем в этих условиях являлось хозяйство школы.

В распоряжении школы имелось 19 десятин пахотной земли, одна десятина сенокоса, 1,75 десятины сада, полдесятины огорода, три лошади, восемь коров, три свиньи, двое телят, восемь кур, из инвентаря — косилка, жнейка, молотилка (неисправная), плуги, бороны, веялки. В 1925 году было собрано 350 пудов ржи (с 4,5 десятины), 100 пудов ячменя (с трех десятин), 100 пудов овса (с четырех десятин), 450 пудов картофеля (с полутора десятин), а также овощи, яблоки, лен, 486 ведер молока, от свиноматок — семь поросят. Продукты поступали не только на питание учащихся: вырученные от продажи их средства использовались для ремонта построек. Весной 1925 года в хозяйстве стал внедряться многопольный севооборот, а осенью школа участвовала в выставке. Для обслуживания окрестного населения ею был организован зерноочистительный обоз, занимавшийся сортировкой семян.

В школе действовало самоуправление: во главе стоял школьный совет, в состав которого входили представители советских и общественных организаций, во главе самоуправления учащихся — школьный комитет, создавший комиссии — хозяйственно-трудовую, культурно-

просветительную, санитарную и товарищеский суд. В среде учащихся было 34 комсомольца и 16 пионеров[6].

Члены комиссии, проводившие обследование школы, в то же время отметили, что «программа переуплотнена, особенно для первого года, метод занятий — звеньевая лабораторная проработка — тяжеловата для первой группы. Специальных учебников не имеется, приходится пользоваться различными материалами, что осложняет работу. Каждая беседа увязывается с прошлой беседой, с текущими событиями… Знания учащихся удовлетворительные, школа принимает активное участие в общественной работе, в культурном отношении обслуживает пять деревень»… И как вывод: «Работа школы вполне удовлетворительная, состав преподавателей в данное время соответствует тем целям и задачам, которые стоят перед школой»[7].

О результатах обследования докладывалось 26 мая 1926 года на заседании бюро Опочецкого укома ВКП(б) (докладчиками выступали заведующий школой А.А. Двинский и члены комиссии), который отметил «общее улучшение работы школы», но одновременно наметил и ряд мер помощи ей: «добиться в кратчайшие сроки расширения помещения школы за счет передачи помещения призывного пункта, обратить внимание на проведение ремонта помещений, в первую очередь — столовой, мастерских, общежития», а поскольку «отпущенные суммы по бюджету не дают возможности провести необходимый ремонт, просить губисполком об отпуске дополнительно 4 тыс. руб.», для обеспечения топливом «отвести для школы соответствующую площадь торфоразработок», а «исходя из большого количества поданных заявлений, добиваться включения в бюджет 1927/28 года о создании параллельных групп»[8].

Таким образом, в момент обследования это была не просто школа, а настоящий самоуправляющийся учебно-хозяйственный механизм. О ней писала в 1927 году и псковская губернская газета:

«В бывшем Святогорском монастыре ныне работает ШКМ имени поэта. При школе имеются случной и зерноочистительный пункты. Школа имеет два фруктовых сада, достаточное количество рабочего и продуктивного скота, все нужные сельскохозяйственные машины, молоко-обрабатывающий пункт. На 20 дес. земли ведется правильное 10-польное хозяйство. На трех ликпунктах учащимися школы обучается

[6] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 479. Л. 128–130.

[7] Там же. Д. 491. Л. 10.

[8] Там же. Д. 532. Л. 96, 97.

свыше 60 неграмотных. Школой организованы коневодное товарищество и торфяное, организуются машинное и молотильное. Имеются в начальной стадии мастерские — швейная, столярная, кузнечная, начата организация завода первичной обработки льна. Главная трудность — недостаток помещений. Есть ряд постановлений о передаче школе здания бывшего собора, ныне занятого пунктом допризывной подготовки»[9].

В январе 1927 года Пушкинский Заповедник инициировал проведение ряда мероприятий в ознаменование 90-летия со дня смерти А.С. Пушкина, и Опочецкий уисполком, приняв это предложение, рекомендовал 8 февраля организовать «постановку докладов, инсценировок и устройство спектаклей на тему дня», а «в целях увековечения памяти народного поэта А.С. Пушкина» поручил УОНО «проработать вопрос об открытии соответствующей школы или культурно-просветительного учреждения в Пушкинских Горах»[10]. Из указанного постановления, впрочем, неясно, что имелось в виду под «открытием соответствующей школы»: то ли речь шла о строительстве в перспективе новой школы, то ли о присвоении имени поэта уже действующей (из приведенного выше сообщения газеты «Псковский набат» следует, что ШКМ уже носила имя А.С. Пушкина). Но именно эта дата, скорее всего, и была взята в качестве отправной, послужив основанием вести историю школы с 1927 года.

Школа в те годы сталкивалась с рядом проблем и трудностей, главным образом материального характера, но отнюдь не была обделена вниманием различных властных структур и общественных организаций, которые с завидным постоянством проводили ее проверки и обследования, регулярно заслушивали доклады заведующего школой и руководства УОНО. Так, 3 марта 1927 года вопрос «о проверке выполнения постановлений губкома в Пушкинской ШКМ» рассмотрел губком ВЛКСМ. Он отметил, что «ранее вынесенные решения школой в большинстве выполнены», констатировал «значительный рост авторитета и популярности школы среди крестьянского населения, как следствие улучшений в хозяйственном и учебном отношении и развернутой ею общественно-практической работы». Губком комсомола также заметил, что «небольшая часть населения в местечке Пушкинские Горы, не занимающаяся сельским хозяйством, вместе с отдельными членами партии

[9] Псковский набат. 21.07.1927.

[10] ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1917. Л. 9.

выдвигает вопрос о восстановлении в Пушкинских Горах с целью увековечения памяти поэта А.С. Пушкина ранее существовавшей школы II ступени, реорганизованной в ШКМ имени поэта» (вот что имелось в виду в январе 1927 года, когда говорилось об «открытии соответствующей школы»!). Но, «учитывая отсутствие в данном крестьянском районе условий для работы школы II ступени», он посчитал предлагаемую реорганизацию нецелесообразной[11].

В целом неплохие результаты в работе школы были достигнуты во многом стараниями ее заведующего А.А. Двинского (1902 г. р., из крестьян), к 1927 году получившего образование в объеме школы II ступени и успешно прошедшего двухгодичный кандидатский стаж. В марте 1927 года бюро укома партии постановило «перевести его в члены ВКП(б) как вполне выявленного и политически подготовленного товарища, сумевшего проявить себя на общественной культпросветработе и как активного работника»[12].

На 1927/28 учебный год на содержание школы было отпущено 11 043 руб. 32 коп, обучалось в то время в ней более 90 детей (77 юношей и 17 девушек): батраков — 19, бедняков — 31, середняков — 38, воспитанников детских домов — 4; из них 51 был комсомольцем, 22 — пионерами. В 1927 году была дополнительно открыта третья старшая группа, расширено помещение под интернат, приобретен инвентарь — рядовая сеялка, конные грабли, молотилка, локомобиль, сепаратор, а также лошадь, три коровы, три свиньи, некоторые учебные пособия, школа помогла организовать в близлежащих деревнях три торфяных товарищества, в пяти деревнях учителя и старшие ученики вели работу по обучению грамоте взрослого населения и допризывников, при школе имелись случной и зерноочистительный пункты, в пяти деревнях при ее содействии крестьяне перешли на улучшенное землепользование. Но «школа не вмещала всех желающих, — подчеркивалось в одной из справок, — число таковых постоянно возрастает, желательно открыть параллельные классы, что вызовет увеличение расходов…»[13]

24 мая 1927 года Опочецкий уисполком в очередной раз заслушал доклад УОНО о состоянии Пушкинской ШКМ, отметил «значительные сдвиги в общественной работе школы (организацию торфяных товариществ, зерноочистительного и случного пунктов, а также участие

[11] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 284. Л. 28.

[12] Там же. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 535. Л. 58.

[13] Там же. Д. 533. Л. 134.

в повышении местных деревень в культурном отношении)» и рекомендовал «взять линию на закрепление данных достижений и углубление работы ШКМ в этой области». Уисполком в то же время посчитал, что «педагогическая работа не вполне удовлетворяет запросы школы», поэтому предложил «УОНО пересмотреть педагогический персонал школы в сторону замены его более квалифицированным или путем переподготовки имеющегося», а «при укомплектовании школы в настоящем учебном году обратить особое внимание на вовлечение в школу девушек-крестьянок». По-прежнему немалое место в жизни школы занимало ее подсобное хозяйство, для «повышения доходности которого и правильного культурного ведения его» предлагалось совместно с УЗУ составить производственный план, помочь приобрести дополнительный сельхозинвентарь. Поскольку наиболее острой проблемой для школы оставался недостаток учебных площадей, то уисполком постановил передать ей «расположенное вблизи монастыря здание (церковь), а УОНО проработать вопрос о приспособлении данного помещения под школу с расчетом подготовки его для школьных занятий к 1928/29 учебному году». Пушкинскому волисполкому уисполком предлагал «немедленно подыскать для учебного пункта другое помещение на месте в Пушкинских Горах или в районе Пушкинской волости и приступить к оборудованию его под учебный пункт». Следовательно, речь шла о расширении учебных площадей для школы опять же в монастырских помещениях, а под «расположенной вблизи монастыря церковью» подразумевалась, по-видимому, Пятницкая церковь, которая, однако еще в течение ряда лет оставалась действующей, и школе она так и не досталась. Требовали капитального ремонта и другие помещения школы — общежитие, кухня и другие, но уисполком изыскать необходимые для этого средства не мог, поэтому обратился с просьбой о выделении 4 тыс. руб. в губисполком[14].

Школа, однако, планируемых дополнительных площадей не получила — более того, в мае 1927 года ее потеснила открытая здесь же, в бывшем монастыре, экскурсионная станция[15]. Как следует из доклада о состоянии школы на заседании Опочецкого уисполкома и из различных справок, уже тогда особое внимание власти обращали на социальный состав учащихся и «общественно-политическое» лицо педагогов,

[14] ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1917. Л. 68–69.

[15] Псковский набат. 19.07.1927.

а спустя короткое время была начата и «чистка» педагогического состава, и очищение школы от «чуждого элемента» среди учеников. Правда, в ноябре 1927 года Пушкинский волисполком решил было «помочь» школе в обзаведении дополнительными площадями: около исторических ворот бывшего монастыря, через которые посетители обычно входили на его территорию, он разрешил возвести школьную кузницу. Но как только слухи об этом дошли до Общества друзей Пушкинского Заповедника, оно сразу же воспротивилось этому. «Общество, заинтересованное в сохранении, насколько возможно, в неприкосновенном виде отдельных исторических мест, связанных с именем Пушкина», просило Пушкинский волисполком «не возводить около исторических ворот никаких построек, т. к. всякая постройка, а тем более кузница, нарушит общий вид исторического места и может потребовать изменения и самих ворот, не говоря уже о их разрушении». «Общество надеется, — писал заместитель его председателя, член-корреспондент АН СССР Б.Л. Модзалевский, — что как волисполком, так и школа крестьянской молодежи пойдут навстречу просьбе Общества и сумеют найти другое место для постройки кузницы». К решению вопроса подключился и Псковский окрисполком, 9 февраля 1928 года сообщивший Главнауке, что «постановлением Пушкинского райисполкома от 16 декабря 1927 года предложено школе крестьянской молодежи в срочном порядке кузницу, находящуюся вблизи могилы А.С. Пушкина, перенести в другое место»[16].

А в январе 1928 года Псковский окружком ВЛКСМ решил проанализировать результаты первых выпусков ШКМ округа: прошло три года со времени первого приема, и требовалось подвести какие-то итоги. К этому времени губерния в качестве самостоятельной административной единицы уже перестала существовать, и из 12 ШКМ, действовавших на ее территории, в Псковском округе их осталось всего четыре, в том числе и Пушкинская. В ней к концу 1927 года, т. е. после трех лет обучения, числилось 112 учеников (в первой группе 54, во второй 47, в третьей 21), в том числе 98 юношей и 21 девушка (членов ВЛКСМ — 48, пионеров — 37), а по социальному положению: батраков — 28, бедняков — 40, середняков — 50). В момент же организации ШКМ в 1924 году в первую группу было принято 29 человек, из которых успешно окончили школу в 1927 году только 16 человек, остальные по

[16] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 250. Л. 42, 47.

разным причинам (поступили в другие учебные заведения, перешли в школы других волостей, отсеялись) выбыли. После окончания школы пять человек остались работать в своем хозяйстве, четверо были призваны на военную службу, двое приняты на советскую работу, поступили для продолжения учебы в учебные заведения — четверо. Осенью 1927 года прошел очередной набор: из 75 подавших заявления было зачислено всего 40, т. е. почти каждый второй[17]. Таким образом, школа еще не могла обеспечить безотказный прием всех желающих: и всеобуч в стране еще окончательно введен не был, и имеющиеся учебные площади не позволяли. Но всё больше становилось ясным, что Пушкинские Горы, ставшие в 1927 году центром самостоятельного района, нуждаются в новом просторном школьном здании, отвечающим всем требованиям учебно-воспитательного процесса.

В январе 1930 года было проведено новое обследование Пушкинской ШКМ. «Пушкинский район является районом сплошной коллективизации, но она идет с напряжением — только 5% хозяйств объединено в колхозы, — заметила окружная комиссия. — Классовая борьба принимает всё более обнаженные формы, усилилась работа церковников… Особую активность проявляет молодой пушкинский поп Гаврилов (бывший педтехникумовец), распространяющий слухи, что он бывший комсомолец и борется за веру». 10 учащихся проживали на частных квартирах, и «среди них не проводится работы, не изучаются условия жизни». А между тем, подчеркнула комиссия, «через них может идти влияние враждебной идеологии. Живут они в так называемой «Каштановой слободе» на квартирах у богомолок, в той же слободе живет и новый поп (религиозный активист)… В этой обстановке к школе должны быть предъявлены новые требования в области выявления ее классового лица…»

В начале 1930 года в Пушкинской ШКМ обучались 115 учащихся (89 мальчиков и 26 девочек), по-прежнему в основном дети крестьян (из них 27 человек — члены ВЛКСМ). Помещение школы плохо отапливалось: в спальнях и классах температура не превышала 5–8 градусов. Питание учащихся тоже оставляло желать лучшего: раз в сутки они получали обед, а по утрам и вечерам — лишь чай с хлебом и без сахара.

Но комиссию беспокоило прежде всего не материальное положение учащихся. На этот раз, в отличие от ревизий предыдущих лет,

[17] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 65. Л. 11–13.

она особое внимание обратила на состав педагогических кадров: «Зав. школой Шляпкин — член ВЛКСМ; преподаватель естествоведения Григорьев — член ВЛКСМ, с работой справляется; Благовещенский — обществовед, сын священника, беспартийный, с работой как педагог справляется, хотя свою работу недостаточно увязывает с общественно-практической работой. В вопросах пролетарской морали нет четкой марксистской установки. Общественной работы ведет мало. Филимонова — преподаватель родного языка, бывшая крестьянка, окончила техникум и годичные курсы учителей ШКМ, работает вполне удовлетворительно, активна в общественной работе. Нехотин — агроном, специалист хороший, знания по сельскому хозяйству вполне достаточные, в общественной работе участия пока не проявил, перегружен технической работой по учхозу (счетоводство и денежные суммы). Филимонова чрезмерно загружена общественной работой: председатель ячейки ОДН, секретарь ячейки СВБ, секретарь райсовета СВБ, член ревкомиссии МОПР, инструктор и руководитель по ликбезу, член секции РКИ при райисполкоме, воспитатель первой группы, участвует в кампаниях. Кроме нее сильно загружены Шляпкин и Харизаменова. Шляпкин по кампаниям 60% времени проводит вне школы. Перегруженность учителей не дает им возможности заниматься самообразовательной работой. Преподавательский состав в основном молодой, достаточным опытом не обладает…»

С 20 ноября 1929 года школа целиком перешла на обучение по активно-плановой системе (Дальтон-план), но ощущался острый недостаток пособий и литературы: на три группы учащихся имелось всего шесть книг по обществоведению, на две группы — восемь хрестоматий по русскому языку[18].

В том же 1930 году Псковский окружком ВЛКСМ провел обследование комсомольской ячейки школы, сделав суровые политические выводы. Пушкинскому райкому комсомола в качестве серьезной политической ошибки на вид ставилось то, что он примирился «с наличием в ячейке ШКМ детей лишенцев и зажиточных» и «своевременно не реагировал на допущенные искривления классовой линии в работе школы со стороны заведующего школой (комсомольца, члена бюро райкома) Шляпкина Иосифа», а «имевшиеся в составе членов ячейки ШКМ три члена РК ВЛКСМ не обеспечили проведение в работе ячей-

[18] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 821. Оп. 1. Д. 36. Л. 20–22.

ки и школы четкой политической линии», что привело «к ослаблению классовой бдительности комсомольцев ячейки и полному влиянию на школу чуждых элементов, выразившемуся в массовом недовольстве и требовании преждевременного роспуска школы на каникулы с 10 января, а не 20-го (период «святок») и удлинении срока каникул с 10 до 15 дней»[19].

Это были, по существу, последние обследования школы, работавшей в бывших монастырских помещениях, т. к. ко времени их в школьном образовании поселка происходили существенные перемены. В мае 1928 года Пушкинский райисполком принял постановление об открытии в Пушкинских Горах школы-семилетки[20], а менее чем через год, 16 марта 1929 года, — о строительстве нового школьного здания. «Принимая во внимание, что постройка школы в Пушкинских Горах необходима, т. к. зданий для школьного помещения не имеется», он признал целесообразным строительство ее «рядом с усадьбой гр. Шабохина Ивана в сторону станции Тригорская». На постройку школы было ассигновано первоначально 30 тыс. руб., в то время как всего требовалось не менее 127 тыс. руб. И тогда райисполком, посчитав, что «школа может быть использована и для экскурсантов, посещающих уголок Пушкина», решил обратиться за помощью дополнительными средствами в Главнауку[21].

Возведение здания началось в том же 1929 году, и в начале лета «Псковский набат» писал: «На проселке между Пушкинскими Горами и станцией Тригорской весной этого года застучали топоры, поднялся строительный гам. По соседству с местами, где покоится прах великого поэта, всё громче и громче заявляет о себе молодая советская жизнь: строится школа I ступени имени А.С. Пушкина по проекту инженера Жлудова… Строящаяся школа — исключение не только для нашего округа; такого типа школа впервые строится в СССР. Здание возводится кирпичное, двухэтажное. От старых деревянных школ эта будет отличаться исключительным благоустройством: электричество, водопровод, паровое отопление… Этого нет и во многих городских школах. Особые комнаты будут отведены в школе под вечерние занятия по приобретению трудовых навыков, под местный краеведческий музей, библиотеку, столовую, рекреационный зал. Постройка здания

[19] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 2497. Оп. 1. Д. 132. Л. 26.

[20] Псковский набат. 19.05.1928.

[21] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 161. Л. 45 об.

обойдется в 100 000 руб. ОкрОНО в этом году отпустил 33 000 руб., 5 000 руб. ассигновала экскурсионная база, 15 тыс. руб. дали крестьяне, самообложившись на несколько лет вперед. В самое последнее время президент Академии наук т. Карпинский возбудил в охрано-плановом управлении Наркомпроса вопрос о срочном субсидировании постройки на недостающую сумму. Президент озабочен тем, чтобы школа была закончена постройкой еще в нынешнем строительном сезоне, а на будущее лето в ней могла обосноваться экскурсионная база»[22].

Осенью 1929 года «Псковский набат» вновь писал: «Бурный темп строительства преобразил поселок до неузнаваемости», — имея в виду строительство не только новой двухэтажной кирпичной школы, но и ветеринарной больницы, зерноочистительного и льнотрепального пунктов, артезианского колодца и др.[23] Строительство здания школы имени Пушкина завершилось в сжатые сроки — летом 1930 года[24], и она, наконец, перебралась из монастыря в типовое благоустроенное помещение.

Ввод в эксплуатацию нового школьного здания совпал по времени с масштабной реформой школы начала 1930-х годов, в результате которой вернулись отмененные после революции традиционные и проверенные опытом формы организации учебно-воспитательной работы, многие предметы, и была создана новая структура школьного образования в виде начальной, семилетней (неполной средней) и средней школы. Главной в деятельности школы становилась учебно-воспитательная работа, а не хозяйственная, практиковавшаяся в 1920-е годы. Школа имени А.С. Пушкина стала вначале семилетней, а затем и «образцовой средней». Однако «политическая линия» в школьном образовании ничуть не ослабла. Наоборот, в обстановке утвердившегося в стране тоталитарного режима она стала еще более жесткой. Об этом, например, свидетельствуют выводы комиссии, обследовавшей среднюю школу в преддверии очередного учебного года летом 1935-го.

«Белое трехэтажное здание, окаймленное живописной природой, — вот наружный вид Пушкинской образцовой средней школы, — писала в связи с этим районная газета. — Внутри — 13 уютных светлых классов, неплохо оборудованы кабинеты, достаточное количество учебников и письменных принадлежностей. Из 19 преподавателей

[22] Псковский набат. 9.06.1929.

[23] Псковский набат. 23.11.1929.

[24] Псковский колхозник. 8.09.1930.

10 имеют высшее образование, 5 — среднее и 4 — неоконченное среднее; 3 члена ВКП(б) и два комсомольца. При этих условиях школа могла бы иметь большие возможности…» А далее шли уже выводы критического содержания: «Зав. школой Баженкин и завуч Николаева абсолютно не чувствуют за собой ответственности за состояние школы. Бесхозяйственность, нехватка и пропажа имущества и учебных пособий. Учебный год школа закончила с позорным показателем: процент успеваемости — 72,4%. Не интересовались они и составом педагогов. Пользуясь притуплением политической бдительности, в школу проникли классово чуждые элементы. Сын священника Лебедев и его жена (дочь крупного кулака-лишенца) работали в Федковской школе, школу развалили, но вместо ответственности их устроили в среднюю школу и обеспечили всеми удобствами. Вольготно чувствуют себя в школе дочь купца Рудина и дочь священника Цветкова. Директор школы Баженкин сейчас с работы снят, надо до начала учебного года проверить всех педагогов, заменить классово-чуждых»[25]. Вскоре директором школы был назначен И. Гоголь[26].

«Проверки» и «чистки» учительского персонала прошли, и вследствие этого школа начала 1935/36 учебный год с неукомплектованным штатом педагогов. Даже через месяц после начала учебного года не хватало пяти учителей, а остальные работали с большой перегрузкой: у некоторых она доходила до 40 часов в неделю. Совсем не велись в 14 классах уроки географии, немецкого языка и рисования. «РОНО, очищая педагогический состав школы от чуждых, своевременно не задумывалось об укомплектовании», — заметила районная газета. Оказались перегруженными и классы: в двух из них обучалось по 58 учащихся вместо 35 по норме; ощущалась нехватка учебников, методической литературы, дров. Всего в школе было 18 классов, а классных комнат имелось лишь 13, поэтому занятия приходилось проводить в две смены[27].

С целью разгрузки здания средней школы уже с 1935 года в Пушкинских Горах возводилась новая двухэтажная начальная школа на 280 учащихся — третья в поселке, которую ввели в эксплуатацию к 15 августа 1936 года. Помимо нее действовала и неполная средняя школа имени Горького (директор И. Алмазов, затем А.И. Доричев),

[25] Пушкинский колхозник. 10.08.1935.

[26] Там же.

[27] Пушкинский колхозник. 5.10.1935.

находившаяся на пересечении Пушкинской и Советской улиц, напротив Дома Советов. В начале 1936/37 учебного года в средней школе имени Пушкина обучались 390 учащихся, в неполной средней и начальной — 638 (из них в начальной — 403). Таким образом, в школах районного центра обучалось в общей сложности более 1 000 учащихся[28]. Существенно расширился охват обучением детей школьного возраста и в районе: в 1935/36 учебном году в школах района обучались 6 127 детей. Многие школы были сильно перегружены, а часть детей вовсе не охвачена обучением. В 1936/37 учебном году количество обучавшихся увеличилось до 6 570 человек: в 43-х начальных школах района учились 3 311 детей, девяти неполных средних — 3 036, и в единственной средней школе — 403. Штат педагогов в районе достигал численности до 200 человек, около 60 из которых повышали свою квалификацию, обучаясь на заочных отделениях пединститутов. В следующем, 1937/38 учебном году в средней школе имени Пушкина обучались уже около 500 детей, а в неполной средней школе райцентра — около 700. В 1937 году средняя школа сделала свой первый выпуск. Второй выпуск в 1938 году составил 20 человек, из которых семеро выпускников окончили школу с отличием по всем предметам. На четкой и слаженной работе школы сказывалась частая смена ее директоров, каковыми в конце 1930-х годов были Бакута, В.Г. Павлов, Григорьев. Из учителей средней школы можно назвать преподавателя литературы Б.С. Майзелис, математики — И.Ф. Усанова[29].

К концу 1939/40 учебного года в районе действовали одна средняя школа, 10 неполных средних и 42 начальных, в которых обучались 6 510 учеников и работали 206 учителей (с высшим образованием 65, со средним 141)[30].

В декабре 1935 года в переоборудованном помещении слесарной мастерской Пушкинской средней школы начала работать Детская техническая станция, где в свободное от учебы время учащиеся, объединенные в кружки, могли заниматься изобретательством и моделизмом. Станция, руководимая педагогом Харловым, была открыта с 9 часов утра до 10 часов вечера. Главным направлением ее деятельности являлся авиамоделизм. Уже в апреле 1936 года, в преддверии X съезда ВЛКСМ,

[28] Пушкинский колхозник. 20.06.1936, 14.09.1936; 3.10.1938.

[29] Пушкинский колхозник. 15, 17 и 20.10.1936, 5.12.1936; 30.07.1937, 30.09.1937; 2.07.1938; 11.12.1940.

[30] Пушкинский колхозник. 1.05.1940.

кружковцы изготовили летающую модель самолета, успешно прошедшую испытания. В январе 1937 года ими был построен трехместный буер, прошедший испытания на Каменецком озере, а также новые лыжные сани, двигатель и дирижабль[31].

С октября 1936 года в средней школе работал литературный кружок, участники которого занялись изучением жизни и творчества А.С. Пушкина. Всего в кружке занимались 40 учащихся, с учениками старших классов работала Б.С. Майзелис, младших — Ф.Е. Зайцева[32]. В летний период 1937 года в помещении средней школы была организована база юных туристов, и 25 июня сюда прибыли первые 75 учеников школ Москвы и Ленинграда, премированных за хорошую учебу поездкой в пушкинские места. Группа пробыла здесь неделю, а уже 30 июня приехала новая. База действовала в помещении школы до 25 августа, и за всё время она приняла и обслужила около 600 детей. Летом 1938 года детская турбаза открылась при неполной средней школе имени Горького, здесь же с 25 декабря 1938 года РОНО открыл школу взрослых с первыми — третьими классами (в 1939 году добавился четвертый класс), где обучались 68 человек[33].

Но при всём этом постоянно продолжались разговоры о «вредительстве», засоренности школ «классово чуждыми» и т. п.

«До настоящего времени лишь говорили о вредительстве по линии народного образования, — подчеркивал в докладной записке Опочецкому окружкому ВКП(б) некто Яблоков (январь 1938). — Порученные мне материалы для расследования по Пушкинскому району вскрыли такую картину, что руки вредителей приложили к этому району не в меньшей степени, чем в Локнянском и Красногородском районах.

Успеваемость учащихся по школам района за истекший учебный год была на последнем месте по всей Калининской области — 82%.

Вся учебная массово-политическая работа в школах района развалена. Свободное время не было организовано, и, как результат, среди учащихся было много выступлений, не совместимых с работой советской школы, а иногда и явно контрреволюционных.

В Пушкинской средней школе, которая находится рядом с РК ВКП(б) и РОНО, дело с воспитательной работой обстоит скверно. В прошлом году учащийся этой школы украл фотоаппарат.

[31] Пушкинский колхозник. 17.12.1935; 10.04.1936, 21.05.1936; 11.01.1937.

[32] Пушкинский колхозник. 14.02.1937.

[33] Пушкинский колхозник. 6.07.1937; 21.07.1938, 21.12.1938; 17.01.1940.

Из кабинета химии пропал спирт. Были драки между учащимися этой школы и НСШ. В текущем учебном году двое учащихся стащили по литру водки на вокзале во время загрузки, но это заметили рабочие и водку у ребят отобрали.

По вине завуча Усанова 25.XI учащиеся отказались отвечать уроки учителям, т. к. завуч сказал ребятам, что они могут в выходной день не готовить уроки. Идут в коллективе склоки.

В средней школе допущена к работе Кондрашева, которая оказалась женой контрреволюционера, осужденного к выселению из Ленинграда в связи с убийством Кирова.

Комсомольская организация школы работает слабо: она выросла за год с 30 до 70 чел., а работы с беспартийными нет.

В Пушкинской НСШ работает преподавателем математики Анопченко, который еще в прошлом году приказом Великолукского ОкрОНО был снят с работы как рвач и допустивший грубые извращения в работе с отстающими. Он организовал платную репетиторскую группу из учащихся перед испытаниями, и ребята платили по 16–20 руб. В октябрьские дни из класса Анопченко пропали 7 портретов, а через несколько дней два из них нашли в кустах, остальные так и пропали. Жена Анопченко в прошлом году сорвала начало учебного года — в течение 8 дней не вышла на работу без уважительных причин и была заменена другой учительницей. А в текущем учебном году зав. РОНО Долотова назначила ее завучем НСШ. Директором этой школы состоит преподаватель физики Алмазов — сын попа…»[34]

Почти одновременно с составлением этой докладной записки началась травля подозреваемых и в печати. «Враги народа, орудовавшие в Пушкинском районе, сделали всё от них зависящее, чтобы развалить дело народного образования, — писала опочецкая окружная газета «На страже границы». — Последовательно вредительская линия проводилась и в комплектовании преподавательских кадров, и в строительстве школьных зданий, и в функционировании школ…»[35] Когда же выяснилось, что большинство обвинений оказались надуманными, на второй Опочецкой окружной партконференции секретарь Пушкиногорского РК ВКП(б) Соловьев отмечал: «Окружная газета «На страже границы» оклеветала на своих страницах много честных людей не-

[34] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 177. Л. 20–21.

[35] На страже границы. 3.01.1938.

заслуженно. В частности, 23 учителям нашего района были наклеены ярлыки пособников врагов народа, тогда как на самом деле они этого не заслуживали»[36].

В таких условиях приходилось трудиться учителям в трудные и противоречивые 1930-е годы. Но большинство из них проявляли беспредельную преданность делу, сеяли «разумное, доброе, вечное», обеспечили переход ко всеобщему начальному образованию детей, а затем начали реализовывать программу перехода к всеобщему семилетнему обучению.

Из всего вышеизложенного следует вывод, что историю средней школы имени А.С. Пушкина с учетом всех преобразований и реорганизаций можно и нужно начинать не с 1927 года, а вести ее отсчет с более раннего времени. Несмотря на неоднократные изменения уровня и статуса школы, она неизменно выполняла одни и те же функции: давала образование и воспитание подрастающему поколению.

[36] На страже границы. 9.06.1938.

Вера Тиханова

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ИВАНОВА — ПЕДАГОГ-НАСТАВНИК, ОРГАНИЗАТОР И ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ВЕЛЕЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статую красит вид, а человека — деяния его.

Пифагор Самосский

История страны складывается из истории городов, сел, поселков, деревень, в которых живут люди, а они своими делами и замыслами творят историю.

С богатой историей села Велье и его окрестностей можно ознакомиться в Велейском краеведческом музее. В этом году музей отмечает шестидесятилетний юбилей. Инициатором и создателем музея была Надежда Николаевна Иванова.

Она родилась 17 июня 1925 года в деревне Росляки Велейской волости. Дедушка Надежды Николаевны, Иван Иванович Столяров, был хорошим столяром. Рамы в доме купцов Крестовских сделаны его руками. Велейский купец Петр Иванович Крестовский высоко ценил Ивана Ивановича как мастера и помогал его семье.

В двадцатых годах семья переехала в Велье. Отец Надежды Николаевны, Николай Никитич Ефимов, был председателем сельсовета. Мать, Мария Ивановна Ефимова, работала в колхозе «Смена». Была награждена нагрудным знаком «Лучший льновод».

Когда началась Великая Отечественная война, семья эвакуировалась в деревню Песчанка Красноярского края. Николай Никитич ушел на фронт. Воевал на Ленинградском фронте. Войну завершил в Японии. Старший брат Надежды Николаевны — Павел Николаевич Ефимов — был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную армию в 1939 году. Активный участник Великой Отечественной войны с начала и до конца. В Сталинградской битве сражался с врагом в 62-й армии генерала Чуйкова, был ранен. При освобождении Чехословакии лично Людвиг Свобода вручил ему Чехословацкий крест. Павел Николаевич дошел до Берлина. После капитуляции фашистской Германии служил военным атташе в ГДР. Позже продолжал служить в советских войсках

на Кавказе, в Даугавпилсе и в Минске в должности командира роты, батальона. Последняя воинская должность — начальник боевой подготовки ПВО Белорусского военного округа. Выйдя в отставку в звании полковника, проживал в Минске. Умер в 1984 году[1].

После Великой Отечественной войны семья вернулась в Велье, Надежда Николаевна окончила семь классов Велейской школы, затем Пушкиногорскую среднюю школу. После школы Надежда Николаевна выбрала для себя профессию учителя. В 1947 году она окончила Печорское педагогическое училище, затем — факультет естествознания Псковского педагогического института имени С.М. Кирова по специальности «учитель биологии».

Н.Н. Иванова вернулась в Велье. Так как места учителя в школе не было, она работала воспитателем в Велейском детском доме. Детский дом был организован вскоре после освобождения села от фашистов в начале 1945 года. В нем воспитывались дети фронтовиков, инвалидов войны и дети, потерявшие родителей.

Воспитатели, взявшие на себя материнские обязанности, находили силы, чтобы создать детям условия для нормальной жизни, учебы и отдыха. Они прекрасно понимали, что только теплом и лаской можно растопить сердца ребят. Своей заботой о детях, терпением и выдержкой женщины-воспитатели поддерживали в коллективе семейную обстановку и здоровый микроклимат, чтобы дети побыстрее освободились от тяжелых воспоминаний. И Надежда Николаевна вместе с другими воспитателями: Татьяной Ивановной Зиновьевой, Раисой Николаевной Ухорской, Зинаидой Федоровной Фроловой, Антониной Константиновной, Зинаидой Ефимовной Прокофьевой, Ниной Юзофович проявляли доброту, внимание и чуткость к своим воспитанникам. Дети за эту заботу отвечали привязанностью, называя их «мамами».

К 50-летию освобождения Пушкиногорского района от немецко-фашистских захватчиков Надежда Николаевна написала статью в районную газету «Пушкинский край»[2] «Детский дом стал родным», в которой поделилась своими воспоминаниями о работе в Велейском детском доме.

«В детдоме создавались условия для нормальной жизни детей, — писала Надежда Николаевна, — они обеспечивались четырехразовым

[1] Вспоминая войну. Сельцо Михайловское, 2004. С. 85.

[2] См.: Пушкинский край. 20.05.1994 (№ 41).

питанием, одеждой, обувью, спальными принадлежностями. Все продолжали учиться в школе. Возглавляли работу люди целеустремленные, знающие дело, в большинстве своем хорошие специалисты по организации быта и досуга детей.

Оживилась жизнь в центре Велья. Благоустроили площадку с флагштоком, куда ежедневно под звуки горна летом выходили на зарядку воспитанники. С воспитателем бегали на берег озера умываться. Вечерами здесь проводились традиционные линейки также с горном, барабаном. Подводились итоги работы за день, отмечалось положительное и отрицательное, нарушители дисциплины здесь же получали взыскания. Присутствие всех было обязательным. Также вечерние сборы всегда привлекали жителей села, иногда они даже принимали участие, благодарили за оказанную помощь или обращались за помощью.

Создавалась художественная самодеятельность, выявлялись дарования, наклонности, интересы детей. Свои таланты, способности дети имели возможность показать не только среди товарищей, но и среди жителей Велья и других населенных пунктов. Прекрасные новогодние вечера, дни рождения каждого воспитанника отмечались с подарками, угощением.

С каждым днем жизнь налаживалась. Дети к хорошему быстро привыкали. Посещали школу, летом оказывали помощь колхозу, трудились на своем участке. Много сил прилагали воспитатели, чтобы каждый ребенок был трудолюбивым, воспитанным человеком, добивался высокой успеваемости, беспокоились за каждого. Все беды, заботы переживали вместе. Здесь особенно нужны были настойчивость, терпение и такт: ведь мы заменяли им родителей».

В 1949 году Велейскому детдому присвоили имя А.С. Пушкина, а новым шефом его стал Пушкинский Заповедник.

Настоящий праздник был устроен для детдомовцев 1 июля 1951 года. В тот день у 29 воспитанников был день рождения. На торжество дети отправили пригласительную открытку директору Пушкинского музея-заповедника Семену Степановичу Гейченко[3].

Один из первых воспитанников, Д.М. Фадеев вспоминал: «Нет, мы не были обиженными сиротками! У нас были люди с чистой совестью

[3] Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 605. Н/а. Л. 73–74.

и добрым сердцем!»[4] Детдом существовал в Велье в течение нескольких лет, потом его перевели в Волышово Порховского района.

Надежда Николаевна начала работать в Велейской школе учителем биологии и химии. Работа учителя в сельской школе имеет свои особенности. Это, прежде всего, вовлечение детей в сельскохозяйственный труд. Одной из задач учителя-биолога является умение грамотно организовать исследовательскую работу со школьниками, привлечь их к изучению родного края с целью развития биологического мышления, воспитания осознанного и грамотного отношения ко всему живому. Надежда Николаевна на протяжении всей педагогической деятельности была заведующей пришкольным участком. Пришкольный участок — это для учащихся своего рода «азбука земли». Ребята с начальных классов под руководством Надежды Ивановой приобретали полезные трудовые навыки, развивали интерес к природе, проникали в ее тайны. Учитель закладывала любовь к земле, к труду, воспитывала бережное отношение к растениям. Ученики обеспечивали себя овощами: выращенный урожай поступал в школьную столовую.

Надежда Николаевна была наставником не только для учеников, но и для молодых педагогов, которые приезжали на работу в Велейскую школу. Галина Федоровна Симакина, приехавшая по распределению после окончания филологического факультета педагогического института в августе 1960 года и работавшая в Велейской школе учителем литературы и немецкого языка, в своих воспоминаниях «Незабываемое Велье. Незабываемое время. 1960–1963 годы»[5] пишет: «С особой благодарностью помню Надежду Николаевну Иванову и ее семейство — умную, очень доброжелательную Марию Ивановну, матушку Надежды Николаевны, ее мужа Владимира Ильича, председателя Велейского совета. Надежда Николаевна опекала нас постоянно и заботливо давала не только житейские, но и профессиональные учительские советы. Она преподавала биологию и химию, идеально содержала школьный приусадебный участок, где школьники прилежно трудились, выращивая овощи для школы».

Под руководством Н.Н. Ивановой был разбит школьный сад, который и сегодня радует вельян и гостей села весной пышным цветением, осенью богатым урожаем.

---

[4] *Филимонов А.В.* Велье и его округа. Псков, 2012. С. 277.

[5] См.: *Симакина Г.Ф.* Незабываемое Велье. Незабываемое время. 1960–1963. С. 201–210 настоящего сборника.

Профессия учителя во все времена остается одной из самых важных и в то же время наиболее тяжелых. Умение передать свой опыт молодым, только вступающим в самостоятельную жизнь людям, научить жить в этом мире — это талант. Наверное, каждому учителю хочется, чтобы именно его ученик в будущем добился успеха. И, конечно же, каждому учителю приятно, когда именно так и происходит. Но самой главной наградой для учителя является благодарность учеников.

Бывшие ученики с теплотой вспоминают Надежду Николаевну. Тамара Алексеевна Лукьяненко из деревни Сучная рассказывает, как Надежда Николаевна приходила к ним в класс на уроки. Она никогда не повышала голос, не ругала детей. Ее внимательно слушали, не баловались, ждали с нетерпением, когда Надежда Николаевна придет на урок.

Юрий Викторович Михайлов (Велье) вспоминает: «Надежда Николаевна была учителем от Бога. Все в школе любили ее уроки. А если ее урок был в расписании последним, то он продолжался и после звонка. Никто не хотел уходить домой. У нас было много вопросов, Надежда Николаевна терпеливо на них отвечала. Мы могли ее слушать часами. Нам казалось, что наш учитель знает про всё на свете. А еще нам очень нравилось ходить в музей, который весь день был открыт. Мы туда часто заходили. Можно было не только посмотреть на экспонаты, но и потрогать их».

Нина Степановна Зуева (Велье): «Надежда Николаевна была замечательным учителем. Всегда доброжелательная, спокойная. У нашего класса она вела биологию и химию. Очень хорошо объясняла материал. В седьмом классе мы сдавали экзамен по химии. У всех были хорошие оценки».

Помимо педагогической деятельности Надежда Николаевна занималась общественной работой. Она была избрана секретарем партийной организации школы, была активной участницей общества «Знание». Читала лекции для работников колхоза «Смена», перед началом киносеанса в Велейском клубе показывала химические опыты и рассказывала об интересных научных фактах. В газете «Пушкинский край» от 20 января 1970 года была опубликована статья директора Велейской школы Геннадия Васильевича Ореликова «Всегда с народом»[6], посвященная работе общества «Знание»: «Общественно-политические знания всегда занимают важное место в лекционной деятельности нашей группы

[6] См.: Пушкинский край. 20.01.1970 (№ 8).

общества «Знание». Работу мы проводим в колхозе «Смена». Лекторы и докладчики стараются чаще выступать перед народом. Хочется отметить добросовестную работу лекторов Н.Н. Ивановой, Т.А. Алексеевой, В.Л. Дорофеевой. Они выступили перед населением по 10–12 раз».

Любовь к малой родине пробудила у Надежды Николаевны интерес к изучению истории родного села. Жители Велья часто находили старинные предметы: утварь, оружие, доспехи, монеты, одежду, изделия ремесел. Так возникла необходимость создания краеведческого музея. На тот момент в области был всего один народный музей — в Опочке.

В начале шестидесятых годов Надежда Николаевна возглавила совет музея. На помощь пришли Псковский историко-художественный музей и сотрудники Пушкинского Заповедника. Надежда Николаевна Иванова обращалась в Государственный архив древних актов, в Музей революции, в Министерство обороны. Оттуда были получены фотокопии интересных документов, рассказывающих об истории Велья.

Велейский народный музей принял первых посетителей в 1963 году. Г.Ф. Симакина вспоминает: «Не случайно здесь возник музей села Велье. Его инициатором и создателем стала наша Надежда Николаевна Иванова, которая собрала такие интересные вещи — не только крестьянского быта, но старинные, дореволюционные (бумажные в том числе) деньги, ордена, фотографии, документы. Музей располагался в помещении клуба, в фойе, его создание вызвало настоящий энтузиазм жителей. С.С. Гейченко принимал Надежду Николаевну в Михайловском, подарил музею несколько офортов В.М. Звонцова с видами Пушкинского Заповедника»[7].

31 октября 1967 в газете «Пушкинский край» была опубликована статья «Перемены в старом селе»[8]. В ней говорилось о Велейской школе и недавно созданном музее.

«Побывав в этой школе, нельзя не сказать о Надежде Николаевне Ивановой. По основной профессии она — биолог. Но этим не замыкается сфера деятельности учительницы. Это ее заботами создан народный музей. Существует он сравнительно недавно, каких-нибудь три года, но уже сейчас этот музей богат различными экспонатами. Здесь в хронологической последовательности собраны материалы, начиная с XVII века и кончая сегодняшним днем.

---

[7] *Симакина Г.Ф.* Незабываемое Велье. Незабываемое время. 1960–1963.

[8] См.: Пушкинский край. 31.10.1967.

— Почему народный? Да потому что главные создатели, — говорит Надежда Николаевна, — сами люди. Как узнали, что организуется музей, многие стали приносить различные предметы, документы, рассказывающие об истории Велейского края.

Заканчиваются занятия, и Надежда Николаевна спешит в музей. Часто приезжают в это село гости и обязательно стремятся попасть в этот музей. Тогда Надежда Николаевна вступает в свою привычную роль экскурсовода. Подолгу задерживаются посетители у стендов, рассказывающих о первых днях коллективизации, о героях Отечественной войны. Есть здесь и стенд «Наш колхоз за 35 лет». Он рассказывает о больших успехах колхозного строительства».

Работе музея была посвящена статья Р. Сафроновой, депутата районного Совета, звеньевой «Свет над Вельем»[9]:

«Гордостью сменовцев является народный музей. Он создавался по крупицам. Учителя, медицинские работники, колхозные энтузиасты, депутаты Совета Л.Т. Пушкина, О.И. Волнухина, Е.Н. Фролова, Г.В. Ореликов и многие другие потрудились немало и плодотворно. В музее любовно оформлен пушкинский уголок. Очень кстати, в красивой рамочке пламенеют слова Максима Горького: «Читайте почаще Пушкина, это основоположник поэзии нашей и всем нам всегда учитель».

Этим не ограничивается тематика музея. Здесь можно видеть красочный стенд «Наш колхоз за 35 лет», фотографии, боевые ордена и медали тех, кто строил колхоз, защищал Родину в боях Великой Отечественной войны.

Популярность народного музея растет, ширится. Сменовцы гордятся своим музеем и любят его. Достаточно сказать, что его посетило более десяти тысяч человек. Здесь побывали латыши, эстонцы, украинцы и белорусы, многие гости Пушкиногорской туристской базы. Совсем недавно в книге почетных посетителей оставил свой автограф прославленный летчик, совершивший в небе Псковщины воздушный таран, — Петр Тимофеевич Харитонов».

В альбоме Велейского сельского совета депутатов трудящихся Пушкиногорского района, оформленном в 1967 году к 50-летию Великого Октября, одна из страниц посвящена Велейскому краеведческому музею:

[9] См.: Пушкинский край. 1.06.1967 (№ 1).

«При Велейском сельском клубе создан Народный музей. В нем имеются стенды об истории села Велье, о первых организаторах колхоза «Смена» и его первом председателе Тиханович Николае, о первых комсомольцах села Велье, об участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Организован музей в 1963 году, 30 декабря. Большая заслуга в организации музея принадлежит учителю Велейской восьмилетней школы Ивановой Н.Н. Создан совет музея из семи человек, посетило музей с начала основания 18 000 человек. Отзывы о работе музея хорошие, посетители желают дальнейших успехов»[10].

Музей плодотворно работал, принимая многочисленных посетителей и пополняя коллекцию новыми экспонатами. В помещении музея учителя проводили уроки истории, проходили встречи с ветеранами войны и труда.

В начале семидесятых годов Надежда Николаевна переехала в Пушкинские Горы, работала инспектором РОНО. Работа музея продолжилась под руководством учительницы Велейской школы Клавдии Федоровны Тихоновой, о чем свидетельствует материал из газеты «Псковская правда»[11].

«Жители Велья хорошо знают историю своего края, многие из них могут стать гидами для приезжего человека. И если сегодня мы можем совершить путешествие в прошлое, то это возможно не только благодаря летописцам, но и энтузиастам — краеведам Велья.

В местном музее, для которого сейчас готовят отдельное просторное помещение (в старом стало тесно), собрано много экспонатов, рассказывающих о быте крестьян, о произволе купцов и помещиков, о классовой борьбе. Оформлены стенды о наиболее отличившихся в Великую Отечественную войну односельчанах, об истории колхоза «Смена». Сотрудники Пушкинского Заповедника оформили раздел об А.С. Пушкине, собрано много образцов изделий народного творчества (ткачество, вышивка, вязание) местных умельцев. Реликвии приносят в музей все, но самыми активными краеведами являются учащиеся Велейской восьмилетней школы. Руководит же этой работой учительница Клавдия Федоровна Тихонова».

В настоящее время Велейский краеведческий музей находится в здании богадельни. Жители села с благодарностью вспоминают

[10] Муниципальный архив администрации Пушкиногорского района.

[11] См.: Псковская правда. 24.01.1978.

добрые дела Надежды Николаевны. Ее не стало 29 октября 1999 года, похоронена она в селе Велье. Память о ней живет в созданных ею музее и школьном саду, в благодарности бывших воспитанников, учеников и односельчан.

Сын Надежды Николаевны, Борис Владимирович Иванов пошел по стопам матери. Он окончил естественно-географический факультет Псковского государственного педагогического института имени С.М. Кирова (ныне Псковский государственный университет) по специальности «учитель географии и биологии». Работал учителем в Печанской восьмилетней школе, инспектором по трудовому обучению в РОНО. В 1988 году был одним из инициатором создания Пушкиногорского ПТУ и на протяжении 20 лет его руководителем.

Жена Бориса Владимировича, Ольга Владимировна, выпускница Псковского педагогического института. Она работает в Пушкиногорской средней общеобразовательной школе имени А.С. Пушкина учителем биологии и географии. Их дочь, Юлия Борисовна, продолжает династию. Она получила высшее педагогическое образование. Ее работа связана с воспитанием подрастающего поколения. В таких семьях из поколения в поколение передают любовь и искреннюю веру в благородство выбранной профессии.

Н.Н. Иванова — создатель и первый руководитель Велейского краеведческого музея. 1960-е годы. Из личного собрания Б.В. Иванова

Педагогический коллектив Велейской школы.
Н.Н. Иванова (второй ряд, пятая слева).
1960-е годы. Из личного собрания Б.В. Иванова

Н.Н. Иванова (в центре) с учениками в школьном саду. 1960-е годы.
Из личного собрания Б.В. Иванова

Посадка в школьном саду. Н.Н. Иванова (справа). 1960-е годы.
Из личного собрания Б.В. Иванова

Н.Н. Иванова (первый ряд, третья слева) с учениками. 1960-е годы. Из личного собрания Б.В. Иванова

Печорское педагогическое училище. 1946–1947 годы

Пушкиногорский районный отдел народного образования,
слева направо: Галина Павловна Петрова, Надежда Николаевна Иванова,
Валентина Никандровна Михайлова, Ольга Петровна Громанова. 1970-е годы.
Из личного собрания Б.В. Иванова

Родители Н.Н. Ивановой: Николай Никитич и Мария Ивановна Ефимовы.
Из личного собрания Б.В. Иванова

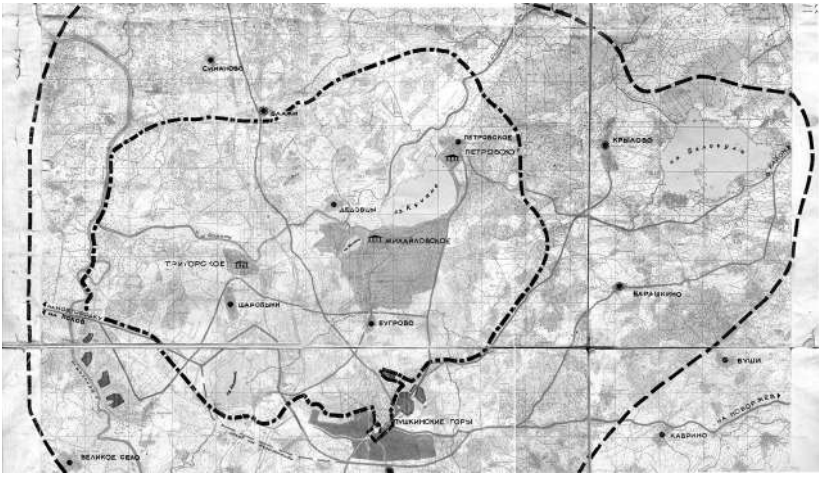
Н.Н. Иванова на пришкольном участке. 1960-е годы.
Из личного собрания Б.В. Иванова

Б.В. Иванов — директор ПТУ-30
с коллегами Е.Н. Вечерковой и И.Н. Крыловой.
1990-е годы. Из личного собрания Б.В. Иванова

Лаура Пурвинь

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В 1990-Е ГОДЫ

Девяностые годы прошлого столетия — один из самых сложных периодов в истории нашей страны. Перелом эпохи социалистического строя, распад великого государства, крах марксистско-ленинской идеологии, изменение мировоззрения, утрата ориентиров; жажда быстрого обогащения, коррупция и попрание законов… И одновременно с этим — ощущение безграничной свободы в достижении целей, динамичность и смелость в принятии самых неординарных решений. Риск — и обращение к национальной вере. Поистине эпоха величайших контрастов! И именно эти годы стали судьбоносными в истории музея-заповедника.



Карта Пушкинского Заповедника. 1960-е годы

В научном архиве Пушкинского Заповедника хранится схема развития Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в Михайловском Псковской области. В томе V Научно-проектной документации за 1992 год — Генеральный план Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина и его охранной зоны.

«Генеральный план музея-заповедника предусматривает дальнейшее развитие Заповедника как ведущего мемориально-культурного и научно-просветительного центра в России, имеющего целью сохранение и активную пропаганду наследия великого русского поэта, создание многофункционального комплекса музейно-экскурсионного обслуживания…

Архитектурно-планировочное решение ориентировано на максимальное воссоздание образной целостности усадебных комплексов мемориальных памятных мест, обеспечение оптимальных условий для научно-методической работы музея-заповедника, туристско-экскурсионного обслуживания и показа.

В основу планировочной схемы Заповедника и его функционального зонирования была положена исторически сложившаяся система архитектурно-планировочной организации усадебных комплексов и их взаимосвязи с историческим ландшафтом.

По функционально-территориальному признаку музей-заповедник включал тринадцать структурно-планировочных зон:

Усадьба «Михайловское»
Городище «Савкино»
Усадьба«Тригорское»
Городище «Воронич»
Усадьба «Петровское»
Святогорский монастырь
Научно-культурный центр
Мельничный комплекс в д. Бугрово
Кордоны
Усадьба Вревских — Голубово
Зоны 11, 12, 13 Усадьбы Воскресенское, Дериглазово, Лысая Гора
(…)

Зоны охраны

В результате комплексных историко-архивных и натурных исследований проведена корректировка утвержденных зон охраны музея-заповедника в соответствии с действующим законодательством об охране и использовании памятников истории и культуры.

В рамках исторического опорного плана определен весь комплекс мемориальных построек усадебных комплексов, а также мемориальных

памятных мест, как объектов охраны, реставрации и подготовки объектов к экскурсионному показу.

Собственно проект зон охраны ориентирован на создание регулятивного документа, обеспечивающего юридическую основу сохранения мемориальных объектов и их среды, а также целесообразного их современного использования.

Систему зон охраны образуют следующие территории, различающиеся режимом их использования:

территория памятника;

охранная зона (земли историко-культурного назначения);

зона регулирования застройки;

зона охраняемого исторического ландшафта.

Территорией памятника принят участок в перспективных границах Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина с учетом расширения территории с 666 га до 984 га, включающий в себя усадьбы Михайловское, Тригорское, Петровское, парки и лесопарк, городища Воронич и Савкино в существующих границах, участки мельничного комплекса в Бугрово с прудом, пойменной территории р. Сороть в северной части от Тригорского до Петровского, участок соединяющих Тригорское и ур. Три Сосны, участки музеефицируемых к приспосабливаемых под нужды Заповедника исторически ценных утраченных усадеб «Воскресенское», «Дериглазово», «Лысая Гора» и участок Научно-культурного центра.

Территория охранной зоны… объединяет все исторически мемориальные объекты и памятные места, находящиеся в окрестностях музея-заповедника (Воронич, Дериглазово, Бугрово, Пушкинские Горы, Лысая Гора), а также наиболее ценные участки исторического природного и культурного ландшафта, прилегающего к основным экскурсионным трассам.

Зона регулирования застройки охватывает застроенные территории в границах возможного пространственного влияния неблагоприятных мотивов новостроек на мемориальные участки Заповедника и включает следующие территории: южную часть поселка Пушкинские Горы, исторические населенные пункты Косохново, Крылово, Буруны, Рудино, Бирюли, Синичино, Свинухи, Богомолы, Козляки, Лопатино, Кошкино, Лешово, Рахово, Астахново, Бутево, Костино, Дмитрово, Ворогушино, Новая Березовка, Селихново, Кокорино, Железово, Носово.

Зона охраны исторического ландшафта включает территории, которые участвуют в восприятии с основных экскурсионных маршрутов музея-заповедниека — это леса лесопарковой и лесохозяйственной частей Новоржевского лесхоза, земли товариществ «Бирюли», им. А.С. Пушкина, «Зарецкое», крестьянских хозяйств «Снюги», «Рудино-2», «Рудино».

В пределах указанных зон все работы, связанные с реконструкцией и новым строительством, мелиорацией, очисткой заселенных и загрязненных водоемов, строительством и реконструкцией инженерных сетей и сооружений, новых дорог, надземных и подземных коммуникаций, устройством стоянок автотранспорта не допускаются без согласования государственных органов охраны памятников культуры и природы, а также дирекции Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина»[1]. Обсуждение генерального плана проходило совместно с администрацией района. На Ученом совете план был доработан.

В томе IV «Корректировка зон охраны Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области» от 1993 года.

«Проект зон охраны Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина разработан институтом «Спецпроектреставрация» ассоциации «Росреставрация» Министерства культуры РФ по заказу дирекции музея-заповедника.

Основанием для проектирования явилась программа-задание, утвержденная Министерством культуры РФ по согласованию с Псковской областной администрацией, Центральным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ЦС ВООПИиК).

(…)

В проекте использованы материалы из фондов Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина, проектная документация из архива института «Спецпроектреставрация», отдела земельных реформ администрации Пушкиногорского района, материалы Гослесфонда, Новоржевского лесхоза, материалы по передаче земель в ведение Пушкиногорского сельского Совета.

[1] Схема развития Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в Михайловском Псковской области. Научно-проектная документация. Генеральный план Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина и его охранной зоны. Т. V. 1992 // Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 1501. Пл.-ч.

Проект предварительно обсуждался на научно-реставрационном совете объединения «Росреставрация», в администрации Пушкиногорского района, в Министерстве культуры РФ, в Псковской областной администрации[2].

20 февраля 1995 года вышло Постановление Правительства Российской Федерации № 165 «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области»[3].

В муниципальном архиве (архивном отделе администрации Пушкиногорского района) имеется распоряжение администрации Пушкиногорского района Псковской области от 10.07.1995 г. № 264-р:

«В соответствии с главой 4 части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 года, внести изменение в Устав Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина, согласно приложению № 1.

Глава администрации района С.П. Ефимов»[4].

Приложение гласит:

«Изменение в устав

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.02.95г. №165 Москва «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области» официальное название музея-заповедника читать в следующей редакции:

Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское».

Зав. общим отделом администрации А.У. Федорова»[5].

2 августа 1995 года у главы администрации Псковской области В.Н. Туманова состоялось совещание, на котором среди прочего на повестку дня был вынесен вопрос о мероприятиях по выполнению По-

[2] Корректировка зон охраны Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области. Т. IV. 1993.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации № 165 от 20 февраля 1995 года. Копия.

[4] Распоряжение администрации Пушкиногорского района Псковской области от 10.07.1995г. № 264-р // Муниципальный архив Пушкиногорского района Псковской области. Ф. 94. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

[5] Там же. Л. 25.

становления Правительства Российской Федерации от 20 февраля 1995 года «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области».

В ходе обсуждения (…) поручено:

1. Комитету по культуре и туризму подготовить в срок до 10 сентября проект распоряжения главы администрации Псковской области об утверждении устава Государственного музея-заповедника «Михайловское».

2. Комитету по культуре и туризму, комитету по земельным ресурсам и землеустройству в срок до 31 декабря 1995 года подготовить проект распоряжения главы администрации Псковской области об утверждении зон охраны музея-заповедника «Михайловское» по согласованию с Министерством культуры Российской Федерации.

3. Комитету по земельным ресурсам и землеустройству администрации Пушкиногорского района в срок до 15 декабря 1995 года провести организационно-технические мероприятия по определению в натуре границ музея-заповедника «Михайловское».

4. Комитету по культуре и туризму, комитету по земельным ресурсам и землеустройству, администрации Пушкиногорского района в срок до 1 апреля 1996 года по согласованию с Министерством культуры России разработать режим содержания и использования памятников истории и культуры, территории, зон охраны музея-заповедника «Михайловское».

5. Комитету по социальной политике в срок по 1 ноября подготовить проект соглашения между администрацией Псковской области, Министерством культуры Российской Федерации и Русской Православной Церковью по совместному использованию памятников истории и культуры ансамбля Святогорского монастыря.

6. Комитету по социальной политике, администрации Пушкиногорского района в срок до 1 декабря подготовить для внесения в Правительство Российской Федерации предложения по развитию Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское», предусмотрев в них мероприятия по социально-экономическому развитию Пушкиногорского района[6].

---

[6] Протокол совещания у главы администрации Псковской области В.Н. Туманова. 2 августа 1995 года. Копия.

МИНКУЛЬТУРЫ РОССИИ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 20 февраля 1995 г. № 165

г.Москва

О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина в селе Михайловском Пушкино-Горского района Псковской области

В связи с исполняющимся в 1999 году 200-летием со дня рождения А.С.Пушкина Правительство Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т:**

1. Согласиться с предложениями Министерства культуры Российской Федерации и администрации Псковской области, согласованными с Министерством сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации, Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации, Комитетом Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству и Федеральной службой лесного хозяйства России:

о преобразовании Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина в селе Михайловском в Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С.Пушкина "Михайловское" Министерства культуры Российской Федерации;

об определении территории Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское" общей площадью 9713 гектаров с расположенными на этой территории памятниками истории и культуры.

2. Администрации Псковской области и Министерству культуры Российской Федерации с участием заинтересованных организаций:

уточнить границы территории Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское";

установить в 1995-1996 годах зоны охраны Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское".

23 02 95

Постановление Правительства РФ

3. Министерству культуры Российской Федерации и администрации Псковской области с участием заинтересованных организаций:

осуществить в 1995 году организационно-технические мероприятия, связанные с определением границ территории Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское";

установить в 1995-1996 годах режим содержания и использования памятников истории и культуры, территории, зон охраны Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское" и обеспечить его соблюдение;

разработать и утвердить положение о Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике А.С.Пушкина "Михайловское", закрепив в нем границы территории музея, режим содержания и использования памятников истории и культуры, территории, зон охраны;

решить в установленном порядке вопрос о совместном с Русской православной церковью использовании памятников истории и культуры ансамбля Святогорского Свято-Успенского монастыря.

4. Министерству культуры Российской Федерации, Министерству финансов Российской Федерации, Министерству экономики Российской Федерации и администрации Псковской области в 6-месячный срок разработать с участием заинтересованных организаций предложения по развитию Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина "Михайловское" и представить их в установленном порядке в Правительство Российской Федерации.

5. Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом, Министерству культуры Российской Федерации и администрации Псковской области осуществить передачу в установленном порядке Государственному мемориальному историко-литературному и природно-ландшафтному музею-заповеднику А.С.Пушкина "Михайловское" в оперативное управление музейного фонда, недвижимых памятников истории и культуры федерального (общероссийского) значения, расположенных в пределах его территории и зон охраны.

Председатель Правительства
Российской Федерации В.Черномырдин

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА АППАРАТА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ №1

K:\DOCN\POST\10000429.DOC

от 20.02.1995г. № 165

22 августа 1995 года председателем комитета по культуре и туризму Псковской области А.В. Ивановым подписан следующий документ: «…После решения об отводе администрации музея-заповедника заключить договор с Псковским земпредприятием на установление границ в натуре земель, переданных музею-заповеднику, и установлению информационных знаков на земли, включенные в границы музея-заповедника без изъятия у землепользователей».

Незадолго до этого, 9 августа 1995 года, состоялось рабочее совещание в администрации Пушкиногорского района о выполнении поручения администрации Псковской области постановления Правительства Российской Федерации от 20 февраля 1995 года «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области», на котором присутствовали: глава администрации Пушкиногорского района Семен Петрович Ефимов, председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству Анатолий Васильевич Иванов, заместитель председателя комитета по культуре и туризму Псковской области Галина Александровна Бояркова, главный инженер Псковского земпредприятия Анатолий Иванович Тихонов и заместитель директора музея-заповедника по фондовой работе Елена Васильевна Шпинева.

«В ходе обсуждения поручено:

1. В адрес администрации Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина:

предоставить проектную документацию по организации территории Псковскому земпредприятию и заявку на выполнение работ к 17 августа 1995 года;

разработать проект охранного договора.

2. Псковскому земпредприятию к 22 августа подготовить проект договора по выполнению данной работы с предоставлением смет.

3. Районному комитету по земельным ресурсам и землеустройству подготовить экспликацию земель музея-заповедника в новых границах в разрезе землепользователей.

4. Областному управлению культуры проработать с комитетом по охране природы области вопрос о необходимости образования охран-

ной территории вокруг музея-заповедника (национальный парк, охранная зона или заказник)»[7].

4 ноября 1995 года директор Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» Г.Н. Василевич направил в администрацию Пушкиногорского района письмо следующего содержания: «Просим произвести юридическое оформление землеустроительных работ, связанных с расширением территории музея-заповедника согласно проекту границ и Постановления Правительства Российской Федерации № 165 от 20.02.95 г.»[8]

В проекте изъятия и предоставления земель с установлением охранной территории Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина имеется документ по обоснованию границы территории Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» и его филиалов в Голубове и Велье:

«Территория Заповедника и его филиалов включает в свои границы природно-культурный комплекс с воссозданными мемориальными усадьбами «Михайловское», «Петровское», «Тригорское», исторической зоны п. Пушкинские Горы со Святогорским монастырем, городищами Савкино, Воронич, предлагаемыми к воссозданию усадьбами «Воскресенское», «Лысая Гора», «Дериглазово», «Голубово», историко-ландшафтной зоной «Велье» и ценным, объединяющим эти места, историческим ландшафтом с сохранившейся системой расселения и землеустройства.

Основанием для определения границ музея-заповедника и его филиалов послужили картографические и архивные материалы, фиксирующие историческую систему землепользования Пушкиных, Ганнибалов, Осиповых — Вульф, Вревских, Святогорского монастыря, а также результаты ландшафтного анализа, обеспечивающего его сохранность в пределах бассейна видимости с основных туристско-экскурсионных маршрутов Заповедника.

---

[7] Протокол рабочего совещания в администрации Пушкиногорского района. 9 августа 1995 года // Проект изъятия и предоставления земель с установлением охранной территории Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в Пушкиногорском районе Псковской области / Роскомзем РФ России Земпроект. Псковское землеустроительное проектно-изыскательское предприятие СевзапНИИгипрозем. Псков, 1995. С. 8.

[8] Там же. С. 9.

Директор Пушкинского Заповедника Г.Н. Василевич.
Фото 1990-х годов

Граница музея-заповедника и его филиалов совпадает с естественными природными и административно-хозяйственными рубежами.

Граница музея-заповедника и его филиалов определена проектным институтом «Спецпроектреставрация», музеем-заповедником и администрациями Пушкиногорского, Островского и Красногородского районов.

Площадь музея-заповедника и его филиалов, определенная границей, составляет 9 713,0 га»[9].

Официальный ответ был получен от председателя комитета по земельным ресурсам и землеустройству Пушкиногорского района Е.Ф. Яковлева:

[9] Протокол рабочего совещания в администрации Пушкиногорского района. 9 августа 1995 года // Проект изъятия и предоставления земель с установлением охранной территории Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в Пушкиногорском районе Псковской области / Роскомзем РФ России Земпроект. Псковское землеустроительное проектно-изыскательское предприятие СевзапНИИгипрозем. Псков, 1995. С. 10.

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по делу об отводе земель Государственному музею-заповеднику
А.С. Пушкина Пушкиногорского района

Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина ходатайствует об отводе земельных угодий из земель «Смена», «Зарецкое», «Белогуль», Велейской, Пушкиногорской, Зарецкой волостей и Пушкиногорского лесхоза. Землепользователи дали согласие на отвод испрашиваемых земель.

Учитывая Постановление Правительства РФ № 165 от 20.02.95г. «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области», комитет по земельным ресурсам и землеустройству считает возможным отвод земель в постоянное пользование Государственному музею-заповеднику А.С. Пушкина. На сельхозугодьях строительство производить в осенне-зимний период, не допуская порчи угодий и посевов.

К отводу подлежит 386,7 га земельных угодий, из них 225,4 га сельхозугодий, в т. ч. пашни 64,2 га»[10].

И уже 8 ноября 1995 года в администрации Пушкиногорского района Псковской области вышло распоряжение № 414-р «Об установлении границы Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина»:

«1. Удовлетворить ходатайство Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина об изъятии 386,7 га земель, согласно приложению № 1, и предоставлении ему этих земель на постоянное использование.

2. Включить в границы музея-заповедника без изъятия прежних землевладельцев 8 315,6 га земельных угодий согласно приложению № 1.

3. Обязать Государственный музей-заповедник возместить, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.93г. № 77, упущенную выгоду, причиненную изъятием земель землевладельцам согласно приложению № 2, а также произвести выкуп земельных участков, находящихся в собственности.

4. Пользование земельными угодьями в пределах Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина осуществлять с учетом разработанных им условий, изложенных в приложении № 3.

Глава администрации района С.П. Ефимов»[11].

[10] Протокол рабочего совещания в администрации Пушкиногорского района. 9 августа 1995 года. С. 41.

[11] Там же. С. 51.

Таким образом, в 90-е годы прошлого столетия была заложена юридическая основа в определении внешних границ территории Пушкинского Заповедника. Но это было только начало большой и временами бескомпромиссной борьбы за сохранность историко-культурных земель и территориальную целостность музея-заповедника.

Хотелось бы перечислить некоторых людей нашего района и области, принимавших участие в подготовке и принятии документов по сохранению этих уникальных для российской культуры территорий, овеянных гением А.С. Пушкина. Конечно, в первую очередь это директор Пушкинского Заповедника Г.Н. Василевич; это Семен Петрович Ефимов — в то время глава администрации Пушкиногорского района, председатель областного комитета по земельным ресурсам и землеустройству Анатолий Васильевич Иванов, председатель районного комитета по земельным ресурсам и землеустройству Евгений Федорович Яковлев, руководитель кадастра Пушкиногорского района Александр Егорович Коновалов, председатель комитета по культуре и туризму администрации Псковской области Александр Иванович Голышев, заведующая отделом архитектуры и градостроительства Пушкиногорского района Ольга Ильинична Чужикова, начальник отдела охраны территорий Пушкинского Заповедника Андрей Эльфович Андреев и многие другие.

Работа, начатая в то непростое время, продолжается и сейчас. Это трудоемкий процесс, в котором задействованы все силы Заповедника.

На данный момент служба охраны музейных территорий работает в тесном контакте с Комитетом по охране объектов культурного наследия Псковской областной администрации, администрацией Пушкиногорского района, администрациями городского поселения «Пушкиногорье» и сельского поселения «Велейская волость».

Основным документом, по которому мы осуществляем надзор за сохранностью достопримечательного места, является приказ № 303 от 19.02.2014г. «Об утверждении характера использования, ограничений и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству территории объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области». В постоянном бессрочном пользовании Пушкинского Заповедника числится 23 земельных участка и один сервитут общей площадью 1 079 га.

Вх. N 2-76012
от 07.12.1995 г.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации

В целях сохранения историко-культурного наследия народов Российской Федерации п о с т а н о в л я ю:

1. Включить в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации представленные Государственным экспертным советом при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации следующие объекты:

Санкт-Петербургская Государственная консерватория имени Н.А.Римского-Корсакова;

Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С.Пушкина "Михайловское" (включая территорию с расположенными на ней памятниками истории и культуры в границах, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 1995 г. № 165 "О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина в селе Михайловском Пушкино-Горского района Псковской области" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 9, ст.759);

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (Соловецкий историко-культурный комплекс);

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

ЕА-П16-38384
ЮЯ-П16-38688

Указ Президента РФ от 06.12.1995г. № 1219 (л. 1)

(2.) Правительству Российской Федерации обеспечить правовые, финансовые и материальные условия деятельности указанных в пункте 1 настоящего Указа особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
6 декабря 1995 года
№ 1219

Белову В.А.
2 экз.
07.12 И.Б. НАБЕРУШКИНОЙ

2-76012	07.12.95
Аппарат Правительства Российской Федерации	
п.1	15:34:41

Заботкин Г.А.
(Деп. культуры)

190.7

Указ Президента РФ от 06.12.1995 г. № 1219 (л. 2)

Начальник отдела охраны территорий Пушкинского Заповедника А.Э. Андреев. Фото 2000-х годов

И остальная территория — земли, не изъятые у землепользователей, — 8 534 га.

Сохранение историко-культурных территорий и ландшафтов Пушкинского Заповедника на протяжении уже более 100 лет его существования имеет длинную и сложную, а порой и напоминающую холодную войну историю. Но мы справимся со всеми трудностями и будем продолжать работать на благо нашей малой Родины — жемчужины России, края великих вдохновений и поэтического пространства.

Елена Колокольцева

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО КАК ВИД ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

На примере объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях Пушкиногорского района Псковской области»

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 30.04.2013г. № 714-р «Об отнесении выявленного объекта культурного наследия «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области» территория, на которой располагается Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», получила статус достопримечательного места с категорией значимости «объект культурного наследия федерального значения»[1].

Понятие «достопримечательное место» как особый вид объекта культурного наследия в мировой и российской нормативно-правовой системе охраны объектов культурного наследия появилось в конце 60-х годов XX века.

До этого момента механизм защиты культурных ценностей (объектов культурного наследия) сводился к охране отдельно взятого, конкретного объекта-памятника. Доминирующим был подход охраны.

Такой подход вырывал памятник из среды, из времени, отражением которого он был.

«Памятник» становился «формой без содержания».

Искажалась его сущность, его роль и место в социальной жизни.

---

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2013 г. № 714-р «Об отнесении выявленного объекта культурного наследия «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области». См.: Правовая система Консультант.

Событие, которое поставило всё мировое сообщество перед тем фактом, что объектам культурного наследия необходим механизм не только собственно их охраны, но и механизм сохранения прилегающих территорий, среды, — это, безусловно, Вторая мировая война, ставшая фатальной для объектов российского и мирового наследия: в ходе войны значительное их количество пострадало либо было перемещено, многие были утрачены навсегда.

Более того, именно после Второй мировой войны, когда начинается активная застройка, восстанавливаются разрушенные города и территории, когда в историческую среду древних городов начинается вторжение массовой застройки, изменяются сельские ландшафты, становится очевидной невозможность эффективной охраны отдельных выдающихся памятников без сохранения уникальной историко-градостроительной среды, которая является их обрамлением.

В этот период формируется новая концепция, новый подход к культурному наследию.

16 ноября 1972 года в Париже на 17-й сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) была принята «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия».

Статья 1 Конвенции классифицировала понятие культурного наследия по трем категориям:

● памятники — произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

● ансамбли — группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

достопримечательные места — произведения человека или совместны ● е творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии[2].

[2] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. См.: Правовая система ГАРАНТ.

Именно здесь, в Париже прозвучал термин «достопримечательное место» в отношении объектов культурного наследия.

Вступление в силу Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО положило начало реформированию правовой системы охраны культурного наследия большинства европейских стран. Объект внимания расширился от отдельных памятников до ансамблей и территорий.

3 октября 1985 года в Гранаде была принята «Конвенция об охране архитектурного наследия Европы», в которой архитектурное наследие, подлежащее охране, подразделялось на:

- памятники — все строения и конструкции, представляющие явный исторический, археологический, художественный, научный, социальный или технический интерес, включая приспособления и принадлежности для них;
- комплексы строений — однородные группы городских или сельских строений, представляющих явный исторический, археологический, художественный, научный, социальный и технический интерес, которые достаточно связаны между собой, чтобы их можно было определить топографически;
- достопримечательности — совместные творения человека и природы, являющие собой места, частично застроенные и достаточно отличительные и однородные, чтобы их можно было определить топографически, и представляющие явный исторический, археологический, художественный, научный, социальный или технический интерес[3].

Российская Федерация как правопреемник СССР по международным договорам в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 26 сентября 1990 года № 973 присоединилась к Конвенции по охране архитектурного наследия Европы и взяла на себя обязательства привести национальное законодательство в сфере охраны культурного наследия в соответствие новому понятийному аппарату[4].

Федеральным законом от 25.06.2002г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» понятийный аппарат, характеризующий видовую принад-

[3] Конвенция об охране архитектурного наследия Европы. См.: Правовая система ГАРАНТ.

[4] Постановление Совета министров СССР от 26 сентября 1990 года № 973 «О присоединении СССР к Конвенции по охране архитектурного наследия Европы 1985 года». См.: Правовая система ГАРАНТ.

лежность объектов культурного наследия, был пересмотрен и приведен в соответствие с действующими международными договорами.

Согласно ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ объекты культурного наследия подразделяются на следующие виды:

● памятники — отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями; мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; объекты археологического наследия;

● ансамбли — четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи; объекты археологического наследия;

● достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места[5].

Хотелось бы отметить, что действительно — ни Закон СССР от 29 октября 1976 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры», ни Закон РСФСР от 15 декабря 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» не содержали положений, собственно определяющих понятие достопримечательного места.

[5] Федеральный закон от 25.06.2002г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». См.: Правовая система Консультант.

Но вместе с тем статьей 20 Закона СССР от 29 октября 1976 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а также статьей 37 Закона РСФСР от 15 декабря 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» были введены такие понятия, как:

- историко-культурные заповедники — ансамбли и комплексы памятников истории и культуры, представляющие особую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность[6];
- заповедные места — отдельные участки городов и других населенных пунктов, имеющие особую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, а также памятные места, связанные с важнейшими историческими событиями[7].

Однако заповедных мест на территории РСФСР практически не возникло, а историко-культурные заповедные территории (места) как зоны специального режима охраны и использования исторически сложившихся территорий городов, других населенных пунктов, ландшафтов с целью сохранения и восстановления их индивидуального облика, отождествлялись с понятием зоны охраны памятников истории и культуры.

Руководствуясь статьей 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», согласно которой к достопримечательному месту, в том числе, могут быть отнесены памятные места, связанные с жизнью выдающихся исторических личностей, Правительство Российской Федерации принимает распоряжение от 30.04.2013г. № 714-р о включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия объекта культурного наследия «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области» с категорией значимости «объект культурного наследия федерального значения».

Нужно сказать, что до принятия указанного Распоряжения о включении Достопримечательного места в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) на-

[6] Закон СССР от 29 октября 1976 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры». См.: Правовая система Консультант.

[7] Закон РСФСР от 15 декабря 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры». См.: Правовая система Консультант.

родов Российской Федерации и утверждения границ его территории основополагающим нормативно-правовым актом, обеспечивающим охрану памятников истории и культуры, расположенных на территории Пушкинского государственного музея-заповедника, являлся проект зон охраны памятников истории и культуры района Пушкинского государственного музея-заповедника, утвержденный решением Псковского облисполкома 28.12.1983г. № 507 «Об утверждении проектов генерального плана района Пушкинского государственного музея-заповедника, детальной планировки пос. Пушкинские Горы и зон охраны памятников истории и культуры района Пушкинского государственного музея-заповедника».

Основной целью этого проекта являлась разработка системы зон охраны ценного природного и культурного ландшафтов (по сути — охрана заповедных территорий).

Но вместе с тем в 2000-е годы сложилась ситуация, когда действующий проект зон охраны стал документом формальным.

Часть владельцев сельскохозяйственных угодий стала отказываться от обработки земли в пользу дачного и иного жилищного строительства, выступая с инициативой изменения категории земельных участков с целью включения их в границы населенных пунктов.

Начинается застройка исторических деревень, открытых пространств, имеющих мемориальное и историческое значение.

Всё меньше и меньше остается от исторических населенных пунктов. Преобладающей в них становится уже не традиционная застройка, не дома, которые были построены в традиционном стиле — господствуют вычурные коттеджи, диссонирующие с традиционной застройкой.

К сожалению, этот процесс не ограничивался территорией самих исторических населенных пунктов. Новые здания быстро захватывают новые земли, ещё недавно использовавшиеся как поля.

Кроме того, в 2000-е годы начинается процесс уменьшения местного населения. В ряде мест он становится необратимым. Умирают деревни. Зарастают поля. Ведение в этих местах сельского хозяйства становится нерентабельно. Где-то положение дел спасают дачники. Они позволяют сохранить гибнущие деревни. Но они не могут остановить процесс зарастания полей и «отменить» отказ от ведения традиционного хозяйства.

С новым строительством, с появлением «новых» людей изменяется среда, атмосфера, «дух места».

В такой ситуации сотрудники Пушкинского музея-заповедника, Министерство культуры Российской Федерации, Комитет по культуре, являющийся на тот момент органом, уполномоченным в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, люди, «болеющие» за эту территорию, встали перед дилеммой: либо превратить эту территорию в заповедник и прекратить там всякую хозяйственную деятельность, либо для сохранения пушкинских мест, особой атмосферы, неповторимости, уникальности этой территории развивать существующие села, продолжать ведение традиционного хозяйства и, безусловно, сочетать всё это с охраной природного и культурного ландшафтов.

Кроме того, с принятием в 2001 году Земельного кодекса Российской Федерации, в 2002 году Федерального закона от 25.06.2002г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в 2004 году Градостроительного кодекса Российской Федерации, встала необходимость приведения режимов зон охраны 1983 года в соответствие с действующим обновленным законодательством.

Для сохранения историко-культурного и природного ландшафта, связанного с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, сохранения и регенерации исторической градостроительной и природной среды, обеспечения государственной охраны не только памятников истории и культуры, используемых музеем-заповедником, но и территории музея-заповедника, а также обеспечения эффективного функционирования этой территории в современных условиях, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.04.2013г. № 714-р объект культурного наследия «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области», включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия, с категорией значимости «объект культурного наследия федерального значения».

Одновременно хотелось бы отметить, что, несмотря на наличие особого вида объектов культурного наследия — «достопримечательное место», закрепленного Федеральным законом от 25.06.2002г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», порядка по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательных мест, определению типа достопримечательного места

ни указанным Федеральным законом, ни какими-либо другими документами установлено не было.

Поэтому при разработке и утверждении приказа Министерства культуры Российской Федерации от 2 декабря 2013 года № 1985 «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области», расположенного в Псковской области (Пушкиногорский район), и его регистрации в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», приказа Министерства культуры РФ от 19 февраля 2014 года № 303 «Об утверждении характера использования, ограничений и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству территории объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области» разработчики проектов столкнулись с методологическими трудностями и, как следствие, с проблемой: как, с одной стороны, сберечь историко-культурные и природные ценности этого места, а с другой — создать нормальные, соответствующие современным требованиям условия жизни для местного сообщества?

Только в 2017 году, письмом № 49-01.1-39-НМ от 28 февраля 2017 года, Минкультуры России были предложены к применению «Методические рекомендации по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательных мест», которыми были регламентированы следующие разделы:

- термины и определения, используемые при разработке проекта предмета охраны, границ территории достопримечательного места, а также требований к осуществляемой деятельности и градостроительным регламентам в границах его территории;
- цели и задачи разработки проекта предмета охраны, границ территории достопримечательного места, а также требований к осуществляемой деятельности и градостроительным регламентам в границах его территории;
- типология объектов культурного наследия в виде достопримечательного места;

● требования к проектной документации, методам исследования и анализа[8].

Несмотря на отдельные сложности, возникающие при применении принятых Минкультуры России приказов в отношении «Достопримечательнго места, связанного с жизнью и творчеством А.С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях Пушкиногорского района Псковской области», появление этого объекта культурного наследия принесло ряд существенных преимуществ для этой территории, а именно:

● сохранение исторически ценных объектов путем внесения их в предмет охраны достопримечательного места без необходимости отнесения их к объектам культурного наследия;

● формирование стабильных и прозрачных требований к развитию территории при условии сохранения ее уникальных характеристик комфортной городской среды.

Академик РАН, филолог, искусствовед Д.С. Лихачев писал:

«Сохранение культурной среды задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но и не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в ее целом, ее воздействующая сила…

Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя. Его воспитывает история, прошлое. Прошлое открывает ему окно в мир, и не только окно, но и двери, даже ворота — триумфальные ворота. Жить там, где жили поэты и прозаики великой русской литературы, жить там, где жили великие критики и философы, ежедневно впитывать впечатления, которые так или иначе получили отражение в великих произведениях русской литературы, посещать квартиры-музеи — значит, постепенно обогащаться духовно…

[8] Письмо Минкультуры России от 28 февраля 2017 года № 49-01.1-39-НМ. См.: Правовая система Консультант.

Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране…

Не здание даже нужно человеку, а здание в определенном месте. Поэтому и хранить их, памятник и ландшафт, нужно вместе, а не раздельно. Хранить строение в ландшафте, чтобы и то и другое хранить в душе.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают, напоминают… Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Он начинает учиться ответственности — нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего…

Ответственны за всё мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении…»

Из работ сотрудников Пушкинского Заповедника

Вячеслав Козмин

ПУШКИН, БУЛГАРИН И «ДЯДЯ ВАСЯ»

Считается, что писатель Фаддей Булгарин был прохвостом, стукачом и мерзавцем. Украл у Пушкина идею и сюжет «Бориса Годунова», слегка переиначил и издал под названием «Димитрий Самозванец», состряпал сущий фейк о том, что почтенный прадед Александра Сергеевича был куплен за бутылку рома императором Петром! Пушкин, разумеется, в долгу не остался: ответил обидчику так, что полетели пух и перья, а клеймо «Фиглярин» прочно закрепилось за Булгариным. Однако еще в феврале 1824 года поэт писал Булгарину: «Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы». Осенью 1824 года Пушкин оказался в ссылке в Михайловском. В том же году его будущий оппонент выпустил в свет фантастико-утопическую повесть «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке». Заметим, что случилось это за четыре года до рождения главного литературного фантаста XIX века Жюля Верна.

Герой булгаринского произведения совершает путешествие во времени: из 15 сентября 1824-го переносится в 15 сентября 2824 года. Проснувшись, попадает в новую столицу России город Надежин, находящийся в Сибири. Профессор из будущего объясняет пришельцу, что «множество непредвиденных случаев изменили наш климат; теперь мороз водворился в Индиях и в Африке, а полярные страны сделались самыми роскошными и плодородными». Языком общения, по версии Булгарина, становится арабский язык: «Французский язык в наше время есть то же, что у вас был чухонский, а богатый, звучный и гибкий арабский язык заступил место французского». Русская кухня одержала победу над европейской:

«В это время человек принес поднос, уставленный деревянными некрашеными чашками, поставил его на золотой столик и через несколько минут принес две деревянные же чаши, одну с русскими щами, другую

с гречневой кашей, и бутылку с огуречным рассолом. Я решительно отказался от этого завтрака, чему всё семейство крайне удивлялось.

— Жена моя, — сказал профессор, — хотела угостить вас самым дорогим завтраком из заморских растений; извините ее, она не знает археологии и потому не могла угодить вашему вкусу. Я велю вам из кухни принести чаю, кофе и шоколаду: эти в ваше время лакомые вещи ныне употребляются только черным народом».

Как тут не вспомнить о любви Пушкина к народной кухне: «Да щей горшок, да сам большой». О гречневой поэт каше сообщал в письме Наталье Николаевне: «…обедаю картофелем да грешневой кашей», а огуречный рассол становится для героя повести «Капитанская дочка» главным оздоровительным напитком после веселой пирушки!

Спустя тысячу лет в стране наконец-то был осуществлен процесс импортозамещения: «Вместо того, чтобы употреблять иностранные произведения, пользуемся отечественной промышленностью». В помощь литераторам появились «машина для делания стихов и машина для прозы». Впрочем, к этим достижениям автор относится скептически: «…Я прочел стихи, в которых нашел все слова на своем месте, меру, гармонию в стихах и богатые рифмы, — одним словом, всё, кроме здравого смысла и цели, точно так же, как в стихотворениях наших поэтов, которые страсть подбирать рифмы почитают вдохновением, а похвалу приятелей — достоинством». Кроме того, автор предвидит появление в перспективе подводных лодок, скафандров и еще многое из того, что присутствует в наше время.

Особого внимания заслуживают пророчества Булгарина относительно освоения потомками мирного (и не совсем) неба. Путешественник во времени и «профессор» оказываются у воздушной пристани: «Едва мы взошли на террасу, как увидели вдали огромный шар, к коему подвязан был большой плашкот, в виде птицы, размахивавшей крыльями и хвостом необыкновенной величины». Далее поясняется, что аэростаты предназначены для проведения боевых операций:

«Не могу выразить чувствования, объявшего мою военную душу, при виде двухсот огромных аэростатов с плашкотами, выстроенными в одну линию на земле. Пред каждым стояло по сто человек солдат, вооруженных духовыми ружьями со штыками. По первому сигналу люди взошли на плашкоты, по второму зажгли огонь в паровых машинах, а по третьему музыка заиграла военный марш, развились разноцветные флаги, и аэростаты поднялись на воздух. Сперва они пролетели

значительное пространство в одну линию, потом разделились на плутонги и начали делать различные повороты. Ничто не может сравниться с величием и прелестью этой картины: я был в восхищении, но вскоре мой восторг превратился в ужас. По данному сигналу из духовой пушки с аэростата главного начальника воздушной эскадры вдруг солдаты бросились опрометью на землю с неизмеримой высоты. Я обмер от страха, но вскоре пришел в себя, увидев распускающиеся в воздухе парашюты, которые, плавно опускаясь в различных направлениях, представили взорам моим другого рода прелестное зрелище. Солдаты, коснувшись земли, выпутались проворно из сеток, свернули парашюты и, привязав их как ранцы к спине, немедленно построились и начали производить пешие маневры.

— Каково вам это нравится? — спросил профессор.

— Чудеса! — воскликнул я. — После этого изобретения ни крепости, ни оборонительные местоположения, ни быстрые переходы не спасут неприятеля».

Аэростаты в качестве учебных пособий для подготовки к десантированию применяются и поныне. Приведем выдержку из воспоминаний кавалера двух орденов Красной Звезды, ветерана 76-й воздушно-десантной дивизии Павла Филипповича Гущи: «В гондоле аэростата размещались четыре десантника (один из них выпускающий) и аэронавт, который сам не прыгает, а следит за процессом выброски, когда аэростат набирает нужную высоту. В один из подъемов я был выпускающим. Двух десантников выпустил, третий от страха так уперся, что его невозможно было вытолкнуть из гондолы. С земли посмотрели, что никто больше не прыгает, и аэростат начали опускать. Я не захотел пропускать прыжок, оттолкнул испуганного десантника в гондолу и сам прыгнул. Только парашют раскрылся, уже пора приземляться. Вижу, ко мне бегут со всех сторон с русскими матюгами: «Тебе жить надоело? Ты с какой высоты прыгал?» А я сгоряча не заметил, что вместо положенных четырехсот метров при моем прыжке до земли оставалось всего сто пятьдесят». Современные десантники после тренировочных прыжков с аэростатов получают доступ к прыжкам с самолетов:

Крылатые братья, с охотой
Я вам здесь хочу рассказать
О том, как прыжок с самолета
Впервые пришлось совершать…

…Десантники борт покидают.
Момент — и у дверки уж я.
Тряхнуло. И плавно качает.
Вниз глянул — а где там земля?
Исправна матчасть — убедился,
По ветру иду в аккурат.
Ближе земля! Приземлился.
Неплохо… Конечно, был рад!

Это стихотворение младшего сержанта Маховецкого было опубликовано в дивизионной газете «Солдатская правда» в 1957 году. Ранее, в 1948-м, командиром 76-й гвардейской Черниговской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии стал легендарный Василий Филиппович Маргелов, впоследствии командующий Воздушно-десантными войсками.

Именно он сделал десантников настоящей армейской элитой, а сами ВДВ в неофициальном общении стали расшифровываться как «войска Дяди Васи». Маргелов уделял внимание совершенствованию тактики атак с неба, но также и защите от подобных атак со стороны неприятеля. В 1824 году автору фантастического произведения Булгарину работа наземных зенитных установок представлялась следующим образом:

«— Погодите немного, — сказал профессор, — вы увидите, что против каждого средства есть противодействие.

Чрез несколько времени аэростаты опустились на землю, и несколько других шаров, без плашкотов, пустили на воздух на веревках.

— Это на что? — спросил я профессора.

— Для цели, — отвечал он.

В эту минуту выступила рота солдат, без ружей, с колчанами за плечами и самопалами в руках. Начальник скомандовал, и они начали бросать из луков конгревовы ракеты, от которых шары тотчас полопались в воздухе.

— Вот это ужасно! — сказал я.

— Опасность не столь велика для воздухоплавателей, как вы думаете, — отвечал профессор, — ибо люди в подобных случаях спасаются на парашютах и обыкновенно не лишаются жизни, но попадают в плен».

Дотошный фантаст не только зрит в корень. Он также уделяет внимание архиважным мелочам, исходя из незыблемого постулата «Война войной, а обед по расписанию»:

«Когда ученье кончилось, я пожелал увидеть вооружение солдата: ружья, как выше сказано, были духовые, а в сумах, вместо пороху,

находились съестные припасы, а именно: один серебряный ящичек с крепким бульоном, вываренным из различных растений и мяс, которого несколько крох достаточно для пропитания целого семейства по крайней мере на месяц; другой ящичек наполнен был мукой из питательного саго, для делания опресноков, и, наконец, каждый солдат имел при себе пневматическую машину для превращения воздуха в воду в случае нужды и машину для произведения кислотвора, а из оного огня для варения пищи». В состав современных армейских наборов входят печенье, консервы, сыр, шоколад, молочный напиток, а также «кислотвор» — в виде таблеток для разогрева пищи.

Знакомству с творениями «презренного» Фаддея мы обязаны доктору филологических наук профессору Псковского государственного университета Наталье Леонидовне Вершининой. В начале двухтысячных в рамках проекта «Второстепенные писатели пушкинской поры» ею было сделано несколько публикаций о творчестве Булгарина. Однажды в частном разговоре она назвала его «многоликим» и «непредсказуемым», что подвигло нас к чтению его произведений, в том числе повести «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке». Тогда военный раздел в повести не особенно привлек наше внимание. В большей степени любопытными показались предсказания о машинах, упраздняющих вдохновение, столь часто посещавшее А.С. Пушкина в Михайловском.

В 2018 году по воле случая нам посчастливилось принять участие в создании книги воспоминаний полковника в запасе Павла Филипповича Гущи «Псковский десант в моей жизни»[1]. Погружение в историю 76-й гвардейской десантно-штурмовой Черниговской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, общение с заслуженным ветераном не ограничилось перечнем боевых заслуг и достижений. Дорога из Пскова в Пушкинские Горы, от десантников к Пушкину оказалась намного короче, чем мы предполагали. Павел Филиппович с удовольствием вспоминал о своих поездках в 1970-х годах на Пушкинский праздник поэзии, о встрече с С.С. Гейченко, о поэтах, писателях и пушкинистах. А далее логика повествования о псковских десантниках и Пушкине неминуемо привела к еще одному «второстепенному» писателю — знакомому Александра Сергеевича, в 1824 году описавшему те войска, в

[1] См.: *Гуща П.Ф.* Псковский десант в моей жизни: военно-исторический труд / Павел Гуща; литературная обработка текста В.Ю. Козмина, Д.А. Тимошенко (Серия «Псковская историческая библиотека»). Псков, 2019.

которых служил Павел Филиппович. Результатом подобного сближения стала одна из глав в книге:

«Десантнику до всего есть дело. Что же касается литературы — так нам это тоже не чуждо. Учения и тренировки — проза, прыжки с самолета в бездну — поэзия. Приказы и инструкции — «классическая» литература, байки и анекдоты на привале — устное народное творчество. «Ура» — песня! Стихи в нашей дивизии писали в основном «срочники»: о десанте, о ждущих своих сыновей матерях, о родине. Потом их творения печатали в дивизионной газете «Солдатская правда». По воле случая и указа о прохождении срочной службы в дивизии оказывались такие солдаты, которые впоследствии стали профессиональными литераторами. Один из них — Орлов Юрий Васильевич, член Союза писателей России, автор около 30 поэтических книг. Ныне возглавляет писательскую организацию города Иванова. Другой, тоже наш поэт-десантник — Константин Яковлевич Ваншенкин, автор слов к таким известным песням, как «Я люблю тебя, жизнь», «Алеша» и других.

Кое-кто из офицеров тоже пописывал. Но тайно. Зачем, если что не так, при «разборке полетов» давать повод высшему командованию наречь тебя «лириком-шмыриком» или «пушкиным доморощенным»? Кстати, о Пушкине. В Рязанской 106-й воздушно-десантной дивизии все любят Есенина. Потому что тот родился в местном селе Константиново. Нам же, псковским десантникам, кажется, сам бог велел любить Пушкина. Пушкинский Заповедник — всего-то в сотне километров от областного центра. На машине — часа два езды. На «Ане», по воздуху — минут тридцать лету. Жаль, что в Пушкинских Горах аэродром закрыли. Осталась только улица — «Аэродромная».

До выхода на пенсию Пушкина я любил, так сказать, заочно. Дела да заботы, режим и полеты… Некогда было в гости к поэту «на чаек» наведываться. Когда служба отпустила, появилось свободное время. К тому же моя жена большая охотница до всего прекрасного и возвышенного. Мало ей наших, десантных, высот. «Давай, говорит, на Праздник поэзии съездим, поэтов послушаем, книжек и сушеных снетков прикупим. Там всегда в этот день дефицит выбрасывают». Сказано — сделано. Собрались дружной компанией: я, друзья, их жены и мой знакомый редактор «Солдатской правды». Последний в Михайловском бывал и раньше: ездил за вдохновением. Затарились на всякий случай едой, чаем в термосах и «компотом» в фляжках.

Сели в машины, поехали. Жены все принарядились, духами побрызгались, как будто их сам Пушкин ждет. И то верно: охоч был

поэт до слабого пола! Больше всего наши боевые подруги хотели по липовой аллее прогуляться. Как Керн. Правда, не с Пушкиным, а с нами и под ручку. Пролетели по Киевскому шоссе мимо Дуловки, Острова и Новгородки. На подъезде к Пушкинским Горам дорогу нам пересек вихляющий из стороны в сторону «Москвичок», из окна которого кто-то хрипло пел романс «Я помню чудное мгновенье…» Почему-то мелодия больше напоминала известный романс «Шумел камыш, деревья гнулись»… Послушали и в последнее, совсем не чудное мгновенье увернулись от «поющей» диковины отечественного автопрома. Стало понятно, что праздник в полном разгаре. Затем свернули влево и через 10 минут оказались на знаменитой поляне. Людей тут было видимо-невидимо. В центре стояли столы с книгами. По краям поляны — автолавки местных райпо, торговавшие дефицитом. Купив несколько коробок сушеных снетков и книжку про жену поэта Наталью Николаевну, мы чинно уселись на лавки перед эстрадой. Тогда еще можно было утолять жажду познаний «компотом» на виду у всех. Поэтому литературная часть нам в целом понравилась. Поэты читали свои стихи о Пушкине. Стихи самого Александра Сергеевича прочел только один народный поэт из Закавказской республики. Свой выбор он объяснил тем, что не вправе читать свои творения «в присутствии» Пушкина. Стихи о Пушкине я не запомнил, а пушкинские помню и поныне:

…Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык!
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русской от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.

Врать не стану, стихотворение наизусть не знал. Но в последние годы такую заваруху устроили наши западные «друзья», что я книжку с полки достал, перечитал и подивился тому, как поэт мог всё это нынешнее безобразие предвидеть!

После стихотворцев на сцену вышли коллективы тоже народной самодеятельности, в сарафанах и кокошниках, запели. Но слушать их мы не стали. Наши жены, хоть и не в блестках, а поют не хуже. Решили пойти на разведку — в парк и Дом поэта. Когда проходили мимо дома у пруда, двери открылись, и на улицу вышел высокий пожилой человек. Под мышкой он держал какую-то книжку, левой руки у него не было. Он что-то стал рассказывать окружавшим его почитательницам о Пушкине, белках и синицах. Публика завороженно его слушала. В этот момент невесть откуда взявшийся петух с вершины штакетного забора атаковал расслабившихся в мирное время экскурсанток. Те, побросав кошелки, вмиг разбежались. Человек прикрикнул на птицу: «Ах ты чучело в перьях!.. Хороший ты мой!» После чего погладил хулигана по хохолку и направился в сторону поляны. Потом уже мы узнали, что это был знаменитый «домовой» Михайловского С.С. Гейченко, и о том, что руку он потерял в ожесточенных боях под Новгородом. А птица — это знаменитый своей воинственностью любимый директорский петух по кличке Хутеп.

Что меня как зенитчика порадовало на усадьбе Пушкина, так это изобилие артиллерии: один Пушкин и сразу две пушки. Зенитчик пушкаря за версту чует, а значит, первый поэт России если не по духу, так по генам нам родственник. Пушки в Михайловском маленькие, «потешные». Перед приездом гостей в дуло забивался порох, поджигался и… Лошади в одну сторону шарахаются, гости в другую, шампанское брызжет в небо. И всё вдребезги! Потеха! Веселым человеком был Пушкин. В этом он мне родственник и по генам, и по духу!

Здесь Пушкина любили все: директор, сотрудники, сторожа. Наверное, поэтому все дружно не любили тех, кого сам Александр Сергеевич недолюбливал. К слабому полу это не относится! Расскажу историю, которая приключилась тогда, в первый наш визит в Михайловское. Осмотрели мы пушки, определили на глазок калибр и убойную силу орудий и пошли в Дом поэта на экскурсию. Вела нам ее хрупкая девчушка с косичками. «Пела» хорошо: и про то, и про это. Про няню, про родителей, друзей-декабристов. А в Столовой решила рассказать про врагов. Ну, на первом месте — царь. А на втором — Фаддей Булгарин. Полоскала

его долго и пафосно: дескать, на Пушкина кляузы строчил. А в конце разноса сморщила презрительно носик и с пафосом процитировала пушкинскую эпиграмму:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

Пока девица чихвостила Булгарина, наш друг, редактор дивизионной газеты «Солдатская правда», открыл свой портфель и достал оттуда блокнот. Экскурсовод выдохнула весь свой гнев на бедного шляхтича Фаддея и на минуту замолкла. И тут мы поняли, что наш образованный друг давно готовился выступить с опровержением. Оказавшись в компании коллег-десантников, он решил дать бой «на полях» михайловского дома.

— Простите за нескромный вопрос, — вкрадчиво обратился он к девушке, — а вы сами читали произведения презренного Булгарина?

Та уже приготовилась было выдохнуть обвинение всей российской аристократии пушкинского времени, не понявшей величие поэта, но от неожиданного вопроса слегка поперхнулась:

— Не всё, точнее ничего. Но вы же понимаете, что Булгарин был мерзавцем?

— Может быть. Но писателем он был неплохим.

— Ой, не смешите! Мерзавец не может быть писателем.

— Отнюдь, — произнес наш друг и зачитал из блокнота переписанный им фрагмент текста из неизвестного нам тогда произведения: «По данному сигналу из духовой пушки с аэростата главного начальника воздушной эскадры вдруг солдаты бросились опрометью на землю с неизмеримой высоты. Я обмер от страха, но вскоре пришел в себя, увидев распускающиеся в воздухе парашюты, которые, плавно опускаясь в различных направлениях, представили взорам моим другого рода прелестное зрелище. Солдаты, коснувшись земли, выпутались проворно из сеток, свернули парашюты и, привязав их как ранцы к спине, немедленно построились и начали производить пешие маневры». — Кто, по-вашему, автор этих строк?

Тут девушка прям-таки расцвела и почему-то стала расплетать косичку:

— Так вы десантники, псковские, из 76-й… Как мы рады, что у нас в гостях такие храбрые и мужественные мужчины!

Наши жены грозно посмотрели на хрупкое музейное создание. Та судорожно заплела косичку обратно.

— Ну, так кто же написал этот текст? — не унимался редактор.

— Наверное, какой-нибудь редактор вашей газеты описывал прыжки где-нибудь под Псковом.

— Нет! — наш грамотей поднял вверх палец и завершил «сражение»: — Это отрывок из фантастического романа Фаддея Булгарина «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке», написанного им в 1824 году.

— В каком? — не поверила своим ушам девушка.

— В 1824-м.

Девушка долго приходила в себя и наконец вымолвила:

— Да, откуда же вы такие умные на мою голову свалились?

— С неба, милая, с неба.

Пока девушка решала, кого же ей всё-таки любить: Пушкина или предрекшего столь лихих воинов Булгарина, мы самостоятельно осмотрели кабинет поэта и вышли во двор. Вечерело. С поляны доносилось нестройное пение совсем уж самодеятельных исполнителей. Сели по машинам и с чувством выполненного долга и глубокого удовлетворения отправились восвояси. Правда, наши жены требовали еще прогулки по липовой аллее. Но это мероприятие было отложено на потом и было осуществлено в следующий праздник поэзии. С тех пор мы каждый год приезжали в Михайловское, ставшее нам родным».

* * *

В результате редактирования этот эпизод в основной текст не вошел и сохранился в виде черновиков. Но спустя пару лет после выхода книги отложенные в папку материалы обрели, на наш взгляд, дополнительные смысловые модуляции.

За два года до трагической смерти А.С. Пушкина в газете «Северная пчела» Фаддей Булгарин опубликовал «Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною 1835 года». Завершая свой весьма занимательный рассказ о нравах и обычаях местных жителей, автор между прочим замечает: «Псковская губерния есть родина первого нашего современного поэта А.С. Пушкина. В псковской своей

деревне он написал лучшее свое произведение (имеется в виду драма «Борис Годунов»), которое переживет все прочие веками. Мы не называем этого сочинения для избежания всякого спора. Пушкиным Псков выплатил за всё прочее, по части просвещения». Булгарин воздает Пушкину должное — точно так же, как Пушкин воздал должное Булгарину. В 1830 году в заметке «О журнальной критике» «первый наш поэт» выделяет среди прочих литературных новинок роман «Иван Выжигин» и сетует на недостаточное внимание к данному произведению со стороны критиков: «В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими «Иван Выжигин»), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены?» Мысль Булгарина о том, что именно Пушкин находится на вершине русского литературного Парнаса, не нова. Новым является другое. Булгарин «закрепляет» за Псковской губернией статус «пушкинской». Именно так и по сей день Псковщина воспринимается многочисленными поклонниками пушкинского гения. То есть, следуя терминологии туристической отрасли, это «бренд» Псковской области. Другим очевидным «брендом» являются храмы, монастыри и крепости, стоящие на границах Русского мира. Там, где есть границы, всегда есть их защитники, ведущие свою родословную от дружин Александра Невского — и до десантно-штурмовых подразделений легендарного «Дяди Васи».

Наступили времена, когда защиты требуют не только физические контуры Отечества, но и такая хрупкая духовная субстанция, как Слово. В том числе пушкинское слово. Сегодня на Украине свергают памятники Пушкину, завтра возвращать их на место придется «крылатым» воинам. В 1824 году в Михайловском поэтический гений Пушкина достиг небывалых высот. В том же году в тех же небесных сферах Булгарин узрел и описал военно-воздушные войска. Поэт, в отличие от фантаста, о ВДВ, кажется, ничего не написал. Но в том-то и сила воплощенных в строки гениальных прозрений, способных откликаться как в прошлом, так и в будущем:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю…
…Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!

Из воспоминаний сотрудников Пушкинского Заповедника

Галина Симакина[1]

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВЕЛЬЕ. НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВРЕМЯ. 1960—1963 ГОДЫ

Отчетливо, словно это было вчера, помню свой приезд в Велье в августе 1960 года. Сюда я попала по распределению после окончания филологического факультета педагогического института. На трассе на повороте на Велье меня подобрал грузовик, и с высоты кузова открылся вид на село и церковь как на картинах передвижников. А справа по ходу движения, вдали, были какие-то водоемы — как оказалось, остатки — «окна» — некогда огромного озера Чадо, теперь, в 1960-е годы, зарастающего и заболоченного. Велье и его окрестности очень живописны. Сразу было видно, что Велье — старинное село, все улицы которого ориентированы на городище. В начале лета всё благоухало: цвел алый шиповник, кусты акации и белые розы в палисадниках и на улицах. На озере плавали в огромном количестве домашние утки и гуси, вечером домой гнали стадо коров, овец, коз.

Этой деревенской жизни я прежде не знала, и неизвестно, как бы я вписалась в нее, если бы не приезд после окончания Псковского пединститута молодой учительницы математики Ларисы Николаевны Бобровой. Ее отец возглавлял в Пушкинских Горах райисполком, мама заведовала контрольно-семенной станцией. Эта известная семья уезжала в Ленинград, а Лариса оставалась работать в школе, в Велье. И она была для всех своим человеком. Расположение местных жителей к Ларисе слегка проецировалось и на меня тоже, так как к концу

[1] Галина Федоровна Симакина родилась в 1936 году. В 1960 году после окончания пединститута (Орехово-Зуево) распределилась в Псковскую область (Велье). Работала в школе по 1963 год. В 1963–1955 годах — в Пушкинском Заповеднике. В 1965–1989 — хранитель Тригорского. В 1989–1995 — заместитель директора Пушкинского Заповедника по науке. В 1995–2014 — заместитель по науке в музее А.С. Грибоедова (Хмелита).

На обороте фото: «Велье, 1961 год. Симакина Г.Ф. (в светлом) и Боброва Лар. Ник. — уч-цы Велейской школы»

первого дня знакомства мы решили жить вместе, чтобы топить одну печь и варить один суп. Нашу дружбу мы пронесли через годы. Ларисы не стало в 2019 году…

В 1980-е годы мы приезжали вместе с ней в Велье, еще кое-кто был жив. Геннадий Васильевич Ореликов, наш школьный директор, очень тепло вспоминал всех учащихся, которых мы когда-то учили, наших коллег, смешные случаи…

Наши школьные коллеги были преданы своей профессии, воспринимая ее как миссию: «сеять разумное, доброе, вечное»… К ученикам относились не казенно, скорее по-родственному. Всех знали по именам и часто так к ним обращались, знали их родителей. Все были с опытом работы, имели семьи и были старше нас. Они занимались с детьми после уроков, если надо было кого-то «подтянуть», навещали на дому заболевших. Зимой — в морозы, на лошади, на санях — иногда посещали не одну, а несколько маленьких деревень (Слезы, Погорелово, Козлы, Костры).

В наше время в Велье училось 120–130 человек. С 1960 года школа-десятилетка была преобразована в восьмилетку, а желающие учиться дальше (таких было немного) отправлялись в райцентр, в Пушкинские Горы. Девятый класс занимался только один год по программе вечерней школы. В Велье был школьный интернат, там жили учащиеся в осенне-зимнюю пору, но в любое время, при любой погоде в субботу после уроков рвались домой, а в понедельник утром тянулись группками в школу. Самая дальняя деревня была Сальницы; возле нее зимой ходили волки, поэтому дети брали с собой соломенные жгуты, чтобы при необходимости поджечь их и отпугнуть хищников. Разомлевшие в тепле классов после мороза, на первом уроке они дремали, поэтому в расписании старались учесть этот момент, ставя предметы попроще.

После своей работы в Велье я особенно ценю людей, которые выросли в русской глубинке, получили образование своим трудом и стали успешными людьми — или просто остались хорошими людьми, помнящими свои корни…

В то время автобусного сообщения с райцентром не было, ездили на секции — совещания — на попутках, через Новгородку.

В Велье был колхоз «Смена», выращивали многое, в том числе лен и картошку. Школьники тоже вносили свой вклад, работая на полях. Тогда, пока продолжалась уборка урожая, их снимали на один — два урока в конце дня. Вообще быт был трудный. Постоянного электричества не было. Местная подстанция работала по принципу светового дня — утром часов с 8–9 и вечером, как стемнеет; зимой, бывало, и раньше давали свет. У всех были керосиновые лампы, готовили на плитах, в печах или на керосинках. Учителям, кроме бесплатных дров, полагалась большая норма бесплатного керосина в магазине. Кроме двух магазинов и школы, занимавшей несколько зданий, в Велье была больница, врач Т.И. Газетова, терапевт; зубной врач приезжал два раза в неделю. Были аптека, библиотека, ветеринарная служба. Больница находилась в красивом деревянном доме XIX века; потом еще долго она была уже не участковой, а социальной больницей.

В клубе показывали фильмы — те же, что накануне шли в Пушкинских Горах, даже «Ночи Кабирии» Ф. Феллини. Это внушало надежду, что вконец из цивилизации мы не выпадем. Билет на сеанс стоил 20 копеек. При отсутствии телевизора и при непостоянной работе радио, которым заведовал наш деревенский приятель Слава Ухарский, иногда по нашей просьбе чуть продлевающий работу радиосети,

важным источником информации становились газеты с вчерашними-позавчерашними новостями, которые получала школа. Может быть, поэтому нам в обязанность, кроме школьной работы, вменялись выходы с политинформациями по деревням два раза в месяц. С нашим приходом в какую-нибудь избу собирались жители. Обстановка была скудная — печь большая, русская, полати, кровать за занавеской, скамейки или табуретки вокруг деревянного, всегда выскобленного, чистого обеденного стола. В красном углу икона, фотографии хозяев и родных на стенах. И после наших слов голос с печки или от двери: «Дочуш, а коли нам деньги платить будут?» Я еще застала и «цоканье» — тогда обращение звучало как «доцуш». Работали за трудодни, колхоз расплачивался натурой — зерном, сеном, фуражом… Паспортов в деревне, даже у учительниц, не было. Если выезжали, брали справку в сельсовете. Паспорта имели только отслужившие в армии. Помню, как удивились в гостинице в Таллине, когда такая справка обнаружилась у нашей велейской учительницы.

Жили мы в большом поповском доме — общежитии для учителей. Двумя окнами квартира смотрела на старинную проезжую дорогу на Красногородск, а двумя другими выходила на Воздвиженскую церковь, где служил батюшка-эстонец по фамилии Тамм. Он был очень трудолюбив: сам чинил ограду, асфальтировал церковный двор, пользуясь катком. Из его небольшого домика, сразу за нами, часто доносились звуки фисгармонии, на которой он играл. Две монахини-келейницы убирались в церкви, топили баню и каждую субботу приходили нас звать «на первый пар»: «Батюшка просит». Мы не были знакомы, но раскланивались благодарно издали. Года через два (он был уже очень старенький) батюшка умер. Такого съезда легковых машин в Велье никогда не видели, столько духовных лиц приехало проститься с ним…

Мы с Ларисой в церкви были однажды, на Пасху. Это называлось официально: дежурство, контроль за школьниками. Но таковых в наше посещение службы не обнаружилось. Даже из любопытства посещать старинную церковь XVIII века учителям настоятельно не рекомендовалось. Кстати, праздник Воздвижения Креста Господня в Велье — престольный.

Главное была работа. У меня был немецкий язык во всех классах, начиная с пятого, и литература в восьмом классе. Наверное, потому, что мы были молодые, контакт с детьми был полный. Мы очень старались как-то разнообразить их жизнь, и они тоже старались сделать всё как

На обороте фото: «Я и девочки моего 8 кл. в Михайловском. «Горбатый мостик»

надо — прочитать и рассказать из внеклассного чтения, поделиться впечатлениями от общения с природой, домашними животными, птицами. Это способствовало их развитию.

Спектакль в костюмах — «Золушка», на немецком языке — собрал полный зал в клубе и долго вспоминался потом, когда я уже работала в Заповеднике и встречалась с его участниками. Очень было приятно, что мои детишки после первого года обучения немецкому языку победили на районном конкурсе в Пушкинских Горах.

Мы устраивали школьные тематические вечера, где разыгрывались сценки и композиции на темы «Освоение космоса», «События Великой Отечественной войны в Псковской области», «Мой край», «Наше село». Мы хотели, насколько это возможно, наполнить детскую жизнь новыми впечатлениями. Мы ходили в походы в окрестностях Велья, в Красногородку с ночлегом (15 км туда и столько же обратно), ездили на экскурсии в Ленинград, Псков, Печоры, в Пушкинские Горы — осенью и в день рождения Поэта на праздник. Тогда он был стихийным, поистине народным и лишь позднее был преобразован из народного, очень искреннего

гуляния на большой поляне Михайловского в торжественную акцию государственного масштаба. Вельяне очень гордились соседством с пушкинскими местами, были уверены, что Поэт бывал здесь.

В начале лета 1963 года состоялся велопробег группы школьников из Велья в Голубово — Врев (30 км до Пушкинских Гор, около 12–15 до Врева и обратно) с посещением усадеб Тригорского и Петровского пешком (в Михайловском и в Святогорском монастыре мы бывали ежегодно). Ночевали в палатках. Мы очень готовились к этой поездке: в течение нескольких месяцев изучали книги-путеводители по Пушкинскому Заповеднику, книгу Л. Софийского «Город Опочка и его уезд» 1912 года. Это была собственность Клавдии Федоровны Тихоновой, учительницы географии. За судьбу книги она переживала. В результате поездки появился альбом «Три дня с А.С. Пушкиным» с фотографиями. Это в самом деле было значительное событие, тем более что по дороге туда после Новгородки отказали тормоза велосипеда у одного из мальчиков. Сколько волнений и беспокойства это вызвало у всех нас и у меня, руководителя поездки, которая несколько лет не прикасалась к велосипеду. Но впечатления от посещения мест, где Пушкин бывал у своих друзей и знакомых в Островском уезде, перевесили и усталость, и раздражение от комаров и слепней. Дорога через Носово — Блажи — Вече тогда хорошо сохранила старые следы. А в Вече еще были большие деревянные обшитые тесом дома, как в Велье.

К сожалению, альбом на тему «Велье прежде и теперь», представленный на конкурс по краеведению в область и получивший первое место, пропал: его, хоть районные методисты народного образования и обещали вернуть, так не вернули. В этом альбоме были помещены редкие фотографии конца XIX — начала XX века, запечатлевшие виды старого Велья. В начале моей работы в Заповеднике и потом еще несколько раз я обращалась в облоно с просьбой помочь найти этот альбом. Не однажды писала и в Псковский областной архив. Результатов ноль, фотографии, насколько я знаю, так и не были нигде напечатаны; мне обнаружить их не удалось.

Фотографии эти находились в семье велейских жителей Мельдер. Внучка Анны Григорьевны Мила Мельдер училась у нас, она и сказала об их существовании. Надежда Григорьевна, сестра Анны Григорьевны, была искусной портнихой. Она шила нам с Ларисой платья практически за бесценок, объясняя, что вот когда она со своей машинкой объезжала заказчиц по имениям (упоминались Гораи), вот тогда была работа.

Ей было далеко за 80 лет, но записать ее рассказы мне по молодости ума не хватило, о чем я очень жалею. Позже Зинаида Васильевна Мельдер по заказу Семена Степановича Гейченко связала для Заповедника шаль крючком из черной и красной шерсти и льняных некрашеных ниток. Она была помещена на диван в экспозиции комнаты Е.Н. Вульф. И очень эффектно смотрелась эта небрежно брошенная шаль на малиновой обивке дивана!

Школа занимала несколько зданий, основным являлся дом купцов Крестовских, который сохранился и поныне. Сохранился и старый дом, в котором мы жили — без больших огорчений и печалей, тем более что в отпуск мы уезжали домой. Из развлечений — катание на лодке, а зимой на лыжах, «путешествия» в Опочку, Таллин, Ригу, Вильнюс, Ленинград. Поездки были дешевы — пять рублей поездом в прибалтийские города, по-моему, столько же в Питер.

С особой благодарностью помню Надежду Николаевну Иванову и ее семейство — умную, очень доброжелательную Марию Ивановну, матушку Надежды Николаевны, ее мужа Владимира Ильича, председателя Велейского сельсовета. Их сын Борис, тогда дошкольник, работает в Заповеднике. Надежда Николаевна опекала нас постоянно и заботливо, давала не только житейские, но и профессиональные учительские советы. Она преподавала биологию и химию, идеально содержала школьный приусадебный участок, где школьники прилежно трудились, выращивая овощи для школы.

Именно здесь проходили свою учебную практику два сына художника-графика В.А. Ветрогонского. Он долгие годы был дачником Велья, с ним потом в Пушкинском Заповеднике я встречалась неоднократно. Они всегда — он и его жена Людмила Ивановна — ходили по Заповеднику пешком: из уважения, как говорил С.С. Гейченко, к «великой тени».

Велье осталось навсегда в моей жизни и в памяти тоже. Разве можно забыть дивные закаты, «двух озер лазурные равнины» с высоты Велейского городища, церковь, опрокинутую своим отражением в водах одного из этих озер, поездки в возке по тридцатиградусному морозу в Рождество-Федки зимой 1962 года (с инспекционной — кажется, придуманной в роно — целью), знакомство с интересными людьми, прежде всего, с деревенскими стариками! Разве можно забыть наши прогулки по весне, когда ковер из ландышей и сон-травы заставлял замереть на месте! А «придуха» на озере Велье, когда рыбу в начале весны

На обороте фото: «Лариса Боброва, я и Над. Ник. Иванова в окрестностях Велья. 1962 год»

из ледяных лунок ловили сачком и руками! А колоритную псковскую речь с бесконечным повтором: «ахти, тошно, мое лихо», теперь исчезнувшую…

Нужно сказать большое спасибо коллективу учителей, поддержавших нас в начале самостоятельной жизни, откликавшихся доброжелательно на все наши инициативы. Не случайно здесь, уже после нашего отъезда, возник музей села Велье. Инициатором и его создателем стала наша Надежда Николаевна Иванова, которая собрала такие интересные вещи — не только предметы крестьянского быта, но и старинные, дореволюционные (бумажные в том числе) деньги, ордена, фотографии, документы. Музей располагался в помещении клуба, в фойе, его создание вызвало настоящий энтузиазм жителей. С.С. Гейченко принимал Надежду Николаевну в Михайловском, подарил музею несколько офортов В.М. Звонцова с видами Пушкинского Заповедника. Сейчас

в экспозиции маленькая фотография Надежды Николаевны — а ее портрет должен быть в центре, как и портрет одного из наших учеников А. Филимонова, профессора, известного историка и краеведа. Переезжая в Пушкинские Горы, Н.Н. Иванова наиболее ценные экспонаты вернула их хозяевам, музей захирел, кое-что из экспонатов попало в местную школу, и музей, возникший как народный, прекратил свое существование.

Моя связь с Вельем не прерывалась и впоследствии, когда я стала работать в Пушкинском Заповеднике. Уже в конце зимы 1964 года я стала участницей научно-этнографической экспедиции, целью которой было обследование Велья и соседних деревень на предмет выявления и, по возможности, приобретения старинных вещей крестьянского обихода, а также, если повезет, — запись бытующих и бытовавших песен, сказок, присказок, частушек, особенно если в них упоминается имя А.С. Пушкина. Словом, Пушкин в народной памяти. Несколько частушек и народных анекдотов были записаны.

Велье почти не пострадало в годы оккупации во время Великой Отечественной войны, и, несмотря на обследование в предыдущие годы этих мест Псковским музеем и Пушкинским Заповедником, в домах еще стояли работающие станы, за которыми ткали, а в сундуках хранились бабушкины-прабабушкины венчальные свечи, одежда, постельное белье, полотенца, скатерти, посуда деревянная и медная и прочие предметы обихода. Из этой экспедиции мы привезли много нужных для экспозиций и пополнения коллекций вещей, в том числе замечательные набойки. В сарафанах и рубахах из Велья мы однажды поздравляли Семена Степановича Гейченко в его юбилей, распевая: «Ах, вы сени, мои сени, сени новые, кленовые…»

Приятно было видеть привезенные тобой короб или полотенце в Кухне-людской, или в Конторе управляющего деревянную миску с яблоками. Во время экспедиции по дороге в Ильинское в одной избе мы увидели редкое шерстяное тканое одеяло: череда нитей благородного темно-коричневого и более светлого тона. Упросить хозяев продать музею (за любые деньги!) не удалось, но потом, если попадалось что-то задевающее за живое, мы с Женей Ивановой восклицали: «Как то одеяло в псковской избе, помнишь?» В некотором роде — эталон подлинности, совершенства и недосягаемости…

Не один раз я приезжала потом в Велье в качестве научного сотрудника и хранителя Тригорского с рассказами-лекциями о Пушкине и

Пушкинском Заповеднике, встречала много раз своих бывших учеников — чаще в Пушкинских Горах и Пскове, чем в самом Велье…

В 1980-е годы вместе с рабочими и научными сотрудниками Заповедника закапывала (в буквальном смысле слова) лопатой обнаруженные и обследованные ленинградской археологической экспедицией фундаменты средневековой крепости на городище Велье. Руководитель работ, известный ученый А.Н. Кирпичников сетовал на невозможность — по финансовым причинам — консервации памятника и его дальнейшего содержания…

Но эти мимолетные посещения, конечно, не могли идти ни в какое сравнение с той прежней настоящей жизнью, которая по силе эмоционального воздействия, житейскому опыту, жизненным урокам, полученным здесь в течение трех быстро пролетевших лет, оставила неизгладимые впечатления и воспоминания.

Гость «Михайловской пушкинианы»

Виталий Ананьев

О ТОМ, КАК НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ, НЕШТАТНЫЙ ЭКСКУРСОВОД ДА ВДОВА ЛЕНИНА ПРОФИЛЬ АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ МЕНЯЛИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

«Сэр: Статья, опубликованная в февральском номере Вашего журнала за с. г. и озаглавленная «Сталин перешучивает Шоу», — определенно глупая ложь. Джордж Бернард Шоу посетил Россию не в 1937, а в 1931 году. Вполне возможно, он бывал в церквях, как утверждает Ваш автор, но никакие отчеты о его беседе со Сталиным не упоминают тех заявлений, которые приводятся в статье»[1]. Так начинается письмо в редакцию журнала «The American Mercury», подписанное неким Фрэнсисом Лисмором («Гавана, Куба») и опубликованное изданием в майском выпуске за 1945 год. Завершается оно словами: «Правда более интересна, чем ложь. Так почему бы не печатать правду?»[2]

Объектом критики сурового читателя стала заметка американо-канадской журналистки Р.Г. Климан, в которой приводился забавный эпизод, связанный с визитом Дж.Б. Шоу в СССР. В заметке рассказывалось о встрече Шоу со Сталиным, в ходе которой нобелевский лауреат и известный острослов якобы заявил: «Как марксисту критиковать мне нечего, но вот как человек, разменявший восьмой десяток, не могу не выказать две жалобы: во-первых, ваши застолья длятся слишком долго, а во-вторых, церковные скамьи слишком неудобны». Сталин первый упрек принял, а на второй ответил, что в русских церквях скамей нет. Шоу настаивал на своем, утверждая, что вчера вечером был в церкви и сидел, хотя и без всякого удобства, но точно не на голом

[1] *Lismore F.* Stalin outwits Shaw // The American Mercury. 1945. Vol. 60. Is. 257. P. 633.

[2] Ibid.

полу. В ответ на это Сталин предложил следующее объяснение: «Мистер Шоу, — строго сказал Сталин, — Вы приняли за сидение какого-то русского, который молился, стоя на коленях. В церковном сумраке это вполне возможно. Не совершайте больше такую ошибку. Я не люблю, когда моему народу садятся на шею, по крайней мере, когда это делают иностранцы». Так мистер Шоу, лицо которого приобрело совершенно пунцовый цвет, был повержен»[3]. В начале 1945 года, когда Вторая мировая война клонилась к скорому завершению, а СССР был союзником, история смотрелась вполне уместно в популярном американском издании.

В ответе, опубликованном вместе с письмом в редакцию, Р.Г. Климан безоговорочно признавала свою ошибку в датировке события, но продолжала настаивать на его правдивости или, как минимум, правдоподобии: «Мистеру Шоу не нравились застолья, но зато нравилось посещать церкви. Профессор Луначарский и Константин Уманский, впоследствии посол в Мексике, которые были приставлены к компании Шоу — Астер в качестве гидов и переводчиков, делали всё возможное, чтобы предотвратить это, стараясь запланировать на каждый день как можно больше визитов. Однако с помощью Джорджа Уокера, первого секретаря Британского посольства, мы смогли этому противостоять: между пятью и семью часами пополудни, когда мистер Шоу должен был отдыхать, Уокер приходил в гостиницу и вел Луначарского или Уманского, в зависимости от того, кто из них был на страже, выпить в бар, я же проскальзывала наверх и выводила мистера Шоу через черный ход, чтобы мы могли пройтись по церквям. Я помню, что мистеру Шоу огромное удовольствие доставило то, что он увидел, как, несмотря на антирелигиозную кампанию, которая тогда шла полным ходом, церкви всё еще активно посещаются. Когда мистер Шоу прибыл в Ленинград, британский генеральный консул Уильям Баллард, ныне сэр Ридер Баллард, британский посланник в Тегеране, «похитил» Шоу по моему наущению и отвел его посмотреть Казанский собор, который был превращен в антирелигиозный музей, и несколько других всё еще открытых русских церквей. Именно мистер Баллард первым и рассказал мне, что мистер Шоу, устав, принял в тускло освещенной церкви коленопреклоненных русских за скамью и уселся на одного из них»[4].

[3] *Clyman R.G.* Stalin outwits Shaw // The American Mercury. 1945. Vol. 60. Is. 254. P. 220.

[4] Ibid. Is. 257. P. 633–634.

Строго говоря, и этот ответ содержал некоторые фактические неточности. Казанский собор в 1931 году был всё еще действующим храмом, музей открылся в нем лишь год спустя, в 1932 году[5]. Антирелигиозный музей летом 1931 года в Ленинграде располагался в другом соборе — Исаакиевском. История последнего как раз и делает вновь актуальными слова, которыми почти 80 лет назад мистер Ф. Лисмор начал свое письмо в редакцию «The American Mercury».

В 2022 году в очередном выпуске «Михайловской пушкинианы» была опубликована статья старшего научного сотрудника Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Д.Ю. Медвинского, посвященная музейной работе Е.И. Востокова, высокопоставленного военного, художника, в конце 1930-х годов занимавшего ряд ответственных постов в музейных структурах Ленинграда. В этой статье автор пишет: «Знаменитый английский драматург как сторонник социалистических идей с большой симпатией относился к СССР, за что подвергался в Европе резкой критике. В 1931 году он решил отпраздновать свое 75-летие в Советском Союзе, посетив Москву и Ленинград. В Кремле маститого писателя принял Сталин. Через пять лет Бернард Шоу вновь посетил Ленинград»[6]. С учетом того неослабевающего интереса, который вплоть до настоящего времени проявляют ученые к фигуре Джорджа Бернарда Шоу, последнее утверждение Д.Ю. Медвинского вполне может претендовать на статус мировой сенсации, ведь ни о каком повторном визите писателя в СССР никто никогда не слышал. Подготовивший к изданию его незавершенную книгу о Советской России (предисловие и единственную главу) Харри М. Гедалд уверенно пишет о том, что рукопись создавалась «в 1932, год спустя после единственного визита ДБШ в Россию»[7]. Не упоминается он и в советской историографии[8]. Авторы новейшего исследования о связях Шоу с Россией также ничего не знают о втором визите в 1936 году[9]. Как же удалось петербургскому ученому

[5] См.: *Шахнович М.М., Чумакова Т.В.* Музей истории религии Академии наук СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб., 2014. С. 27.

[6] *Медвинский Д.* Евгений Иванович Востоков: страницы музейной деятельности // Михайловская пушкиниана. Вып. 89. Сельцо Михайловское, 2022. С. 20. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется.

[7] *Geduld H.M.* Bernard Shaw in Russia // Bernard Shaw: The Rationalization of Russia. Bloomington, IN, 1964. P. 9.

[8] См., напр.: *Гражданская З.Т.* Бернард Шоу после Октября. М., 1968.

[9] *Soboleva O., Wrenn A.* The Only Hope of the World: George Bernard Shaw and

сделать такое серьезное открытие? И важно ли оно для оценки научного значения его статьи или же это просто фактическая неточность, вроде той, что Р.Г. Климан допустила в своей заметке? Первый вопрос особых трудностей не вызывает.

В своем описании центрального сюжета биографии Е.И. Востокова, связанного с перепрофилированием расположенного в Исаакиевском соборе музея из категории антирелигиозных в категорию художественных, Д.Ю. Медвинский опирается на его воспоминания, впервые вышедшие отдельным изданием в 1996 году[10] и переизданные посмертно в 2011 году[11]. В этих воспоминаниях специальный очерк посвящен Бернарду Шоу, его визиту в Ленинград, встрече с мемуаристом и посещению музея. Е.И. Востоков пишет: «До Великой Отечественной войны приезжал в нашу страну выдающийся английский драматург Бернард Шоу. В то время я заведовал музейным сектором Ленинградского Совета, был уполномоченным Наркомпроса по музеям города, и мне было вменено в обязанность оказать содействие Б. Шоу в ознакомлении с музеями Северной Пальмиры». Далее он вспоминает о том, как предложил Шоу подняться на колоннаду Исаакиевского собора, что тот и сделал, «несмотря на почтенный возраст». Затем высокий гость «вошел внутрь. Его внимание особенно привлекли великолепные мозаики, с любопытством он рассматривал архивные документы и другие экспонаты, повествующие об истории строительства собора в течение 50 лет (так! — **Авт.**)[12] под руководством французского архитектора Монферрана, автора Александровской колонны, что была воздвигнута перед Зимним дворцом в память об Отечественной бойне (так! — **Авт.**)[13] 1812 года. Б. Шоу спустился и в подвальные галереи, где была устроена в то время выставка «Кремация» с целью доказать людям преимущества кремации перед захоронением на кладбищах. Когда осмотр был закончен и мы по традиции попросили оставить

Russia. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Wien, 2012.

[10] *Востоков Е.И.* Памятные встречи. Рязань, 1996.

[11] *Востоков Е.И.* Памятные встречи на дорогах искусства // Искусство и путешествия / авт.-сост. И.Е. Востоков. М., 2011. С. 125–164. Д.Ю. Медвинский использует именно это, второе издание.

[12] Собор строился 40 лет, с 1818 по 1858 год.

[13] Опечатка во втором издании воспоминаний, вызванная некоторой вычурностью шрифта первого издания, в котором визуально буква «б» действительно очень близка букве «в».

свою запись в «Книге отзывов», Бернард Шоу сказал: «Вы знаете, ведь я колючий старик. Вот напишу отзыв, а он может не понравится сотрудникам музея?!» (пунктуация оригинала. — **Авт.**). Помню, я ему ответил, что мы не против критики. Он еще раз окинул взором знаменитый памятник искусства и написал отзыв, состоящий всего из одной фразы: «Великолепный собор и беззубый музей». Мы решили воспользоваться его мнением, оно было последней каплей в пользу вынашиваемого нами предложения (изменить профиль музея. — **Авт.**), довели его до Н.К. Крупской и Ф.Я. Кона, которые шефствовали над системой музеев в Наркомпросе… так Б. Шоу, сам того не подозревая, помог нам решить непростую для того времени задачу»[14].

Д.Ю. Медвинский эту часть воспоминаний Е.И. Востокова излагает следующим образом: «После того как писатель был всесторонне ознакомлен с Исаакиевским собором, Востоков предложил ему оставить запись в книге отзывов. Шоу сказал с хитрым прищуром: «Вы знаете, ведь я колючий старик. Вот напишу, а отзыв не понравится». «Мы не против критики», — успокоил Евгений Иванович. Тогда, окинув еще раз взором грандиозное пространство храма, драматург записывает всего одну фразу — лаконичную, но емкую: «Великолепный собор и… беззубый музей». Заручившись весомым мнением всемирно известного писателя, в мае 1936 года Востоков едет в Москву, где добивается встречи с Надеждой Константиновной Крупской»[15].

В передаче исследователя появляются новые яркие черточки вроде «хитрого прищура» (вероятно, по аналогии с ленинским) и драматичного отточия в отзыве Шоу, несколько меняются его слова (не «музейным сотрудникам», а просто «не понравится»), «мы» из воспоминаний, предполагающее всё же некоторую коллегиальность в принятии решений, исчезает, коллективный актор заменяется на индивидуального, наконец, откуда-то берется точная датировка визита Е.И. Востокова в Москву (май 1936 года), в ходе которого тот «добивается» приема у Крупской. Оставляя в стороне все эти весьма сомнительные с точки зрения принципов адекватного научного цитирования приемы, отметим основное: **нигде** в тексте Е.И. Востокова эпизод с Б. Шоу точно не датирован. Мемуарист пишет лишь о том, что это было «[д]о Великой

[14] *Востоков Е.И.* Слово драматурга (Б. Шоу) // Искусство и путешествия. С. 133. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется.

[15] *Медвинский Д.* Евгений Иванович Востоков: страницы музейной деятельности. С. 22.

Отечественной войны», и он в это время заведовал Музейным сектором Ленсовета. Д.Ю. Медвинский знает, что эту должность Е.И. Востоков занимал в 1936–1938 годах, а в 1931 году был студентом Ленинградского государственного историко-лингвистического института и летом того же года работал экскурсоводом[16] (как студент, надо полагать, нештатным) в Антирелигиозном музее, только что открытом в Исаакиевском соборе. И вот для того, чтобы примирить это знание и свидетельство источника, он не обращается к принципам источниковедения и научной критики текста, а **сочиняет** исторический факт (совершенно неправдоподобный, отметим, с учетом масштаба фигуры Шоу и огромной литературы, ему посвященной) и придумывает второй визит писателя в СССР. Никакого второго визита писателя в СССР не было! Как сказал бы Ф. Лисмор: «Статья, опубликованная в февральском номере Вашего журнала…» и далее по тексту. Строго говоря, сам по себе этот прием уже означает даже не «желтую карточку» в профессиональной научной игре, а «удаление прямой красной».

Но дело отягощается еще и тем, что факт этот важен для более общих построений, намечаемых в статье Д.Ю. Медвинского. Руководство музейными структурами Наркомпроса прислушивается к мнению о музее заезжего нобелевского лауреата, а руководство музейными структурами города тяготится антирелигиозным музеем в храме и само хочет превратить его в художественный музей, ибо в противном случае, как отмечает Д.Ю. Медвинский, «не музей бы приспосабливали под здание храма, а, напротив, здание под музей»[17]. В общем, реальная сложность и многофакторность исторических событий заменяется пролепсисом, возможно, и актуальным идеологически, но совершенно не состоятельным эпистемологически.

Очевидно, что в 1931 году программа визита Бернарда Шоу и сопровождавшей его группы (в которую входили и видные английские политики, вроде леди Астер, и влиятельные аристократы) определялась не нештатным экскурсоводом и студентом первого курса, а совершен-

[16] *Медвинский Д.* Евгений Иванович Востоков: страницы музейной деятельности. С. 18. При этом почему-то Д.Ю. Медвинский пишет, что поступил Е.И. Востоков на историко-филологический факультет Ленинградского государственного университета. Такого факультета в этом вузе никогда не существовало. Он был ликвидирован еще в Петроградском университете в 1919 году.

[17] Там же. С. 20.

но другими структурами. Очевидно, что воспоминания, составленные много десятилетий спустя после описываемых событий, могут содержать аберрации памяти и, как любые эго-документы, требуют особо пристального прочтения. Очевидно и то, что если профиль музея был изменен, высказывание иностранного писателя по этому вопросу никак не могло послужить хоть сколько-нибудь весомым аргументом для советских властей. Тем более, что упоминание о принадлежащей Б. Шоу характеристике музея как «беззубого» в печати появилось именно в конце 1931 года[18]. Не буду уже вдаваться в детали того, что же именно имел в виду Б. Шоу, когда говорил о «беззубом музее», и что бы он сказал, если бы узнал, что именно после его визита и воспользовавшись его словами профиль музея сменили с антирелигиозного на художественный.

Для того, чтобы понять, что же именно происходило во время единственного визита Б. Шоу в Ленинград в июле 1931 года, каким ему увиделся Исаакиевский собор и что он мог подразумевать, говоря о «беззубом музее», следует обратиться к историческим источникам, проанализировать содержащуюся в них информацию в соответствии с принципами научной критики и поместить ее в контекст как общеинтеллектуальный, так и музеологический, а этого-то как раз Д.Ю. Медвинский и не сделал.

Нет сомнений в том, что роль Е.И. Востокова в изменении профиля музея, расположенного в Исаакиевском соборе, в судьбе самого этого памятника была чрезвычайно велика. Но именно значимость этой его деятельности и требует, чтобы мы анализировали ее, основываясь на принципах научности, а не сочиняли «новые исторические факты» и плодили тенденциозные (в базовом значении этого слова) симулякры. В конечном счете, как отмечал всё тот же Ф. Лисмор, «правда более интересна, чем ложь. Так почему бы не печатать правду?»

[18] *Финн Л.* Ближайшие перспективы развертывания работы Ленинградского государственного анитрелигиозного музея // Антирелигиозник. 1931. № 11. С. 68.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Ананьев Виталий Геннадьевич — кандидат исторических наук, доктор культурологии, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Санкт-Петербург).

Аракчеева Ирина Сергеевна — старший научный сотрудник Археологического центра Псковской области (Псков).

Банько Анна Александровна — старший научный сотрудник отдела сохранения Некрополя Ганнибалов — Пушкиных и объектов культурного наследия (Пушкинский Заповедник).

Васильев Андрей Михайлович — хранитель Некрополя Ганнибалов — Пушкиных (Пушкинский Заповедник).

Виноградов Денис Михайлович — хранитель Музея-мельницы в деревне Бугрово (Пушкинский Заповедник).

Виноградова Наталья Викторовна — начальник службы по организации и проведению праздников и массовых мероприятий Пушкинского Заповедника.

Григорьев Дмитрий Павлович — экскурсовод Пушкинского Заповедника, аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня».

Колокольцева Елена Борисовна — заместитель начальника отдела по государственной охране и регулированию градостроительной деятельности Комитета по охране объектов культурного наследия Псковской области (Псков).

Конов Юрий Геннадьевич — старший научный сотрудник сектора современной истории Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Косовец Кристина Сергеевна — старший научный сотрудник Археологического центра Псковской области (Псков).

Лагунин Игорь Иванович — действительный член Академии архитектурного наследия (Псков).

Никифоров Виктор Григорьевич — методист по научно-просветительской деятельности Пушкинского Заповедника.

Пурвинь Лаура Владимировна — старший научный сотрудник отдела сохранения Некрополя Ганнибалов — Пушкиных и объектов культурного наследия (Пушкинский Заповедник).

Рабинович Яков Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Романовский Антон Борисович — старший научный сотрудник Археологического центра Псковской области (Псков).

Симакина Галина Федоровна — с 1963 по 1995 год научный сотрудник Пушкинского Заповедника, с 1965 по 1989 год хранитель музея-усадьбы «Тригорское», с 1989 по 1995 год заместитель директора Пушкинского Заповедника.

Терентьев Вячеслав Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии, заведующий историко-просветительским комплексом по истории развития внутреннего водного транспорта и Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (Санкт-Петербург).

Тиханова Вера Александровна — хранитель Велейского краеведческого музея, научный сотрудник отдела просветительной и музейно-образовательной деятельности Пушкинского Заповедника.

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ] 3

Краеведение, история и археология Пушкиногорья

МАТЕРИАЛЫ
XIII Круглого стола памяти М.Е. Васильева
(7 апреля 2023 года)

Ирина Аракчеева, Кристина Косовец, Антон Романовский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА:
МОНИТОРИНГ 2022 ГОДА, ПЕРСПЕКТИВЫ
СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ 5

Яков Рабинович

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
И ЕГО НАСТОЯТЕЛИ В XVI–XVII ВЕКАХ 9

Андрей Васильев

НЕКРОПОЛЬ ГАННИБАЛОВ — ПУШКИНЫХ
В СВЯТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ.
ИЗ ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА
В КОНЦЕ 1940-Х — СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ
По материалам научного архива и музейного собрания
Пушкинского Заповедника 18

Анна Банько

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ
КОМПОЗИЦИИ МОГИЛЬНОГО ХОЛМА
И СКВЕРА СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ
В 40–50-Е ГОДЫ XX ВЕКА 36

Дмитрий Григорьев

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ ДЕРЕВЕНЬ
ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ,
ПРИНАДЛЕЖАВШИХ ПУШКИНЫМ.
К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА
В 1861 ГОДУ 46

Виктор Никифоров

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ПЛАН
ДЕРЕВНИ ГОРОНЧАРОВОЙ. 1785 ГОД.....58

Игорь Лагунин

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК ПСКОВА 62

Наталья Виноградова

ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ
МИХАЙЛОВСКОГО И ТРИГОРСКОГО. XIX–XX ВЕКА.....87

Денис Виноградов

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ МЕЛЬНИЦЫ 98

Юрий Конов

ПУШКИНОГОРЦЫ — КАВАЛЕРЫ
СОВЕТСКИХ ПОЛКОВОДЧЕСКИХ НАГРАД 112

Вячеслав Терентьев

УКРАИНСКИЕ КАРАТЕЛИ
НА ПУШКИНОГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ
Из истории партизанского движения 1943 года 119

Анатолий Филимонов

ОТ ШКОЛЫ В МОНАСТЫРЕ —
К СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА
Из истории школьного образования
в Пушкинских Горах в 1920–1930-е годы 130

Вера Тиханова

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ИВАНОВА — ПЕДАГОГ-НАСТАВНИК,
ОРГАНИЗАТОР И ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ
ВЕЛЕЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 1487

Лаура Пурвинь

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В 1990-Е ГОДЫ 164

Елена Колокольцева

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО
КАК ВИД ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
На примере объекта культурного наследия
федерального значения «Достопримечательное место,
связанное с жизнью и творчеством А.С. Пушкина
в селе Михайловском и его окрестностях
Пушкиногорского района Псковской области» 180

Из работ сотрудников Пушкинского Заповедника

*Вячеслав Козми*н

ПУШКИН, БУЛГАРИН И «ДЯДЯ ВАСЯ».....190

Из воспоминаний сотрудников Пушкинского Заповедника

Галина Симакина

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВЕЛЬЕ.
НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВРЕМЯ. 1960–1963 ГОДЫ.....201

Гость «Михайловской пушкинианы»

Виталий Ананьев

О ТОМ, КАК НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ,
НЕШТАТНЫЙ ЭКСКУРСОВОД ДА ВДОВА ЛЕНИНА
ПРОФИЛЬ АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ МЕНЯЛИ
И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО.....211

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана» 218

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 97

Краеведение, история
и археология Пушкиногорья

МАТЕРИАЛЫ
XIII Круглого стола
памяти М.Е. Васильева
(7 апреля 2023 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская

На первой странице обложки:
Б.С. Скобельцын. Святогорский монастырь.
Вид со стороны Анастасьевских ворот.
1961 год. Фото из фондов Пушкинского Заповедника

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 19.06.2023.
Формат 60x88 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Объем 14,0 печ. л.
Заказ № 871. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.